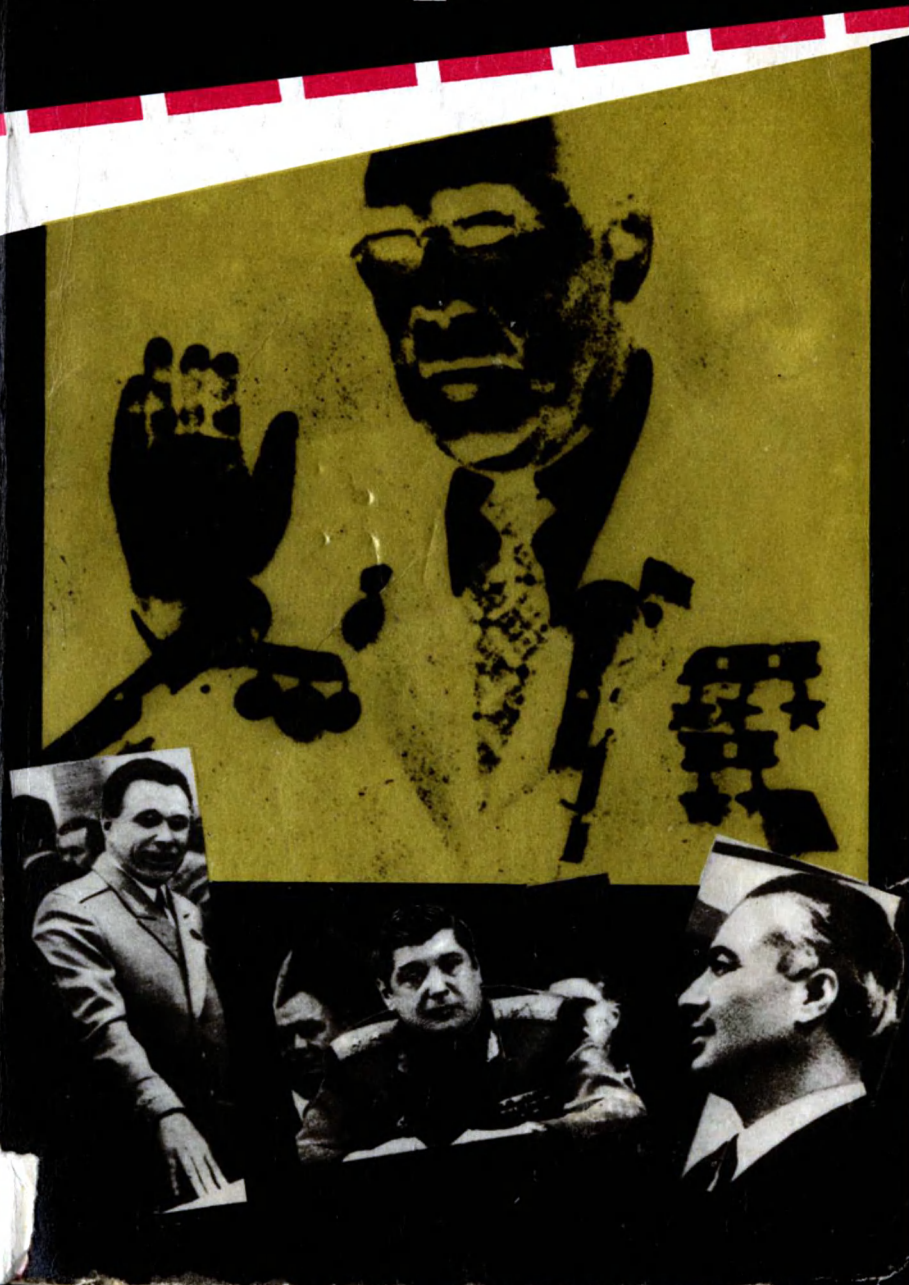

784

ПРОЦЕССЫ

ПРОЦЕССЫ

**ГЛАСНОСТЬ И МАФИЯ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

**Москва
«Молодая гвардия»
1989**

ББК ~~67.99(2)~~ 8
П 84

П 1203021300—243 056—90
078(02)—89

© **Издательство**
«Молодая
гвардия»,
1989 г.

ISBN 5-235-00980-0

Не случайно название этой книги — «Процессы». Как мне представляется, дело не только в том, что громкие судебные процессы последних лет стали отправными точками написания большинства заметок и очерков, вошедших в сборник; объединяет материалы прежде всего то, что они пристрастно иллюстрируют и в совокупности по-своему объясняют тайную механику процессов социальных и нравственных.

Ведь углубляющееся год от года равнодушие людей, пугающе-тотальное небрежение интересами не только общества, но даже родных и близких, деловито-прохладное оперирование расхожими ярлыками, бюрократически неуязвимое усердие, с которым культивируются закрытые для критики зоны плюс ханжеское желание малодушно уложить очевидные социальные пороки на прокрустово ложе «отдельных недостатков» — все это не только пресловутое наследие брежневско-сусловской эпохи, но и, приходится признать, реалии дня сегодняшнего.

И еще один существенный процесс, который мне как юристу видится вторым, как говорится, планом. Переориентация массового сознания, поэтапная переоценка карательного аспекта Закона и социально значимая заинтересованность в радикальном совершенствовании аспекта гарантийного. Очевидные нелады в республиканских и союзных законодательствах и вопиющие деформации социальной морали тесно, полагаю, сопряжены друг с другом. И мне кажется, что в лучших своих работах журналисты не только методично фиксируют внимание читателей на этой немудреной истине, но и порой стараются подсказать, или вернее — наметить конкретные ориентиры становления истинно правового государства.

Различна тематика отобранных материалов. Застарелая, словно язва, коррупция и набирающий мощь на гребне экономических преобразований в нашей стране рэкет. Циничное нарушение социалистической законности теми, кто призван стоять на страже общественного порядка, и планомерное шельмование тех юристов, которые не желают быть марионетками, подчиненными «телефонного права». Масштабная спекуляция с купеческим размахом и мощная система торговли «по-трегубовски». Тематика, повторяюсь, на первый взгляд различна. Но все эти уголовные дела бесспорно сводятся к одному знаменателю. Знаменателю организованной преступности.

Знакомясь с этим сборником, нельзя сбрасывать со счетов наметившуюся ворчливую тенденцию: рефреном многих высказываний и публикаций все чаще становится раздраженное «надоело!». Хватит, дескать, «упражняться в трупопожании», «трясти грязное белье», «чернить наше прошлое» и т. д. Казалось бы, полемика вокруг столь надуманных сетований и выведенного яйца не стоит — слишком очевидна природа этого испуганного «недовольства». И все-таки считаю нужным отчетливо обрисовать

единственно справедливую, на мой взгляд, позицию по данному вопросу. Наше общество уже в полной мере испило горькую чашу умолчания и подробно срежиссированных попыток превратить весь народ в иванов-родства-не-помнящих. Чем эти трагические эксперименты обернулись, всем нам хорошо ведомо. Уверен, нет нужды напоминать о ленинских заветах, дабы раз и навсегда определиться: без знания прошлого не может быть уверенности в том, что былые промахи не обрушатся на нас вновь, без тщательного анализа прошедшего и настоящего невозможно успешное осуществление грядущих проектов и замыслов, всего того, что мы называем перестройкой. История, опять же — как процесс, не та дисциплина, в которой унылая доктрина «повторенье — мать ученья» всегда себя безоговорочно оправдывает.

Конечно, возвращаясь к содержанию сборника, хочется отметить, что не со всеми авторскими оценками можно согласиться. По мне, так не все аргументы однозначно соответствуют чересчур порой сердитым выводам. Но в чем уж никак не упрекнешь авторов, так это в холодном равнодушии. Несомненно, чувствуется местами излишняя эмоциональность, дерзкая запальчивость и поспешные порой обобщения. Но это должно пройти.

Профессиональные юристы и опытные газетчики, скандально известные журналисты и пробующие свое перо в литературных изысках, все авторы — и меня это тронуло — непритворно, похоже, переживают то, о чем пишут, по-настоящему болеют за Дело.

Все эти публикации обрисовывают контуры организованной преступности, наличие коей совсем недавно у нас гневно отрицалось. Это было время фанфарного благополучия. Раскрываемость преступлений едва ли не зашкаливала за сто процентов, brave милиционеры гоняли старушек, торгующих укропом, а министр внутренних дел получал из рук своего первого заместителя, юбилейный презент, фактически похищенный!

Нет, не случайно эта книга называется «Процессы». Судебные процессы — лишь отдельные, не всегда удачные, элементы процесса оздоровления нашего общества. И данная книга особенно уместна именно сейчас, на переломном этапе. Не только как зарисовки оздоровительного, очистительного процесса, но и как ошутимый импულс в этой борьбе, как, позволю себе такое определение, действенное пособие по гласности.

Не скрою, отношение к гласности у юристов неоднозначно. Некоторые раздраженно ропщут, обвиняя «нахальных газетчиков» в надменной некомпетентности, и привычно жалуются на тенденциозный подход журналистов к работникам правоохранительной триады (милиции, прокуратуры, судов). Другим же, напротив, пресса, как мне кажется, помогает преодолеть тайное торможение. Торможение, с закулисной силой которого играют «соратники» разоблаченных преступников, пытаясь спустить неудобные им дела на этих самых таинственных тормозах.

В последние годы к уголовной ответственности привлечены должностные лица, занимавшие в прошлом ответственные посты в партийных и советских органах. Не открою тайны, отметив, что ход расследования находится в прямой зависимости от происходящих в стране изменений. Борьба мнений и тут же — компромиссы. Столкновение непримиримых позиций и подлинные активность масс. Ведомственные амбиции, сложность решения многих проблем не могут заслонить главного — позитивные сдвиги

в жизни общества хоть и замедленно, но происходят. Перестройка завоевывает одну высоту за другой.

Власть без боя не сдают. А значит, привлеченные к уголовной ответственности руководители, стоящие за ними кланы как и прежде будут яростно отстаивать свои жизненные интересы. Нельзя забывать об огромных ценностях, сосредоточенных в нечистоплотных руках. Отсюда — возможности защиты кастовых интересов.

Важно отличать истинные перестроечные процессы от имитации, словесной демагогии и лицемерия. Никто не дерзает говорить, что «перестройка — это плохо». Зато часто плетутся интриги вокруг расследования того или иного дела.

Существовавшая в стране административно-командная система предполагала проведение в жизнь всеми органами той политической линии, которая исходила от высшего руководства. Наряду с другими и правовая система обеспечивала решение тех целей и задач и такими методами, которые были угодны «наверху».

В годы застоя деятельность многих институтов власти и управления была зоной, закрытой для критики. Гласность пробила брешь в этой замшелой стене, многие проблемы стали открыто обсуждаться. Повысилась требовательность к деятельности дознания, следствия и суда.

Вместе с тем мы наблюдаем рост преступности. Одновременно снижается раскрываемость преступлений. Налицо противоречие: мы желаем изменить положение к лучшему, а уже на первом этапе имеем как незначительные позитивные изменения, так и ощутимый отрицательный эффект. Похожие ситуации можно наблюдать в других сферах жизни в качестве первой реакции на перестройку, психологическую неподготовленность к ней значительной части людей. А глубокие корни консерватизма в правовой системе создают и дополнительные сложности.

Но на снижение активности правоохранительных органов и рост преступности влияет и целый ряд факторов, в том числе и субъективных. Некоторых из них можно было бы избежать, другие существенно ослабить. И неопенимую помощь в этом должна оказать гласность. Поэтому-то я еще раз подчеркиваю: журналисты могут и должны вносить ощутимый вклад в дело становления правового государства. Так, как это делают авторы настоящего сборника.

*А. Ф. КАТУСЕВ, заместитель Генерального
прокурора СССР,
государственный советник юстиции I класса*

ЛЕВ ПРЫГНУЛ!

Проведены первые исследования. Диагноз: организованная преступность.

Слово «мафия» уже до такой степени вошло в наш лексикон, что, скажи кому-нибудь, вздохнув: «Куда денешься — мафия...» — тебя не спросят: «Что, тревожно в Италии, да?»

Мы сжились с этим словом настолько, что к чему только и к кому его не приклеиваем. К магазинам, НИИ, баням, кафедрам, творческим союзам, больницам, пивным палаткам; сантехникам, дипломатам, проституткам, мясникам, шахматистам, билетным кассирам; к городам, областям, республикам, к незаметным на карте поселкам и к столичным центрам.

Но за догадками, намеками стала пробиваться и истина, бесстрастная и холодная. Мафия — не красивый образ, мафия — реальность, болезнь, о которой мы раньше беспечно думали, что уж она-то нашему обществу не грозит.

— Мафию, — говорит А. И. Гуров, — характеризуют три признака. Во-первых, это преступное сообщество, которое имеет четкую структуру и иерархические связи: есть главарь (или группа главарей), держатель кассы, связники, боевики, разведка, контрразведка.

— То есть, Александр Иванович, это как бы нормально функционирующая организация закрытого типа?

— Да, это и есть организация, созданная (и это — второй признак) для систематического преступного бизнеса. И — третий, основной. Преступное сообщество становится мафией лишь в условиях коррупции: оно должно

* Справки об авторах смотрите на стр. 189.

быть связано с представителями государственного аппарата, которые состоят на службе у преступников. Если это прокурор, то он спасет от наказания, если работник милиции, то передаст наисекретнейшую информацию, если это ответственный работник, то сделает вовремя нужный звонок.

Я спрашиваю А. И. Гурова: есть ли отличия нашей, доморощенной мафии от западной? Отвечает, что есть, и потому он редко употребляет слово «мафия»: у его западных коллег-криминологов может создаться неправильное представление о предмете разговора. Западную мафию отличают от нашей транснациональные связи; а границы СССР, как известно, закрыты накрепко не только для мафиози, и второе, главное отличие — тамошняя мафия постоянно пытается легализовать свой капитал, порождая не подпольных, как у нас, а вполне легальных миллионеров.

И просит:

— Может, сейчас, в беседе, откажемся от слова «мафия»?

— Вам виднее. Если западные криминологи сочтут, что мы и здесь отстаем...

— Хотя... — Александр Иванович задумывается. — Наши преступники уже налаживают связи с зарубежными «партнерами»: в первую очередь по поводу антиквариата и наркотиков. Связь эта, кстати, идет и через наших бывших (некоторые из них, уехав, создали на Западе преступные группы, в частности, в Италии). И, к сожалению, нами уже получены данные, что с появлением кооперативов и наши лидеры организованной преступности получили возможность легализовать свой капитал, на их сленге — «отмыть».

— Значит, термин менять не будем?

— Хорошо, давайте разберемся с нашей мафией.

Когда же началось?

— Только не при царизме! — убежден А. И. Гуров.

И когда я напоминаю ему о том, что писали Гиляровский или Дорошевич, объясняет, что они-то рассказывали о профессиональных преступниках, которые были и тогда, есть и теперь, и никуда мы от них не денемся в будущем. Но это не мафия. Профессиональная, то есть блатная, преступность — карманники, квартирные воры, разбойники, карточные шулеры, конокрады (исчезли вви-

ду отсутствия лошадей) — была и тогда, но ту преступность нельзя назвать «организованной». Хотя, допустим, одесские карточные мошенники платили дань некоторым полицейским чинам, но в целом преступность не сочеталась с коррупцией.

Были банды в двадцатые годы (сколько они дали сюжетов для детективов!), но мафией они также не стали. Те же причины — отсутствие коррупции в обществе, то есть служащие государственного аппарата не были куплены (хотя можно было найти отдельные примеры).

— Характер преступности и уровень ее соответствуют общественным отношениям. Это аксиома. И потому давайте подумаем: могла ли появиться организованная преступность в сталинские годы? Да нет, не могла. Тоталитарное государство не допустит (как известно, и Гитлер, и Муссолини в своих странах организованную преступность уничтожили).

Я интересуюсь: не тогда ли появились «воры в законе», а если да, то чем они отличаются от сегодняшних мафиози?

— Да, «воры в законе» появились в тридцатых. Это было время бурного развития нашей лагерной системы. Уголовников там было куда меньше, чем так называемых политических, но именно уголовники взяли на себя функции управления в условиях несвободы.

— Почему, если их было меньше? — спрашиваю, хотя сам понимаю, насколько наивен вопрос...

— На первых этапах из уголовников даже подбирали воспитателей и охранников. Ведь остальные-то были «фашистами» — так блатные называли всех, кто шел по 58-й статье: от наркомов до крестьян. И некоторые начальники лагерей специально стравливали блатных с политическими. «Воры в законе» — образовавшаяся в те годы преступная каста — тогда же, в начале тридцатых, установили свои правила поведения, одним из которых было: в политику не вмешиваться, с представителями власти не общаться.

— И так же, не вмешиваясь, продолжали жить на свободе? Они как бы составляли собственное параллельное государство в той сталинской стране?..

— Да, они были связаны воровской идеей, проповедовали жесткие законы по отношению друг к другу (копирующие отношения в стране), у них был и свой орган управления — воровская сходка (известны сходки в Казани, в московских Сокольниках), но в мафию они не пре-

вратились. «Блатные» понимали, что, как только они соединятся, им тут же приклеят политический ярлык, и тогда уже не до шуток. Больше того, «воры в законе» были в то время наиболее свободными людьми. Они не испытывали тех материальных трудностей, которые выпадали на долю народа; в своем кругу (а других они избегали) они не боялись пострадать за нечаянное слово, да и статьи, по которым их наказывали, были куда безопаснее 58-й с ее множеством страшных пунктов.

— То есть, — уточняю я, — «сталинский режим», уничтоживший миллионы, был снисходителен к «блатным», если только они не соединялись в организацию?.. Ведь, кроме других перечисленных вами преимуществ, они и под амнистию попадали чаще, чем политические. Чем это закончилось на закате сталинской «эры», показано в недавнем фильме «Холодное лето пятьдесят третьего»...

— Возможно, вы и правы, — соглашается мой собеседник. — Хотя, как юрист, я могу привести много примеров, когда и «блатные» становились жертвами необоснованных репрессий (в частности, известны их массовые расстрелы в лагерях). Но на кого бы репрессии ни были направлены — все равно они были незаконны, а потому преступны. Даже в отношении воровской нечисти. Однако, выясняя сейчас корни нашей организованной преступности, нужно твердо сказать, что, не будь Сталина, мафия все равно не появилась бы в тридцатые годы. Страна была экономически бедной, а мафия зарождается прежде всего там, где экономика достаточно развита. — И продолжает: — Первые признаки мафии появились у нас тогда, когда начал выправляться хозяйственный механизм, то есть при Н. С. Хрущеве. Хотя масштабы ее деятельности были смехотворны по сегодняшним меркам; в 1958—1959 годах средний ущерб от хозяйственных преступлений в среднем по РСФСР составил полтора-два миллиона. Сейчас подобный годовой доход имеет удачливый квартирный вор.

Итак, в шестидесятые можно было говорить об отдельных признаках мафии. В семидесятые она стала социальным явлением.

Именно тогда, вспомним, само это иноземное слово стало все чаще употребляться в нашем бытовом лексиконе. Казалось бы, не по делу: ну что за «мафиози» в ЖЭКе? что за мафия на кафедре? что за «Коза nostra» в Краснодарском крайкоме? Смех, да и только. Скорее мы

вкладывали в это слово свою горечь от социальной несправедливости, которую наблюдали практически ежедневно, — от невозможности пробиться сквозь бюрократические стены, от несоответствия между пропагандой и реалиями жизни.

Но появилось и новое: Корейко вышел из подполья! Те, кто раньше стеснялся своих незаконных миллионов, начали открыто вкладывать их в «мерседесы», в бриллиантовые кольца, в особняки, которые уже возводили у всех на виду. (Чего было бояться какому-нибудь магнату пивной палатки, если и лидеры страны, и их дети кичились коллекциями драгоценностей.)

Тогда-то мы и начали шептать с отчаянием: ну, мафия!..

Но, кроме видимых невооруженным глазом процессов, начались и другие, которые могли увидеть только криминологи.

Вот как оценивает А. И. Гуров ситуацию семидесятых:

— Все больше и больше денег из госбюджета начало перекачиваться в частные руки. Способов было много, но основной — создание подпольных цехов и даже фабрик, через которые началась перекачка государственных сырьевых ресурсов. Появились и «цеховики» — преступники в белых воротничках. И как реакция на появление теневой экономики — резкая активизация «профессионального» преступного мира, тех, кого можно назвать продолжателями «воров в законе» сталинского периода. Даже концепции «работы» с новым контингентом были разработаны при помощи одного из идеологов преступного мира старой формации, «вора в законе» Черкасова.

— Что это за концепции?

— Первая: бери у того, у кого есть что брать; вторая: бери не все, ибо терпению человека приходит конец; третья: бери на каждое дело работника правоохранительных органов, ибо «мусор из избы не вынесет» (цитирую дословно). Руководствуясь этими концепциями, и начала свою деятельность преступная организация Монгола. Именно с ее появления в Москве в начале семидесятых годов — по единодушному мнению криминологов и практиков — и начала формироваться отечественная мафия. В Узбекистане это произошло чуть раньше — в 1967—1968 годах.

Лидеры подпольного бизнеса стали объектом нападения гангстерских групп. Какими только способами не за-

ставляли их делиться своими доходами! Поджигали машины, дома и дачи, похищали детей (именно в семидесятых годах появился киднэпинг — преступление, которого раньше у нас в стране не было), шантажировали, пытали; одного подпольного миллионера, например, положили в гроб и начали пилить гроб двуручной пилой до тех пор, пока он не согласился заплатить «налог». А заявлений в милицию о нападении не было! Деньги начали перетекать в блатную среду, и в таких суммах, которых за всю историю у профессиональных преступников никогда не было. А едва огромные суммы скопились у «блатных», в их среде появились свои боссы, которые получили возможность содержать штат: и охранников, и разведчиков, и боевиков.

— Но, Александр Иванович, что же мешало и «белым воротничкам» образовать свои охранные отряды? Ведь было же чем платить!

— Правильно. Различные преступные организации (в первую очередь экономические и гангстерские) должны были соединиться. Первыми запросили мира подпольные бизнесмены. Заключению мира был посвящен съезд, на котором присутствовали представители и того и другого направления. Съезд проходил в середине семидесятых годов в одном из городов Северного Кавказа. Бизнесмены согласились платить десять процентов дохода «блатным» за то, чтобы те не трогали их и даже охраняли.

Я, конечно, не мог не заинтересоваться съездами и спрашиваю: единственный ли это известный ему съезд? Он отвечает, что нет, не единственный. Последний (по крайней мере из тех, о которых он знает) проходил в 1985 году в одном из черноморских городов и был посвящен... перестройке работы в связи с активизацией милиции.

Но — вернемся в семидесятые.

— Александр Иванович, но если, допустим, «цеховики» обязались тогда платить «блатным», то точно так же они должны были передавать деньги и наверх: в различные административные органы. О подобных связях не раз писала «Литературная газета» даже в те, застойные времена.

— Конечно... Наверх они платили, чтобы там их прикрывали от закона или визировали незаконные поставки в их подпольные цеха, ну, и вниз — чтобы оградить себя от нападений.

Так в семидесятые годы и были сформированы пре-

ступные организации, верхи и низы которых хоть и не знали о существовании друг друга (или делали вид, что не знали), но были связаны теми миллионами, которые — с помощью «цеховиков» — шли из дохода нации в доход преступных кланов.

С таким наследством мы и пришли в сегодняшний день.

Пришли и увидели...

Сегодня, как показывают исследования, проведенные А. И. Гуровым и его коллегами, ситуация следующая.

Организованная преступность находится в стране на трех разных уровнях.

— На первом, низшем, — уже сложившиеся преступные группы, которые еще не в силах выйти к этажам власти. Подобные группы действуют в районах Нечерноземья и других зонах. На втором уровне — такие же группы, но имеющие связи с коррумпированными служащими. И, наконец, на третьем уровне — самые сильные: несколько групп соединяются в одну, и наиболее сильный клан руководит остальными (на Западе это называется сетевой структурой мафии).

Спрашиваю:

— Но есть ли, так сказать, всесоюзная мафия?

— Ее нет и не может быть. В США, кстати, тоже нет всеамериканской мафии. Каждый клан контролирует свою территорию.

— А как вы думаете, руководители наших кланов знакомы друг с другом?

— Безусловно. У них тоже существует своеобразная табель о рангах и свои понятия о карьере.

— Сколько групп вы изучили?

— Около двухсот. По материалам уголовных дел каждая пятая, а из разговоров с главарями — каждая третья была связана с коррумпированными представителями административного аппарата.

Прошу подробнее рассказать, какие регионы страны больше всего заражены мафией.

— Зараженность эта неравномерная. И в США из 70 крупных городов только в 20 обнаружена организованная преступность. А что у нас? Глобальных исследований пока нет; слишком мелко мы копаем. Но данные, которыми уже располагаем, говорят о том, что преступные организации распространены прежде всего во всех южных

регионах, включая Украину и Молдавию. Из городов Украины считаю наиболее зараженными Киев, Львов, Одессу, Донецк, Днепропетровск... Конечно, Москва и Ленинград. Отмечены преступные организации (но на более низком уровне) в Тамбове, Пензе, Ярославле, Перми... Сейчас в преступной среде стало престижным брать под свой контроль маленькие города. В Московской области это Балашиха, Люберцы, Пушкино, Орехово-Зуево.

— Александр Иванович, но почему все-таки так притягательны мафии южные регионы?

— Думаю, объяснения надо искать в экономической сфере. Юг — это наш Клондайк. Кажется, ясно... Но другое дело, почему сейчас на устах у всех Узбекистан. Не только потому, что липовый хлопок позволял иметь миллиардные левые доходы и коррупция руководителей развратила республику. Мы приводим в пример Узбекистан еще и потому, что его все-таки здорово копнули. До других регионов пока еще не дошли руки. Мы, например, недавно вернулись из Хабаровского края и обнаружили, что там создана преступная организация, которая называет себя «Управлением». Недавно это «Управление» обратилось с призывом создать фонд взаимопомощи тем, кто находится в заключении. Но деньги, как следует из текста «Обращения» (сам читал его), предназначены не каждому, а только верхушке преступного мира.

— Значит, впереди нас могут ждать новые открытия? Не меньшие, чем дал Узбекистан? — предполагаю я.

— Думаю, да. Организованная преступность развивается, есть тенденция поглощения менее сильных групп более сильными. В преступном мире появляются те, кто управляет, и те, кем управляют. Под контроль берутся традиционные, «блатные» преступники, предпочитающие работать по-старому. По нашим данным, сегодня лидерам мафии платят дань не только подпольные бизнесмены (как раньше), но и карманные воры, сбытчики наркотиков, ночные торговцы водкой, проститутки. В противном случае им просто не дадут работать. Эту ситуацию «сквозного контроля» я считаю наиболее опасной сегодня.

— Но контроль одних должен вызывать сопротивление других?

— Да, вызывает. «Воры в законе», например, разделились сейчас на две ненавидящие друг друга категории. Одни живут старыми принципами, другие же перешли на службу к акулам (первые их так называют презрительно: «сторожа акул»). Дело доходит до физического ист-

ребления друг друга. Но чаще конфликтуют представители разных группировок.

Я вспоминаю декабрь позапрошлого года. В районе метро «Аэропорт» во дворе писательского дома группа неизвестных хладнокровно убила парня, который только что сел за руль своей машины. Убитый оказался членом подмосковной преступной группировки. О том, как его хоронили, я случайно узнал из английской газеты «Обсервер». Вот что увидел ее московский корреспондент, попав (как он сам пишет, «случайно») на эти похороны:

«Мое такси остановилось на том месте, где покрытая льдом дорога сворачивала с шоссе. Здесь стояли 40 или больше автомобилей, и сразу стало ясно, что происходит что-то необычное. На каждом ярде от поворота до кладбища на дороге горели пятна красных гвоздик, равномерно разбросанных участниками процессии. Но самым удивительным был состав присутствовавших на похоронах. По крайней мере шесть люберецких банд (не путать с подростковыми группами. — Авт.) были представлены, если судить по группкам, окружающим своих главарей — последние одеты несколько похоже на чикагскую моду 20-х годов. Не верилось, действительно ли все это происходит в Советском Союзе в 1987 году. Поношенные шляпы на манер Барсалино, низко надвинутые на глаза, потрепанные шерстяные пальто, белые, на высоких каблуках кожаные ботинки, сигарета в углу рта. Их было приблизительно человек сто, еще 50 женщин и моментально узнаваемые переодетые в гражданское милиционеры, вооруженные кинокамерами и фотоаппаратами».

Об этом случае (в том числе и о похоронах) А. И. Гуров знает. У мафии, в принципе, приняты пышные похороны. Рассказал о недавней смерти в Ташкенте брата (!) лидера одной из группировок (который и сам недавно был убит). На его похороны съехалось более двух тысяч человек из многих городов страны. Похоронная процессия парализовала центр города, перекрыв уличное движение.

Я прошу А. И. Гурова подробнее рассказать о сути конфликтов между группировками.

По его словам, чаще всего — из-за раздела территории.
— Стички вооруженные?

— Бывают и вооруженные. Среди боевиков много спортсменов. Достать оружие проблемой, к сожалению, для них не является.

А. И. Гуров рассказывает мне и о перестрелке в Москве. Она была вызвана тем, что две преступные груп-

пировки — московская и областная — не поделили, кому контролировать «наперсточников».

Кто такие «наперсточники», читателям, надеюсь, известно. Не раз уже сообщалось в печати о том, как на московских рынках появились добры молодцы, которые просят угадать, под каким наперстком спрятан шарик. Эта нехитрая забава приносит им огромные доходы. Их контролировала московская группировка, которой — за покровительство — они платили «налог». Но областная преступная группировка решила взять их под свой контроль. В результате — перестрелка.

Далее А. И. Гуров говорит мне то, что, признаюсь, удивило:

— Но в принципе руководители преступных группировок не заинтересованы в лишнем шуме. Специально для улаживания территориальных разногласий у них действуют третейские суды, на которых судьями, как правило, выступают «воры в законе». Больше того, лидеры преступного мира контролируют преступность на своих территориях: ажиотаж вокруг чужих преступлений им невыгоден.

И добавил, что здесь наша мафия перенимает опыт зарубежной. Когда в США опросили общественное мнение, то оказалось, что больше возмущают убийцы, насильники и бродяги, чем организованная преступность.

Следующий мой вопрос — о кооперативах.

А. И. Гуров сообщает, что недавно он с коллегами опросил 109 работников следствия и уголовного розыска, какие изменения в преступных организациях наблюдают они с развитием кооперативов. 81 процент опрошенных назвали рэкет, то есть вымогательство, 52 процента — охрану кооператоров, 22 процента — компаньонство (то есть вложили деньги в кооперативы, чтобы «отмыть» их, легализовать).

Спрашиваю, есть ли заявления от кооперативов в милицию для защиты от рэкетиров, или от «охранников», или от компаньонства.

— Единицы... Боятся, что не защитим, хотя мои коллеги знают, что даже врачам, занимающимся частной практикой, уже наносили визиты представители мафии.

— Александр Иванович, каковы сегодня доходы лидеров преступных кланов?

— Если принять во внимание, что ставки в их карточных играх достигли полумиллиона, а взятки, которые они предлагали нашим работникам, были и в триста тысяч и

в миллион, то можете представить, какие у них сегодня доходы...

— Так кто ж они? — спрашиваю. — Кто эти наши отечественные «крестные отцы»? Может быть, Чурбанов?

— Да что вы, какой Чурбанов! На языке преступников такие, как он, — «шестерки». Эти чиновные преступники имели вес только в своем кругу, среди своих подчиненных. Те же, кому они помогали (или на чьей службе состояли!), не считали их за равных себе. Исключение, возможно, Адылов. Он единственный успевал руководить и там, и здесь. И получал ордена, и был «крестным отцом».

— Так кто же тогда?

— Кланами мафии, по нашим данным, руководят или бывшие спортсмены, или профессиональные рецидивисты, или незаметные, серенькие хозяйственники, или, скажем, официант пиджера. Но у него — и охрана, и разведка, и своя система контроля над территорией. И главное, коррумпированные связи, с помощью которых он забирается выше и выше.

— А как складывается их быт?

— «Крестные отцы», как ни странно, живут скромно и для окружающих — законопослушно. Конечно, они имеют дачу, машину, хорошую квартиру, но не шикуют! Не держат дома наркотики или миллионы в диване.

— Но не они ли проигрывают в карты по полмиллиона?

— Они! Но среди своих! В своих, закрытых катранах! На глазах соучастников, чаще всего равных по положению в мафиозной иерархии.

Не могу не задать вопрос: обладая огромными суммами, мафия, думаю, может нанять для своих надобностей и наемных убийц. Да что «может»! Уже, как мне известно, нанимают! Сколько они платят за это? — спрашиваю А. И. Гурова.

— Судя по законченным уголовным делам — от тридцати до ста тысяч. Но самые-то большие деньги уходят не на это! Нанимать убийцу менее выгодно, чем нанять крупного чиновника. И потому на подкуп должностных лиц (это данные НИИ прокуратуры) тратится две трети пограбленного. Две трети! Можете себе представить, какие это суммы!.. Много?

— Порядочно...

— Не будь тех, кто готов эти суммы принять, мафия бы задохнулась.

Полвека назад на этот вопрос было бы ответить легко: «В каком смысле кто?» И тут же помчались бы по городу эскадроны черных воронок, хватая тех, кого подозревали в принадлежности к мафии, а вместе с ними их жен, и соседей, и троюродных племянников, и случайных прохожих по пути, а заодно и целые южные народы.

Да и недавно, лет пятнадцать назад (если бы даже кому и взбрело в голову задать этот вопрос), тоже не мучились бы долго с ответом: «Как кто? Конечно же, мы!»

Как раньше все было легко!.. Но попробуй найди сейчас точный и правдивый ответ.

— Александр Иванович, почему так поздно мы начали говорить об этом? Всего лишь шесть лет назад (а что такое шесть лет? Мгновенье!) вопрос о существовании мафии в нашей стране заставлял руководителей МВД СССР удивленно поднимать брови и покровительственно усмехаться: «Что, детективов начитались?»

— Если бы даже Щелоков захотел признать существование у нас организованной преступности, то как бы он это сделал? Как, я вас спрашиваю, если с преступниками был связан секретарь Брежнева? А Чурбанов?.. Думаете, не было тогда людей в милиции, которые все это знали?

Верю, что знали, что мучились от бессилия, что обивали пороги высоких кабинетов своего министерства. Верю потому, что не раз в те самые годы застоя эти же парни из милиции приходили в «Литературную газету» и, рискуя вылететь из органов (это в лучшем случае!), передавали редакции материалы, использовать которые запрещало их собственное начальство: «Направьте в прокуратуру, может быть, хоть там поверят?», «Выезжайте в командировку, сами убедитесь!», «Напишите! Об этом нельзя же молчать!»

— В том-то и дело... Признать существование организованной преступности в стране? Никто в этом не был заинтересован! Причины, по-моему, объяснять не нужно...

Спрашиваю у А. И. Гурова: а как же удастся бороться с мафией западной полиции? Ведь, если разобраться, им-то куда тяжелее работать, чем нашим милиционерам? Ведь там, на Западе, тебя не оштрафуют за то, что живешь без прописки? Нет таких границ, как наши. Даже дружинников — и тех не видно на улице... (Думаю, за-

надные полицейские могут только завистливо вздохнуть: вот в каких условиях работают их советские коллеги.) И все-таки разоблачают мафиозные кланы! О скольких таких разоблачениях рассказали нам телевидение и печать: сейчас хоть, слава богу, уже без издевки и прозрачных намеков на то, какие у них там, на Западе, нравы. Разоблачают, задерживают, судят!.. Да все это — под бдительным оком адвоката, с железными доводами, которые не отбросишь лишь на том основании, что «нашел кого защищать»! И все-таки судят! Дают огромные сроки! Вырывают корень за корнем!..

— У западной полиции есть опыт, — отвечает А. И. Гуров. — Есть закон о борьбе с организованной преступностью, которого пока у нас, к сожалению, нет. (Мы-то если и осудим кого-нибудь, то за что? В крайнем случае за мошенничество да за подстрекательство. Сами-то лидеры мафии не убивают и не грабят!) Западные законы позволяют рассматривать в суде в виде доказательств фото- и кинопленку. А у нас по ханжескому закону суды не принимают видеосюжеты в качестве доказательств. Да и техника! Где она, наша техника? Вечно сломанный «уазик» да лет десять назад списанный фотоаппарат, а если и есть техника, то ею не умеют пользоваться. А у них давно созданы управления и отделы по борьбе с организованной преступностью!

— Но у нас же, Александр Иванович, тоже созданы отделы. Хоть и недавно, но признали же: есть мафия!..

— Пока их создали лишь в уголовном розыске, и то не везде, и загружают посторонней работой. Потому что в глубине души не могут поверить, что мафия — это не кино, это жизнь! Меня как-то старый аппаратчик МВД спросил даже не об организованной, а об обыкновенной, профессиональной преступности: «Это ты, что ли, Гуров, нашел «вора в законе» на семидесятом году Советской власти? Как тебе не стыдно!»

Соглашаюсь с Гуровым: да, и закон необходим, и специальные отделы в уголовном розыске, которые занимаются исключительно борьбой с мафией, да и на технику, с которой работают наши сыщики, смотреть стыдно (они могут разве утешить себя, что врачам не легче). Все правильно. Но чего-то еще не хватает для ответа на новый, поставленный жизнью вопрос: «Кто жого?» Ведь хочется, чтобы все-таки мы!..

С презрением отношусь к тем прокурорам и следователям, которые мафию «чуют нюхом». Они готовы про-

стить себе десять незаконно арестованных за одну выловленную «акулу». Доказательств нет, и свидетели подставные, и потерпевшие липовые, но они, видите ли, «чуют», что это не карась. Знаю, как дорого потом обходятся всему обществу их ошибки. Да, соглашается А. И. Гуров. Только не бериевскими методами! Только не беззаконием!

Так где же выход?

И Александр Иванович дает ответ, который, наверное, должен был (в силу профессии) дать я:

— В гласности! Мафия должна знать, что мы о ней знаем и будем бороться с ней, как с явлением.

Согласен с А. И. Гуровым: во-первых, мы должны признать мафию явлением потому, что знаем: именно мафия заинтересована сегодня в командных методах управления экономикой. Что ее спасение — в бюрократии. Что ее погибель — в гласности. Не зря же именно время застоя оказалось наиболее благоприятным для мафии.

— Но если кланы мафии уже создали свои боевые отряды, не могут ли они использовать их для дестабилизации обстановки в стране?

Александр Иванович Гуров такой возможности не исключает.

— И последний вопрос. А вас не накажут ваши руководители за то, что рассказали правду мне, журналисту?

Он пожимает плечами:

— Сейчас, кажется, не должны...

Чуть подробнее о моем собеседнике. Придя после армии в милицию и поступив одновременно на вечернее отделение юрфака МГУ, А. И. Гуров поразился несоответствию того, что видел, и того, о чем читал в учебниках и слышал на лекциях. На занятиях ему объясняли, что «в СССР ликвидирована профессиональная преступность», а на службе ежедневно встречался с этими «ликвидированными». Однажды профессор Н. Ф. Кузнецова предложила ему написать реферат, который впоследствии стал кандидатской диссертацией, но это уже потом, когда он успел поработать в уголовном розыске, в том числе и в МВД СССР, а потом перейти на работу в НИИ МВД. «Мне все время давали подзатыльники, когда я доказывал, что профессиональная преступность существует. К счастью, поддержали начальник (в то время) НИИ Игорь Иванович Карпец и его зам. — В. Н. Бурыкин. Но пока доказывал, вышел уже и на организованную преступность». Этой новой для советской криминоло-

гии теме посвящена докторская диссертация А. И. Гурова, которую он недавно защитил.

Не удержусь, расскажу еще об одном эпизоде из его биографии. Возможно, некоторые читатели сейчас мучительно вспоминают: «Гуров, Гуров... Знакомая фамилия». Еще не вспомнили?.. Однажды его фамилия облетела все советские газеты, а его поступок вызвал ожесточенные споры. Александр Гуров, тогда еще младший лейтенант милиции, застрелил знаменитого льва Кинга, который «играл» (как было написано в газете) со случайным прохожим на школьном дворе почти в центре Москвы.

Но и эту давнюю историю я вспомнил сейчас не просто так.

— Александр Иванович, если сравнить льва с мафией, то все-таки... Лев готовится к прыжку или уже прыгнул?..

— Лев прыгнул.

Мы только начинаем узнавать всю правду. О многом лишь догадываемся. О многом не подозреваем.

Мы начинаем. И не исключено, что за какими-то загадочными явлениями нашей действительности увидим лик мафии, умело манипулирующей поступками и происшествиями.

АНАТОМИЯ КАСТЫ

1

Стоял октябрь. Осень шла на убыль. Утром, как обычно, радио поздравило москвичей с началом нового трудового дня. По улице, набирая скорость, покатали первые троллейбусы; где-то за толщей асфальта глухо, еле уловимо пронесся поезд метрополитена. Обычное осеннее утро.

Директор гастронома № 1, который больше известен как «Елисеевский», Юрий Константинович Соколов вышел из подъезда своего дома, глубоко вздохнул и не спеша двинулся вверх по улице Горького. Идти недалеко.

«Елисеевский» уже был готов к открытию. Подвозились к прилавкам ящики с колбасой. Мясники рубили мороженые туши на огромных, посыпанных солью чурбаках, сгружался с лотков горячий — только что из пекарни — хлеб. Через несколько минут откроются тяжелые двери, и в магазин войдут первые покупатели. Начнется обычный будничныи день, еще один в многолетней жизни «Елисеевского».

А еще через несколько часов в своем служебном кабинете сотрудниками КГБ будет арестован его директор Юрий Константинович Соколов. Ему будет предъявлено обвинение во взяточничестве. Так начиналось затяжное уголовное дело, именуемое впоследствии для краткости «делом Главторга», по которому к уголовной ответственности будут привлечены сотни человек.

Много позже, когда невольная оторопь от величия и многоликости зла немного уляжется, юристы квалифицируют его, согласно букве и духу закона, — организованная преступность в системе московской торговли. Обвиняемые назовут это по-иному, быть может, неверно юридически, но по сути правильно — торговая каста.

...Дабы установить причины той или иной смерти, того или иного несчастного случая, врачи-патологоанатомы

прибегают к вскрытию. Следственной бригаде Прокуратуры РСФСР предстояла та же работа: расчленить «кости и мышцы» касты, докопаться до ее «мозга и позвоночника».

2

День подошел к концу. Массивная дверь, возле которой уже дежурила заведующая, захлопнулась. Через несколько минут «материальщики» спустятся в подвал, где за белыми створками холодильных камер хранятся от порчи сотни килограммов колбас, мяса и иных продуктов. Они еще раз проверят прочность замков и только после этого навесят свинцовые пломбы. Потом передадут дела сторожу-охраннику и подключат сигнализацию.

Однако ни этой ночью, ни следующей сигнализация не сработает. И все по той простой причине, что магазины почти не грабят ночью.

Магазины грабили днем.

Из многочисленных газетных выступлений, из «крокодильских» карикатур мы знаем и вроде бы даже привыкли, что нас в магазинах обжуливают. Бывает, и сами сталкиваемся с жуликами лицом к лицу, иногда взываем к справедливости, дескать, зачем же вы гнилые помидоры подкладываете, еще реже требуем жалобную книгу.

Но обычно мы все же молчим. Смотрим на недовешенные граммы, на непотребный помидор в пакете, а перечить стесняемся: мол, подумаешь, не грызну же из-за копеек, из-за помидорины устраивать, сойдет и так. Ведь знаем же: начнешь возражать — тебя охают. Так что нервы свои бережем, а на каждый обвес отвечаем «спасибо». Хотя знаем, что из всех этих копеечек и гнилья складываются сотни, тысячи, миллионы полновесных рублей.

Вот и здесь, в «Елисеевском», все эти деньги в течение без малого двадцати лет питали торговую касту.

Конечно, продавцы магазинов стояли на самой нижней ступени иерархической лестницы торговой касты. Это именно они, в несколько дней овладев несложными методами обчета и обвеса, изымали нужные суммы для своих непосредственных руководителей — заведующих секциями и их заместителей.

Впрочем, как все это выглядело на практике, пожалуй, лучше всего расскажет продавщица одного из московских магазинов. Ее зовут Наташа. Она продолжает

работать, и я не стану, по понятным причинам, называть ее фамилию и место работы.

«В системе торговли я проработала три года и за это время сменила шесть магазинов. В мае 1983 года я впервые встала за прилавок. Смотрю, моя напарница отрегулировала весы с пятиграммовым привесом. «Зачем?» — спрашиваю. Она мне отвечает: «Во-первых, иначе мы не отчитаемся, а, во-вторых, здесь есть кое-какие расходы. Потом поймешь». Начала я работать. Вижу, у меня по восемнадцать-двадцать копеек обчета с одного завеса получается, значит, это я каждого покупателя примерно на двадцать копеек обворовываю. Понимаете? Пошла к заведующей, сказала ей, что воровать больше не буду. Ну, она меня перевела в бакалею, а потом я и вовсе оттуда ушла. Думала, в другом магазине наверняка все иначе.

Первые дни не обманывала. Вижу, недостача раз от раза растет. А у меня двое детей. Словом, начала я снова обвешивать. На пять, на десять копеек. Ну, и все нормально. Стала перекрывать недостачу. А потом проверка торгинспекции. Выявили у меня тридцать копеек обчета. Лишили прогрессивки. В другой раз еще один обвес у меня обнаружили. Теперь уже на рубль. Короче, занялась мною прокуратура. Но дело уладилось. Перевели в следующий магазин. Здесь заведующая уже знала, что дела мои плохи и в случае чего я буду молчать. Поставили меня торговать разливным пивом. На этой работе я должна была каждый день отдавать заведующей, помимо выручки, двадцать рублей. Попробуй не дай! Так вот, двадцать рублей заведующей, два рубля шоферу, который пиво привозит. Этому тоже надо, иначе он так газанет, что нальет полбака пены, а это рублей семьдесят недостачи. Ну, и себе я брала. Почему им можно воровать, а мне нельзя? А откуда всю эту дань взять? Вот и воровала на пене... Этому дай, тому накинь, да еще каждый день приходится покрывать недостачу, которую, я-то уж знаю, искусственно, с помощью всяческих махинаций создают «материальщики». Не хочешь порой воровать, а приходится».

Разные люди стоят по ту сторону прилавка. Есть, конечно, матерые хапуги, готовые мать родную обжулить, лишь бы положить в карман «левый» двугривенный. Но есть немало и таких, как Наташа. Изначально честные, не приемлющие обмана — эти люди лишь только встали за прилавок, как тут же попали в условия, принуждавшие их к воровству.

Что же это за условия, в которых, по сути, честный человек вынужден становиться на путь ежедневного преступления? Попробуем разобраться детальнее. В чем суть розничной торговли и торговли вообще? Казалось бы, все очень просто: получить товар, затем его продать, удовлетворив тем самым потребности покупателей, а вырученные деньги передать в банк, то бишь государству. В идеале все это так, такова схема. Однако реальная, практическая жизнь с ее людскими и ведомственными отношениями куда как далека от схематизма. В процессе расследования в прокуратуру был передан бесценный по своей откровенности документ. Его составил бывший заместитель директора торгового «Гастронома» Л. Г. Лавров. В нескольких страницах рукописного текста он со знанием дела представил целую систему хищений и последующего распределения государственных денег. Привожу ее полностью.

«Источником наличных денег в магазине являются заведующие отделами. Они получают «приход».

Составные «прихода»: 1. Естественная убыль на товары. Это определенный процент получаемого товара, вернее, денежное выражение этого процента, которое списывается на зачистку товара, обрезку веревок и «пупков» с колбасы, потерю в весе во время хранения и т. д. Но при сегодняшней конъюнктуре торговли товар не залеживается, и часть этой убыли оседает в виде денег у заведующих отделами.

2. Сверхестественная убыль. Это — определенный процент от суммы проданного товара через зал самообслуживания. Он предусмотрен на случай забывчивости покупателей, не оплативших тот или иной товар. Однако, ужесточая контроль на выходе, эту «забывчивость» можно полностью устранить. Таким образом, 0,3 процента ежедневного товарооборота оседает у руководства магазина.

3. Продажа краденых товаров. Это — реализация в торговой сети товаров, похищенных с предприятий перерабатывающей промышленности. Действуют тут двумя способами: а) Когда между промышленниками и магазином существует устойчивая преступная связь. В этом случае в магазин по липовым документам наряду с плановыми поставками завозится похищенная продукция. Выручка от ее реализации делится пополам; б) Иногородные водители везут по законным документам колбасу. Но по пути в Москву, например, в Туле, сдают 800 ки-

логграммов в коопторг. «Верх» водитель берет себе, делится в Москве с директором и отдает ему наличными стоимость тех самых 800 килограммов.

4. За счет пересортицы товаров. Это значит, что дешевый товар продается как более дорогой.

5. Обвес, обсчет. В универсамах недовес производят на электронных весах, соответственно их регулируя. В магазинах обычной формы торговли заведующие отделами выдают продавцам, скажем, 100 кило товара, а требуют отчет за 105 и более килограммов.

6. Обсчет на стоимости упаковочного материала. Стоимость упаковочного материала должна исходить из его размера. Кроме того, его могут включить в стоимость самого товара по его цене.

7. Обсчет и обвес самих работников магазина.

8. Обсчет и обвес «своих» людей, то есть с «черного хода».

9. Махинации с некондиционным товаром.

«Расходы» заведующего отделом

1. На погашение недостач.

2. Доплата рабочим и уборщицам. Кроме того, если в отделе нет рабочих, заводделом нанимает их за «свои».

3. Доплата доверенным лицам, которые следят за рабочими, фасовщиками...

4. Доплата мясникам за рубку мяса не по «схеме».

5. Доплата «своим» шоферам за доставку товара от поставщика.

6. Расходы на поддержание взаимоотношений с поставщиками.

7. Доплата за работу зам. зав. отделом.

8. Взятка директору.

9. Расходы на личные нужды.

10. Взятки проверяющим.

11. Расходы на угощение «нужных людей».

...Магазин № 66 Бабушкинского райпищеторга — не самый заметный в столице. Казалось, сама жизнь протекает в нем точно так же — неторопливо и размеренно. Однако даже здесь, в глубинке московской торговли, процветали неприкрытое воровство и разного рода махинации. Директор магазина Суворова вместе со своими сообщниками похищали и продавали, минуя кассу, всевозможный дефицит и деликатесы. Деньги присваивали себе. В начале января 1984 года они украли около пятисот рублей, из которых сто Суворова оставила при себе. Зам. директора Захарова с 1977 по 1984 год присво-

ила 4012 рублей. Другой заместитель — Дулова за четыре года присвоила 2548 рублей. Для сравнения: путем различных махинаций работники «Елисеевского» гастронома получили в виде «левых» доходов 500 тысяч рублей. Разные магазины, разный размах, разные суммы наворованных денег. Суть, однако, общая — преступление.

Вникая в дело столичного Главторга, я думал и все никак не мог понять: почему молчали и безропотно выполняли преступные указания руководителей рядовые работники торговли, все эти многочисленные продавцы, мясники, уборщицы? Ведь знали же, что начальство ворует и их, рядовых, вынуждает воровать. Почему не пошли в партком, в местком или куда следует обращаться в подобных случаях? Только позже понял я, что вопрос мой был донельзя наивен, ибо человек, хоть немного проработавший в торговле, уже знает: жаловаться зачастую бесполезно, потому как и в общественных организациях чаще всего заседали все те же суворовы и дуловы.

В арсенале среднего звена торговой касты было множество способов держать своих подчиненных в жесткой узде. Недовольных, чересчур болтливых под разными предлогами привлекали к административной ответственности: в лучшем случае пропесочивали на собраниях, в худшем — лишали премии или увольняли по причине... недоверия коллектива. Для отчетов все это называлось воспитательной работой с кадрами. С теми же, кто вступал с кастой в открытую борьбу, расправлялись немилосердно. Это было несложно: к донышку чаши весов прикреплялся магнитик и одновременно вызывалась «своя» ревизия. В результате крупная недостача и как следствие — уголовное дело.

Но это были все-таки крайние меры. Чтобы оградить коллектив магазина от излишнего брожения умов, чрезмерной принципиальности, дабы свободно и беспрепятственно похищать деньги, заведующие отделами изо дня в день, из года в год создавали и крепили мощную круговую поруку. Заведующие отделами многих магазинов — и это было в порядке вещей — по сути дела, подкупали своих подчиненных: ежемесячно выдавали грузчикам финскую колбасу и водку, техничкам — мясо, а уж если появлялись деньги — платили ими. При таком положении дел далеко не каждый рядовой работник осмеливался выступить против своего руководителя, а если смотреть

шире — против всей преступной системы торга. Попробуй возрази, а тебе в ответ: «Иди жалуйся. Только полетим все вместе, ты ведь тоже воруеть, милочка». Люди не хотели «лететь» ни вместе, ни по одному. На это каста и рассчитывала.

Вполне естественно, что массовое делячество, зажим критики, обман, круговая порука, жесткая субординация в отношениях начальства с подчиненными — словом, все эти безнравственные коллизии, культивируемые во многих магазинах столицы, не могли не сказаться на моральном климате большинства трудовых коллективов. Впрочем, если вспомнить, чем они занимались, могут ли они после этого носить имя трудовых?

В магазинах процветало неприкрытое пьянство: пили на работе и после нее, в подсобках и прямо за прилавком. То и дело торговые залы, а особенно винные секции оглушала площадная брань. Кто-то может назвать это «издержками производства»: дескать, работа нервная, весь день на ногах. А можно ли назвать «издержками» тот факт, что некоторые директора магазинов, как правило, обнаглевшие, далеко не первой молодости дельцы, склоняли к сожителству своих молодых подчиненных, восемнадцати-девятнадцатилетних девчонок, только-только вступающих на путь жизненный! Вседозволенность — вот имя пороку, угнездившемуся во многих магазинах столицы. И никакими «издержками» его не оправдать.

Вполне естественно, что директора этих магазинов были прекрасно осведомлены о царящем за прилавками беззаконии. Да и как не знать, если раз в месяц, а то и чаще в начальственные кабинеты доставлялись почтовые конверты с красными и зелеными купюрами, но все больше авоськи с икоркой, балычком, шейками лангустов и непременно коньячком, как правило, французского разлива. Или эти люди считали все эти подношения дружеским, чистосердечным порывом своих подчиненных, полагали, что икорка и коньяк приобретены ими в порядке живой очереди и на свои кровные сбережения? Да нет, конечно, умудренные жизненным и торговым опытом, они знали, понимали, что принимают ворованное. И всякий раз находили взяткам оправдание: мол, а вдруг и в самом деле все это бескорыстно, да и на разные расходы деньжонки-то требуются. Подумает так про себя какой-нибудь директор, и вроде совесть очистится, можно брать. Муки совести, они ведь только вначале, а после уж

и не терзаешься, а душа, обезболенная денежной анестезией, уже не ноет.

Директор «Елисейевского» магазина Соколов в своих отношениях с подчиненными был жесток. Он самолично устанавливал тарифы подношений и зорко следил за их соблюдением. Поначалу довольствовался семьюдесятью пятью целковыми еженедельно. Затем стал брать по сотне. С 1978 года вновь взвинтил сумму взятки, да к тому же учредил (конечно же, негласно) так называемые «праздничные», что означало двухсотрублевые подношения от заведующих к майским, ноябрьским и новогодним торжествам. Таким образом, как подсчитало следствие, Соколов «взял на лапу» — иного слова тут не подберешь — 297 675 народных рублей.

Куда же шли эти сотни, десятки тысяч рублей, на какие такие нужды использовались?

Кто-то скажет: «Ясно куда — на сберкнижки». Отчасти это действительно так.

В спецхранилище следственной части Прокуратуры РСФСР мне показали конфискованное имущество ныне осужденных директоров магазинов. Японские «Шарпы» и «Акаи» стройными рядами выстроились, как на полке комиссионки, десятки кассет с записями прибалтийских развеселых песенок, кои распевает пьяными голосами торгашеское ворье, видеомагнитофоны и иные неременные атрибуты мещанского «счастья».

— А вот добро одного из них, — сказала мне служительница спецхрана и развязала матерчатый мешочек.

Восемь золотых печаток, бриллианты, спутанные в «бороду» цепочки, золотые монеты царской чеканки — все это с металлическим стуком брякнулось на стол. Потрогал блестящую кучу.

— Зачем им столько? — недоуменно спросила саму себя служительница спецхрана. — Нет, не пойму...

Разные люди входили в торговую касту, и, естественно, все они по-разному относились к «левым» субсидиям. Нет, брали-то они, конечно, все без исключения, только распоряжались каждый на свой манер.

Каста дурела от денег, как от дешевой бормотухи. Только все они — и директора, и завмаги, и «простые» заводителами — вместе с тем понимали: дороже золота и бриллиантов, дороже миллионов и «мерседесов» может быть только одна вещь. Называется она «связи».

Пожалуй, уже притчей во языцех стали партеры Большого театра, заполненные иностранцами и торгашами,

кинофестивали, где завмагов больше, чем деятелей киноискусства. Ведь и «Жизель», и фильмы Коппола, к сожалению, тот же самый дефицит, который при имеющихся связях вполне успешно можно было приобрести за кило балыка или омаров хвостик.

Однако для самой касты все это были пустяковые, так сказать, бытовые связи.

Деловые связи почитались куда как ценнее, а они вели «наверх».

3

В кабинете начальника Главного управления торговли города Москвы Трегубова раздался телефонный звонок. Звонков за день бывало много, но этот, подобно сейсмическому толчку, в одно мгновение всколыхнул размеренную жизнь главка и лично Николая Петровича Трегубова. Звонили из Управления внешних сношений Моссовета.

— Николай Петрович, — проговорил абонент на том конце телефонного провода, — в связи с изменившимися обстоятельствами Соколов в командировку в Югославию не поедет. Подыщите другую кандидатуру.

Отточенным за двадцать лет руководящей работы чутьем Николай Петрович понял, что означают эти самые «изменившиеся обстоятельства». А означать они могли только одно — «прокол» Соколова.

Чутье и в самом деле не обмануло Николая Петровича. В октябре директор «Елисеевского» был арестован. В час, когда Трегубову стало известно о случившемся, он нажал кнопку селектора и попросил зайти в кабинет своего первого зама Андрея Андреевича Петрикова.

— Андрей Андреевич, Соколова арестовали.

— ?!

— Ты понимаешь, чем это пахнет? Быстренько переговори с Тверитиновым, Филипповым и Нониевым. Пусть срочно увольняются...

Так что же случилось в это погожее октябрьское утро? Почему вдруг так срочно вынуждал Трегубов подать в отставку директоров лучших московских магазинов: гастронома ГУМа, Новоарбатского, Смоленского? Чего опасался начальник Главного управления торговли? Трегубов опасался только одного: Соколов всю вину на себя брать не будет и наверняка раскроет систему взяточниче-

ства в верхних слоях московской торговли. Так оно и случилось...

А теперь давайте мысленным взором перенесемся на несколько лет назад, в то время, когда Трегубов уверенно сидел в своем кресле и столь же уверенно вершил делами московской торговли.

Каждое утро, надрав ботинки, которые носил двенадцать лет подряд, Николай Петрович, или, как его еще называли в главке, «большой папа», отправлялся на службу. Здесь он сдержанно здоровался с сотрудниками и скрывался за двойными дверями своего кабинета на четвертом этаже старого особняка в Большом Комсомольском переулке. Поудобнее устроившись в кресле, Трегубов вначале названивал по телефону, спрашивал, как идут дела по его обширному ведомству, узнавал, не предвидится ли «высокая проверка», регулировал, решал, затем подписывал бумаги, а во второй половине дня выезжал на очередное совещание. О том, что в кабинете за двойными дверями «большой папа» получает взятки, знали немногие. Петриков — один из них.

Вот как он вспоминал об этом во время очной ставки с Трегубовым: «Николай Петрович по своему характеру очень хитрый, осторожный человек. Наблюдая за всем его поведением, я на каком-то этапе пришел к выводу, что Трегубов, видимо, догадывается о моих преступных связях с низовыми работниками нашей системы. Я, честно говоря, опасался, что он использует это и разоблачит меня как взяточника. Тогда у меня возникла мысль сделать так, чтобы он был от меня зависим. Колебался очень долго, сомневался, изучал его характер, его психологию. Как-то спрашиваю одного из наших сотрудников:

— Слушай, Александр Тимофеевич, а как ты считаешь, Николай Петрович — чистоплотный человек?

— Ну, — отвечает, — по старым делам и он грешен, и все мы грешны. Он брал, когда работал директором торгова, особенно в Мосрыбторге.

Потом, после заседания коллегии, зашел ко мне теперь уже бывший директор Диетторга Ильин и говорит в сердцах про Трегубова:

— Вот он меня вечно разносит, а сам-то святой, что ли? Когда он работал директором Рыбторга, а я в Управлении торговли продтоварами, знаю же я, что он брал, драл с живого и мертвого три шкуры.

Короче говоря, я понял, что Николай Петрович в случае чего не пойдет на обострение, тем более что сор из

избы он выносить не любил, все конфликты решал на месте, не доводя дело до вышестоящих организаций.

Кстати, в одном из райпищеторгов был случай, когда директор торгового предприятия предложил директору исполкома взятку. Директора торгового предприятия сняли, исключили из партии, но не арестовали. И я рассчитывал, что если Николай Петрович и предаст дело огласке, то, ну, выгонят меня с работы, исключат из партии, а в тюрьму не посадят.

И вот как-то накануне Первомайских праздников я принес Николаю Петровичу первую взятку. Вечером после работы, когда все сотрудники ушли из главка, я зашел к нему в кабинет.

Трегубов сидел за своим столом, рассматривал почту. Подойдя к столу, я вынул из кармана плаща конверт с деньгами и положил его под бумаги. Николай Петрович сразу же оторвал взгляд и спросил:

— Что ты делаешь?

— Ничего не делаю, Николай Петрович.

Он быстро встал, взволнованно посмотрел на дверь — закрыта ли, подошел ко мне.

— Ты понимаешь, Андрей Андреевич, что ты делаешь? Нам обоим за это тюрьма.

— Я все понимаю, Николай Петрович, но вы не беспокойтесь, вам ничего не грозит, потому что об этом никто никогда не узнает.

— А за что? — Трегубов спрашивает.

— Просто. Не за что, а к празднику. Вы меня знаете, Николай Петрович, столько лет. Я ведь тоже человек, имею совесть.

В конверте было полторы тысячи. В следующий раз Николай Петрович уже не отказывался.

А вот другое свидетельство очевидца. Рассказывает бывший директор гастронома ГУМа Тверитинов:

«Значит, взял я тысячу, положил ее в конвертик, а конвертик завернул в газетку. Когда я приехал в Главторг, Николай Петрович уже был на месте. Я поздоровался, присел. Развернул газетку и говорю Николаю Петровичу:

— Это вам.

— Что это? — спрашивает.

— Деньги.

— Сколько?

— Тысяча.

— А ты знаешь, — говорит Трегубов, — я ведь все-таки не один, — и отодвинул деньги.

Ну я это взял, извинился и ушел. Иду и думаю: соберу я тысяч десять, а уж тогда принесу. Занялся я этим вопросом. Десять тысяч не получилось, а восемь собрал. Пришел опять к Николаю Петровичу. Положил деньги на шкаф. Трегубов поздоровался со мной и спрашивает:

— Сколько?

— Восемь.

— Ну вот. Это еще ничего.

Вышел я от него и думаю: значит, действительно все-таки у Николая Петровича есть друзья в высоких инстанциях и взаимоотношения нужно поддерживать».

В 1976 году в главке произошел пожар. То ли кто-то окурок забыл потушить, то ли пробило поизносившуюся проводку — сейчас причину пожара никто не припомнит, — однако факт остается фактом: воспламенился этаж, на котором размещалось руководство Главторга. Не какой-нибудь, а именно этот.

Все мы, конечно же, материалисты, однако в том давнем пожаре видится мне чуть ли не перст указующий, своеобразное предостережение судьбы: дескать, одумайтесь, товарищи, хватит, а то ведь вмиг погорите.

Однако товарищи судьбе не вняли, пожар ликвидировали и заново отреставрировали подкопчейные кабинеты. Хорошенько «смазанная» телега Главторга покатила на-езженной колеей.

А через два года в главке состоялось знаменательное событие — трегубовский юбилей. Даже мосторговские ветераны, пережившие период нэпа, и те не могли припомнить такого апофеоза лизоблюдства, чиновничества и неприкрытого подкупа. Эх, был бы жив незабвенный бичеватель нравов Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, сколько бы почерпнул из того юбилея!

С утра возле здания Главторга заступил на дежурство инспектор ГАИ, призванный регулировать нескончаемый поток черных и белых «Волг», доставлявших визитеров со всех концов необъятной столицы. Несли серебряные стопки, хрусталь, магнитофон от сотрудников, пять тысяч от первого зама, но все больше, конечно, дарили цветы — в букетах и венках. Цветов было так много, что проходящая мимо женщина спросила с состраданием: «А что, кого-то хоронят?»

От того юбилея остались только приветственные адреса и фотографии. Перебираю их одну за одной. Николай Петрович у собственного портрета, выполненного из цен-

ных пород дерева, Николай Петрович с медалью, на которой отчеканен тяжелый трегубовский профиль, Николай Петрович на банкете...

А вот адреса: от руководителей Министерства торговли и Моссовета и, естественно, от всех торгов и райпищеторгов. «Славный боец», «пример для подражания», «беззаветное служение» — только и мелькают тисненные золотом слова.

И уж коль скоро зашла у нас речь о массовом чиновничестве, коим окружил себя Трегубов, не могу не процитировать здесь один любопытный документ, обнаруженный мною в стопке поздравительных адресов. Относится он, судя по всему, к пятидесятилетнему юбилею Николая Петровича. Документ этот — торжественная ода, сочиненная одним из главторговских стихоплетов. Вот они:

Он был в тридцатых в должности шофера,
Когда гроза нависла над страной,
Ушел начальник транспортной конторы
С фашистской нечистью на бой.

И он победного дождался часа,
Прогнав фашистов за порог.
Теперь Трегубов — офицер запаса, —
Вернулся в свой родимый торг...

Пусть, Николай Петрович, Вам полвека,
За Вашу молодость мы произносим тост!
И пьем за нашего простого человека,
Который, кстати, и не так уж прост!

Что верно, то верно — далеко не прост был Николай Петрович Трегубов...

Иные торговые работники изумляются: мол, за что так строго судят Николая Петровича? Взятки он по сравнению с иными брал немного — какие-то тридцать тысяч, однако Главторг при нем то и дело побеждал в соревновании, план выполнял. Конечно, взятки брать нехорошо, однако какое большое дело делал — не это ли главное? Вот так рассуждают некоторые, пытаясь замолить трегубовские грехи его прошлыми заслугами.

Что ответить на это? В чем грех Трегубова?

Само собой разумеется, судили Николая Петровича не за эти самые тридцать тысяч. Возьми он миллион или сотенную, степень его греховности все равно была бы одинакова, ибо грех в том, что он брал. При этом брал

не у Петрикова или Тверитинова (хотя именно так хотелось бы представить дело Николаю Петровичу). Трегубов брал у государства, у своего народа, который (да разве ж он ведал, разве мог предположить?) выбирал его в депутаты, у того самого ветерана, который в двадцать лет потерял ногу под Сталинградом, у вдовы с пятидесятирублевой пенсией.

Если бы Трегубов был простым ворешкой-карманником и «тырил» по трамваям бумажники, он тем самым, наверное, все-таки гораздо меньше провинился бы перед Отечеством. Однако Трегубов был руководителем, главой всей московской торговли, власть имущим человеком. И уж коли ворует руководитель, если ему позволено, если все видят, что зло безнаказанно, то, может быть, это и не зло вовсе, может быть, так и нужно, необходимо именно так? Без малого двадцать лет просидел Трегубов в мягком кресле руководителя главка. Да, действительно, при нем и план выполнялся, и присуждались призовые места в соцсоревновании, только разве сравнить все эти сиюминутные по форме и липовые по содержанию победы с тем, чего добился Трегубов в действительности. А в действительности-то Трегубов фактически узаконил взяточничество, взрастил коррупцию, нравственно и экономически развратил многие звенья московской торговли. В этом второй грех Николая Петровича.

...И все-таки по меньшей мере наивно полагать, что причиной всех преступлений, чинимых в торговле, был только Трегубов. Если бы все обстояло именно так, куда как просто можно было бы справиться с торговой кастовостью: продажного руководителя наказать, а на его место поставить честного, порядочного человека — всего делов-то. Однако, помимо Николая Петровича, в сфере московской торговли и в самом главке работали десятки всевозможных «замов» и «помов», словом, начальников калибром поменьше, да замашками поухватистее. И поскольку все они либо возглавляли райпищеторги, либо управления, либо межрайонные конторы, то, стало быть, считали себя «ответственными работниками», хотя, по сути, являли собой классический тип удельных князьков: облагали податью подвластные им магазины, вдосталь пили и ели краденый дефицит да вели себя соответственно — своевольно, по-барски, пренебрегая законами человеческой и должностной нравственности. Именно эти люди составляли костяк торговой касты.

Во время следствия и суда многие пользовались

одним и тем же аргументом: мол, мы жертвы трегубовщины, в сложившихся обстоятельствах работать иначе было просто нельзя. Помните, подобное же говорили и продавцы. Но если еще хоть как-то, с большой натяжкой продавцов все-таки можно понять (ведь в случае чего могли поплатиться собственной свободой), то уж к торговым князькам это никак не относится. Ибо это именно они культивировали и плодили трегубовщину.

Так что же это за явление такое — трегубовщина? Почему взяточничество и коррупция, подобно ткацкому челноку, изо дня в день, из года в год неустанно пронизывали ткань московской торговли, какие такие нравственные и экономические мутации породили столь уродливое явление? Отчего это стало возможным? Попробуем разобраться.

Перелистываю материалы следствия. Стройные ряды сумм взяток, фамилии, должности, подсчеты, кто сколько и у кого брал.

За что эти взятки? Почему одни их давали, а другие брали без всякого зазрения совести?

Вполне естественно, что каждому магазину, а тем более каждому директору магазина любой ценой нужно выполнить план. План — это святое. Тут хоть кровь из носа. А как этот план выполнить, если изо дня в день магазин заваливают неходовым товаром — мойвой, например, или, положим, лущеным горохом и ставридой в томате? Вот тут-то и приходится идти на поклон к торговому начальству.

Борис Сергеевич Тверитинов, личность нам уже знакомая, как-то раз обратился к руководству торгового «Гастронома», а именно к его начальнику Ларионову с просьбой хоть маленько увеличить фонды на колбасные изделия, поступающие в гастроном ГУМа с базы Мосмясопрома, а также расширить поставки свинокопченостей. В разговоре этом по неосторожности заметил, что, дескать, торговому почему-то в последнее время фонды на колбасу незаслуженно уменьшают. Что сделал в ответ руководитель торгового, что предпринял коммунист Ларионов? Просто-напросто взял и еще сильнее сократил фонды на колбасу, поступающую в магазин Тверитинова. Дальше просто: Тверитинов дал взятку, и в гастроном ГУМа вновь потекла колбасная река.

Корректировки планов за взятки в Главторге были делом обычным. К такому способу достижения благополучной отчетности директора магазинов и их покровители

прибегали всякий раз, лишь только в торговой сети намечалась очередная прореха.

Только за один 1981 год план товарооборота торгу «Гастроном» изменялся двенадцать раз, а Фрунзенскому райпищеторгу — десять...

В том же, 1981 году, согласно первоначальным расчетам, плановый прирост товарооборота для Управления торговли продовольственными товарами главка утвержден в размере 2,8 процента, для райпищеторгов — 2,8, а для торгов — 3,5 процента.

Однако при распределении особо щедрым на мзду райпищеторгам план был намеренно занижен, что позволило им — тут уж легко догадаться — выполнить и даже перевыполнить плановые показатели.

Липовым передовикам, как и положено, аплодировали на совещаниях, награждали грамотами за победы в соревнованиях, вручали ордена, переходящие знамена и, само собой, премии. Кстати сказать, как подсчитали эксперты, липовых премий, полученных в результате незаконных корректировок плана товарооборота, только за три года выплачено на 112 тысяч.

Однако не только «производственные интересы» подталкивали костяк касты на взяточничество. Довольно часто им двигали чувства более мелочные, а потому платили за то, чтобы оставили на работе до пенсии, за хорошее место, да и просто за то, чтобы не ругали.

Случилось, что неожиданно в Куйбышевский райпищеторг нагрянула проверка Главторга. Как и следовало ожидать, в подчиненных райпищеторгу магазинах выявили обшеты, обвесы — словом, весь махинаторский набор. После этого по торгу издали приказ: мол, дела в Куйбышевском райпищеторге идут хуже некуда, а его директор Байгельман с возложенными обязанностями справляется из рук вон плохо. Чуть позже еще один приказ, за номером сто один: выговор Байгельману.

Вот как сам вспоминает об этом бывший директор Куйбышевского райпищеторга Байгельман:

«После этого Петриков стал ко мне придирааться, критиковать на совещаниях и на коллегии Главторга. Как-то раз я был приглашен Петриковым к нему в кабинет. Отметив ряд недостатков в положении дел Куйбышевского райпищеторга, он сказал: «Моисей, хочешь жить — надо давать. Пойми меня, я должен давать «наверх», Трегубову, а то у нас будут неприятности. Хочешь жить в

почете и уважении, так давай, действуй, а то будем думать о замене».

В том же году директоров магазинов выдвигали на ордена, а мне дали только «Знак Почета». Я пришёл в кабинет заместителя начальника Управления торговли продовольственными товарами Еремеева и спросил, почему так со мной поступили. Он начал болтать про разнарядку, а потом сказал, что все дают, и, если ты тоже будешь давать, получишь «большой» орден. Даже цену назвал — две с половиной тысячи. Он еще объяснил, что, если буду поддерживать его деньгами, кончится моя травля. Ну я и стал давать».

После этого, как признается позже Петриков, в Главторг довольно часто поступали письма о злоупотреблениях Байгельмана, поборах с директоров магазинов, его аморальном поведении. «Однако ни отдел кадров, ни я сам никаких мер к пресечению этого не принимали, я просто закрывал на это глаза».

Кстати, о проверках, о контроле вообще. Как на деле исполнялось в системе Главторга ленинское требование строжайшего учета и контроля? Фактически оно было извращено до неузнаваемости. Иного, собственно, и не следовало ожидать, ибо продажная система порождает продажный контроль.

Контрольно-инспекторским отделом главка руководил некто Киреев. Именно он поощрял и распространял порочную практику продажных проверок во всей системе Главторга, превратив тем самым мощный рычаг управления торговлей, с одной стороны, в фальшивку, а с другой — в карающий механизм против неугодных.

«Трегубов, — вспоминает Киреев, — всегда возмущался, если ему приводили факты грубейших нарушений в торговле, и при этом выговаривал: «Разве можно проводить такие факты на активах, где присутствуют представители партийных и советских органов?»

«Цэу» было тут же принято к исполнению, «негативку» необходимо было устранять. Но как? Может быть, усилить контроль, покончить с воровством и делячеством в низовых звеньях московской торговли? Ни то и ни другое. По подсказке Трегубова через Петрикова Киреев просто-напросто дает указание проверяющим не брать контрольных закупок. В результате за десять лет контрольно-инспекторский отдел главка провел 959 проверок, из них лишь 282 со взятием контрольных закупок. А если учесть, что к Кирееву поступали от руководства и

просьбы личного характера — например, не выявлять нарушений в тех районах, депутатами которых были руководители главка, либо не указывать в своих справках полный перечень проштрафившихся магазинов, — если учесть и это, то подобным образом негативные явления в московской торговле вообще практически сводились к нулю. Вот, оказывается, как просто превратить массовое воровство в «отдельные недостатки».

Конечно же, Киреев не жертва обстоятельств, не агнец невинный. Он сам брал взятки за преступное свое попустительство: брал деньгами, водкой, финским пивом и икрой. Не потому ли самые дисциплинированные взяточдатели жили у него, как у Христа за пазухой?

Если судить по фиктивным справкам и отчетам, во многих райпищеторгах столицы дела шли превосходным образом. Были, конечно, недостатки, но опять же только «отдельные». Позже выяснилось: эти райпищеторги попросту не контролировались, а их руководители периодически давали «на лапу» Кирееву.

Куйбышевский райпищеторг, которым командовал Байгельман, к примеру, не проверялся семь лет, а Ждановский — пять лет кряду.

Позже, уже во время следствия, пытаясь объяснить причины фиктивности проверок контрольно-инспекторского отдела главка, бывший директор торгога «Гастроном» Ларионов скажет:

«Все дело в несостоятельности самих проверок и их организации, а отсюда их безответственность и безрезультативность. Теряется смысл проверок. За многие годы у магазинов появились «свои» проверяющие, а у проверяющих — «свои» магазины. Все нарушения остаются безнаказанными. А поскольку нарушения скрываются, то это ведет к их неизбежному росту».

Да, фактически все обстояло именно так: за годы своего существования орган контроля и учета Главторга превратился в некий придаток торговой касты, покрывавший все ее многочисленные преступления. В этом месте хотел написать «все было куплено», однако подумал, что это не совсем так. Действительно, липовые проверки (или непроверки) приобретались за взятки, но все-таки бо́льшая их доля была санкционирована сверху. Для чего это делалось, зачем было нужно руководству главка выгораживать явно зарвавшихся казнокрадов? Думаю, для того, во-первых, чтобы обеспечивать свободный и беспрепятственный поток взяток, а, во-вторых, и это, пожалуй,

основная причина, дабы создавать видимость благополучной, здоровой жизни московской торговли. А она-то очень хворала, разъедаемая бактериями взяточничества и вирусами воровства, просто-таки гнила заживо: то в одном месте язва выскочит, то в другом. Ее бы как следует прооперировать, а нет — больно. А потому двадцать с лишним лет впрыскивали ей слабенький физрастворчик плановых корректировок, пичкали сладкими пилюлями «принципиальной критики», марафетили видимое уродство, чтобы не так страшно было смотреть.

Вот в этом самом «наведении марафета», а по существу, элементарном очковитирательстве, московская торговля поднаторела изрядно.

Тут я не могу не привести один прямо-таки детективный эпизод из биографии Главторга. Думается, он весьма показателен, ибо из него вы ясно поймете, к каким «гангстерским» методам прибегало руководство главка, дабы сокрыть свою и чужую преступную деятельность.

Дело было в 1975 году. По заданию Государственного комитета по ценам в Главторге проводилась расширенная проверка. По результатам проверки была составлена нелицеприятная справка. В ней сообщалось, по сути дела, то, о чем мы узнаем только сегодня: грубые нарушения правил торговли, кризис ведомственного контроля, обвес и обсчет во всех контрольных закупках, а было их ни много ни мало — 61, незаконное завышение цен на упаковку товаров, фальсификация отчетных данных и так далее...

«Как-то раз, — вспоминает Петриков, — ко мне подошел начальник отдела цен Тарасов и говорит: «Андрей Андреевич, не исключено, что эта справка будет доложена в ЦК партии». Я сообщил об этом Трегубову. Он за голову схватился: «Ой, этого никак нельзя допустить. Надо искать все пути, чтобы погасить этот пожар».

Начали тушить. Как рассказывал потом М. Цыглис, проводивший проверку по заданию Госкомцен СССР, на него то и дело оказывалось всевозможное давление, просили занижить цифровые показатели, сгладить острые углы. Однако проверяющий оказался неподкупен. И все-таки результаты проверки так и не получили должного хода и огласки, а через некоторое время при странных обстоятельствах папка с ее итогами исчезла из Госкомцен СССР.

В арсенале камуфляторов от торговли было немало способов сокрытия правды. Один из них — создание «по-

темкинских деревень», способ, о котором и по сей день вспоминают многие сотрудники Главторга.

Так было, и не раз: с утра в кабинете Николая Петровича раздавался звонок, извещающий начальника главка о том, что тот или иной руководитель намеревается поближе познакомиться с торговой сетью столицы, сообщался примерный маршрут. Через несколько минут после такого разговора Трегубов обзванивал торговые базы и приказывал срочным порядком завезти в инспектируемые магазины какой-нибудь дефицит. Потом в магазины звонил и тоже приказывал: грядет высокая проверка, чтобы ни-ни, халаты накрахмалить, никому не хамить, чтобы от икры и балыков ломились прилавки. Заглянет, допустим, Гришин в магазин, порадуется «изобилию», а тут откуда ни возьмись и сам Николай Петрович появится, да не в обычном своем костюме, а в болотных сапогах и чуть ли не в спецовке, мол, туточки я, в гуще масс. Ну чем не образец руководителя, такого можно к паграде представить! На это Николай Петрович, собственно, и рассчитывал, рассчитывал на персональные блага, на новые награждения, а там, глядишь, чего доброго, и на высокий начальственный пост...

На этом бы и закончить анатомирование торговой касты, сказать мимоходом, что, дескать, высоких постов руководство Мосторга, к счастью, так и не добилося, мало того, получило по заслугам (об этом еще будет сказано) — мол, зло наказано, справедливость восторжествовала. Однако проанатомировать касту таким образом означало сделать свою работу не до конца, не сказать, быть может, самого главного.

Одни и те же навязчивые вопросы не давали мне со спокойной совестью поставить точку в «деле Главторга». Ведь в своей деятельности Главторг подчинялся исполкому Моссовета и Министерству торговли РСФСР. Так неужели же многочисленные факты обвеса и обсчета, нарушения дисциплины цен, незаконных корректировок и взяточничества, о которых знал чуть ли не каждый продавец, неужели обо всем этом не было известно вышестоящим инстанциям, а если известно, то почему к их пресечению не принималось сколько-нибудь эффективных мер? Кто виноват в этом? Кто покрывал преступные деяния бывших руководителей московской торговли?

Помните, о чем думал Тверитинов, вручив Трегубову первую свою взятку: «Значит, действительно все-таки у

Николая Петровича есть друзья в высоких инстанциях и взаимоотношения нужно поддерживать».

Борис Сергеевич не ошибался. Друзья действительно были. На них и рассчитывали.

4

В апреле Трегубов выписался из больницы. Настроение было скверное. Спал плохо, мучили какие-то непонятные предчувствия. Придя на работу, он вызвал к себе Петрикова. Печально взглянул на своего первого зама сквозь линзы очков, тяжело вздохнул:

— Тебе надо заявление писать...

— Какое? — испуганно спросил Андрей Андреевич. Нехороший озноб пробежал под рубашкой.

— На пенсию. Напиши заявление. Для тебя это будет самый лучший выход, Андрей Андреевич, потому что в том положении, в котором ты оказался, органы могут учесть, что ты уволен на пенсию, что ты инвалид, и тебя могут не привлечь к уголовной ответственности.

— А может быть такое? — Спина взмокла от внезапного пота.

— Да, Андрей Андреевич. Я советовался с одним очень осведомленным человеком по этому вопросу. Он мне заявил, что такая возможность не исключается.

— Николай Петрович, а надежный это человек?

— Очень надежный, но ты меня о нем не спрашивай, я тебе его никогда не назову.

— Но, Николай Петрович, вы же знаете, что я без работы не могу, я всю жизнь привык трудиться. Может быть, когда все обойдется, вы мне дадите какую-нибудь работу...

— Я тебе все сделаю, только ты води себя хорошо, смотри никому ничего не рассказывай о наших взаимоотношениях. Помогу тебе с работой, сделаю все от меня зависящее, чтобы избавить тебя от уголовного наказания.

«Николай Петрович — уважаемый человек, — думал про себя Петриков после этого разговора, — я не знаю, есть ли еще в Москве такой руководитель, который имел бы такие связи, такие знакомства. Как я могу ему не верить?!»

Яснее ясного, что трегубовщина не могла появиться на свет и существовать словно в безвоздушном пространстве. Что-то непременно поддерживало ее, чье-то — на по-

верку оказавшееся преступным — попустительство и благодушие позволяли ей процветать столь долго и безнаказанно. Иными словами, Главторг окружала благоприятная и питательная среда, в которой день ото дня набирал силы и креп уродливый мутант.

Руководители Главторга не были наивными людьми и прекрасно понимали, что и от вышестоящих начальников требуют роста, победного шествия и значительных успехов, что за непорядки с них спросят куда как строже, семь шкур сдерут, понимали они и то, что никто из вышестоящих не хочет получать нагоняй, а уж тем более лишаться насиженного кресла, знали, что руководство интересуется только план, план любой ценой (кстати, не такая уж безобидная формулировка), а уж как ты его исполнишь — дело хозяйское. Словом, благополучный отчет был той самой точкой соприкосновения, где сходились интересы главка и вышестоящего руководства. Именно отчет, а не подлинная работа, не реальное положение дел, как оно должно было бы обстоять в действительности.

«Вопросы работы с кадрами, — расскажет в своих показаниях Петриков, — борьба с хищениями очень редко выносились на обсуждение исполкома Моссовета. Зачастую это делалось не по инициативе руководителей Мосгорисполкома, а по представлениям финансовых и контролирующих органов. Подготовка материалов и проектов решений Моссовета по различным вопросам поручалась в основном работникам аппарата главка, а не сотрудникам секретариата курировавшего торговлю зампредисполкома, как это должно быть на самом деле. Редко для этого привлекался и депутатский актив. При таком положении отдельные решения исполкома не вскрывали всех недостатков, причин, порождающих эти недостатки. Очень часто готовились для обсуждения так называемые «пожарные вопросы». Делалось это, как правило, после замечаний и посещений торговых предприятий руководителями вышестоящих советских и партийных органов.

Было немало и таких случаев, когда Трегубов, узнав о том, что какой-то вопрос по работе Главторга готовится для обсуждения в МГК КПСС, старался «протолкнуть» его для обсуждения на исполкоме. Делалось это вовсе не для того, чтобы быстро и по-деловому ликвидировать допущенные безобразия, а затем, чтобы на заседании бюро горкома партии отчитаться о якобы принятых мерах.

Люди, на которых возлагался контроль за исполне-

нием решений, этой работой занимались неудовлетворительно: сотрудники редко бывали на местах, не интересовались, как на деле выполняется то или иное решение Мосгорисполкома. Вся их роль в основном сводилась к получению от Главторга справок и отчетов о ходе или выполнении решений.

В исполкоме Моссовета не раз поднимался вопрос об упрощении громоздкой системы управления московской торговли — главк, управления, торги, магазины — и переходе на упрощенную схему управления. Однако Трегубов убедил руководство Моссовета не делать этого и все оставить по-старому. Поступая так, Трегубов руководствовался не государственными, а личными интересами, для того чтобы сохранить отраслевые управления как своеобразный буфер для Главторга — на них в случае необходимости можно было свалить все грехи.

Одним из основных условий соцсоревнования между торгующими системами страны является обязательное выполнение планов по вводу дополнительных торговых площадей и освоению выделенных на эти цели капиталовложений. Было немало случаев, когда при подведении итогов соревнования эти показатели в Москве не выполнялись. Тогда по предложению Трегубова в горплане эти показатели непосредственно подгонялись под фактическое выполнение, и это автоматически давало право торговым организациям Москвы представляться для участия во всесоюзном или республиканском соревнованиях.

Ранее уже упоминалось о незаконных корректировках планов, столь распространенных в системе московской торговли, рассказывалось об их экономическом вреде и нравственной пагубности. Однако, позвольте, скорректировать план — это ведь не батон колбасы украсть, дело это сложное, сопровождаемое ворохом различных обоснований, приказов и телефонных звонков. Неужели о снижении плана, ну, положим, Куйбышевскому райпищеторгу, не было известно хотя бы в городской плановой комиссии города Москвы? Да нет, конечно, все было известно. Мало того, Трегубов находился в дружеских отношениях с заместителем председателя горплана Митрофановым. Результатом этой «дружбы», незаметно перешедшей из домашних условий в служебные кабинеты, стали хронические нарушения плановой дисциплины. Планы корректировались поквартально и подчас ежемесячно, так что уже и не план получался, а насмешка над планом. Однако как вспомнишь, сколько государственных денег

было положено на выплату «липовых» премий, как представишь себе довольные лица казнокрадов, прикрепляющих на лацкан пиджака значки победителей соцсоревнования, становится не до смеха. И дело тут даже не в значках, а в том, что такие вот «победители» и «ударники», завоевав, так сказать, общественное признание, уже не казнокрадами чувствовали себя, а передовым отрядом и прочее, прочее, а потому и шли по жизни, как по тайге — напролом, внаглую круша и оттирая подлинно честных людей.

Вот ведь какая взрывная волна идет от обычной корректировки плана, а вред от нее уже не только экономический, но и нравственный, ибо фальсифицируются уже не только цифры, но понятия, идеалы, жизненные критерии. Думал ли об этом Трегубов, договариваясь об очередной корректировке с зампредом горплана? Нет, конечно, Не до нравственности, когда речь идет о ведомственном престиже.

Мутный ручеек трегубовщины не пересыхал, как бы нам того хотелось. Напротив, питаемый другими ручьями, он год от года только полнился, набирая силу. И какие бы плотины ни воздвигали мы на его пути, он, как это и положено в природе, выискивал и находил-таки самые слабые места, самых нестойких, продажных по своей сути людей, просачивался и вновь устремлялся вперед.

«Назначения на должности директоров крупных магазинов, их поощрения и премирование, — продолжает свой рассказ Петриков, — происходили при активном содействии заведующего отделом торговли и бытового обслуживания МГК КПСС Митрофанова (приговоренного Московским городским судом за взяточничество к 12 годам лишения свободы. — Авт.).

Он твердо опирался на известных ему «деловых людей». В подборе и расстановке кадров Митрофанов руководствовался не партийными принципами, а соображениями личной преданности ему определенных людей, для которых он составлял протекции, а порой давал прямые указания к их выдвижению».

Передо мной лежит список. Его составил один из бывших руководителей в системе московской торговли, ранее приговоренный судом к исключительной мере наказания — расстрелу. В нем — фамилии бывших ответственных работников, не устоявших перед липкой паутиной трегубовщины. Одни брали взятки, другие предпочитали деньгам бесплатные продуктовые заказы... Волнует

меня другое: хочу и не могу понять, почему они не устояли?..

Анатолию Дмитриевичу Сельдемирову около сорока. В свое время он окончил институт торговли. Торговое дело знает, как говорится, «от и до». Сейчас работает в московском УБХСС. Мы говорим о компромиссе.

— Все начинается с мелочей, — размышляет Сельдемиров. — Когда я только начинал работать в УБХСС, со всяким приходилось встречаться. Бывало, придешь в магазин на проверку и завязнешь на целый день. Работашь, а есть так хочется, да еще вдруг сигареты кончатся. Отлучиться нельзя — вмиг все переиначат. Но стоит только попросить у них сигарету или хотя бы стакан воды, все, считай, что вяпался... Сигарету? Какая малость, берите всю пачку! Воды? А может, пепси-колы или чего покрепче? Тут же обложат, купят со всеми потрохами... Это я сейчас умнее стал: если иду на проверку, так заранее запасаюсь и куревом, и бутербродами...

В самом деле, любой компромисс начинается с малого, с того еле уловимого движения души, с того минутного послабления принципов, после которого — желаем мы того или нет — обратного хода быть не может. Подчас компромисс принимает разные формы: от безобидных уступок до преступных подлогов. Однако последствия сговора с совестью, а тем более в торговле, всегда одинаковы — вслед за ним приходит расплата.

Я не знаю, с чего начинался сговор с совестью у Трегубова, Петрикова, у их покровителей и заступников. Могу только предполагать — и у них он начинался с малого. Окончился же преступлением, моральным и политическим падением. Такова цена компромисса...

В актовом зале Первомайского районного суда состоялось оглашение приговора Верховного суда РСФСР по делу Трегубова и других руководителей Главного управления торговли Мосгорисполкома. За получение взяток и злоупотребление служебным положением осуждены: бывший начальник Главного управления торговли Трегубов Н. П. — к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества; бывший первый заместитель начальника Главного управления торговли Петриков А. А. — к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества; бывшие начальники отделов Главного управления торговли Хохлов Г. М. и Киреев В. П. — к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества каждый.

За дачу взяток осужден бывший директор Куйбышев-

ского райпищеторга г. Москвы Байгельман М. Я. к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества; за взысканность, злоупотребление служебным положением и хищения — бывшие директора магазинов «Гастроном — ГУМ» и «Гастроном — Новоарбатский» Тверитинов Б. С. и Филиппов В. И. соответственно к 10 и 11 годам лишения свободы с конфискацией имущества; кроме них, к различным наказаниям осуждены 18 других работников торговли.

В целях устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, Верховным судом РСФСР вынесены частные определения в адрес Министерства торговли СССР и исполкома Моссовета.

Верховным судом РСФСР в Президиум Верховного Совета СССР внесено представление о лишении осужденных полученных ими ранее государственных наград.

Определением Верховного суда РСФСР против ряда свидетелей по этому уголовному делу, давших судебной коллегии заведомо ложные показания, возбуждены уголовные дела по статье 181-й УК РСФСР — за лжесвидетельство.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

И сейчас я думаю о других — о тех, кто, возможно, будет еще привлечен по «делу Главторга» в столице или в иных городах и весях. Трегубов и иже с ним осуждены, система Главторга очищена от многих, очень многих нечистоплотных людей, однако ядовитые семена дали ростки, и они, как метастазы, проникли вширь и вглубь.

Особенно болезненный вопрос в торговле — кадровый. Тут немало грубейших ошибок и просчетов. Подумать больно, кто руководил, а некоторые и по сей день руководят и работают на ключевых участках этого важнейшего сектора. Но вот по последним данным, в системе московской торговли 35 процентов бухгалтеров и 18 процентов инвентаризаторов не имеют специального образования. Только в одном Красногвардейском райпищеторге у 164 человек дубликаты трудовых книжек, у 98 сотрудников — разрыв трудового стажа. А ведь за всеми этими разрывами и дубликатами, как правило, стоят прежние грехи: увольнения по статье либо привлечение к уголовной ответственности.

От одного из руководителей торговли услышал эдакую не терпящую возражений фразу: мол, да, многие директора магазинов, многие заведующие не имеют специального

образования, но зато у них есть опыт работы в торговле. А у молодежи есть образование, но нет опыта, потому ее, дескать, и не выдвигают. Но не старается ли кто-то выдать за опыт умелое ведение «черной бухгалтерии», искусное манипулирование с «естественкой», совершенное владение азами пересортицы!

Вспомним ленинский призыв контролировать местным опытом и местным надзором работу центрального аппарата и обратно, достигая этим устранения волокиты и бюрократизма. Фактически же, если судить по материалам «дела Главторга», этот принцип был ополовинен и перевернут с ног на голову, ибо контроль в системе главка осуществлялся только сверху донизу, но не наоборот, как это следовало бы на самом деле. Да и эта, к слову сказать, «половинка контроля» потеряла всяческую объективность, ибо содержалась на денежные дотации контролируемых. Фактически же проверяющие оказались в материальной зависимости от проверяемых, система вышла из-под контроля.

Анализируя негативные процессы семидесятых годов, партийный съезд с полной ясностью определил стратегию контроля: «В партии нет и не должно быть организаций вне контроля, закрытых для критики, нет и не должно быть руководителей, огражденных от партийной ответственности». При этом движущую силу контроля партия усматривает в самих трудящихся, в трудовых коллективах.

Я уже говорил о том, что самые незаинтересованные в обмане и воровстве люди — это низовые работники торговли: фасовщики, кассиры, продавцы. Конечно, и среди них попадаются нечистоплотные люди, но все же в подавляющей своей массе они воровать не хотят, ибо знают: откроется обман, так полетишь в тартарары «общего режима». А ведь по большей части это женщины, у многих семьи, дети. Так что для них, для низовых работников торговли, просто по-человечески спокойнее не обвешивать, не воровать, а честно работать, как и все, за свою зарплату. Подумалось: именно на этом желании и должна строиться система ведомственного контроля в торговле.

Собственно, это уже позволяет сделать и Закон о трудовых коллективах, то есть имеется даже юридическая платформа для необходимых действий. Однако пользуются ею коллективы торговых предприятий пока еще неумело, со стеснением, а вот когда поймут, что в конце концов правда и закон на их стороне, тогда уж и не будут пасо-

вать перед зарвавшимся директором: ах, ты нас к воровству понуждаешь, так будь добр — катись колбаской по Малой Спасской, увольняем тебя за недоверие. Конечно, наивно полагать (об этом говорил Б. Н. Ельцин на пленуме МГК КПСС), «что годами формировавшуюся атмосферу безответственности, бюрократизма, отрыва от конкретной работы и нужд людей можно преодолеть полностью и повсеместно». В этом преодолении заключается сегодня главная трудность.

Осенью 1986 года мне удалось побывать на собрании партийно-хозяйственного актива работников московской торговли. Повестка дня самая что ни на есть актуальная: «О мерах по усилению борьбы за сохранность социалистической собственности и повышению ответственности руководящих кадров торговли за соблюдение правопорядка и искоренение злоупотреблений в системе Главного управления торговли». И хотя по своей форме напоминало собрание это совещания эпохи застоя, по сути оно отличалось от них неожиданной остротой и критичностью. Назывались нелицеприятные факты, вскрывались причинные взаимосвязи, указывались конкретные виновные. Поначалу радостно сделалось: ну, вот, хоть заговорили открыто, чуток поднажать, авось и дело сдвинется с мертвой точки. Но лишь только собрание актива закончилось (а закончилось оно строго в соответствии с отпущенным регламентом, два человека так и не высказались, а вынуждены были сдать свои выступления в президиум), лишь только актив поднялся со своих мест и двинулся к выходу, моя радость сразу стала куда-то исчезать.

Шел я вместе со всеми, прислушивался, о чем люди говорят. Казалось бы, тема-то какая наболевшая, какие цифры, факты произносились с высокой трибуны, скольких критиковали, — задуматься бы, устыдиться хотя бы. Однако шедшие рядом со мною люди (и ведь не просто люди, а руководители) говорили о том, что сегодня еще предстоит тещу встречать, о том, что у кого-то собака с утра не кормлена, о вчерашнем телебоевике — словом, о чем угодно, но не о состоявшемся только что собрании.

Что же это? Благодушие? Самоуспокаивание?

...Поздний вечер. Рабочий день давно закончился. Крохотный кабинет зам. начальника Следственной части Прокуратуры РСФСР Владимира Ивановича Олейника

прокурен насквозь, до последней половицы. Через каждые полчаса Олейник пьет крепчайший чай, это еще хоть как-то позволяет держаться в форме. За телевизором — раскладушка. Я знаю, что на ней Олейник зачастую ночевал, когда вел кропотливое «дело Главторга».

— Думаешь, они сдались? — усмехается Владимир Иванович. — Как бы не так. Вот посмотри, — открывает он верхний ящик стола и протягивает мне рекламную открытку с типографским оттиском «Главторг», — это я нашел в своем почтовом ящике. Намекают... В самый разгар следствия вдруг сокращают на работе зятя, мою жену. Не говорю уж о таких мелочах, как угрозы расправы, клевета... То и дело они давили на следствие, на свидетелей, которые вдруг ни с того ни с сего меняли свои показания на противоположные... Изобретаются и распространяются мифы о незаконных методах следствия. Как объяснить все это?! Ты знаешь, честно скажу, руки порой опускались, уйти хотел, бросить все это к чертовой матери...

Сигарета истлела до самого фильтра и обожгла пальцы. Олейник ткнул ее в пепельницу и тут же закурил следующую...

Да, много еще вокруг нас непорядка, много еще рвачей, хапуг, скрытых и откровенных взяточников. Это и понятно: слишком долго не хотели их замечать.

Часто слышу расхожее мнение: да, непорядка много, но ведь это порождение прошлых лет, а коли так, забудем-ка поскорее о старом и новой жизнью заживем.

Так что же, забыть, отмахнуться от неприглядного прошлого и тем самым объявить идейную амнистию трегубовщине?

Добро и зло, старое и новое — вечный, как мир, закон единства и борьбы противоположностей. Сейчас, когда, устав от долгого безгласия, мы наконец-то — пусть и не всегда умело — пытаемся бороться со злом, коррупцией, мафией, эта борьба обострилась особенно. И было бы просто стратегической ошибкой полагать, что противник сдастся без боя. Нет, драться он будет до последнего патрона, поскольку речь идет о самом главном в его жизни — о собственном благополучии, о сытном куске, незаслуженных благах.

Что же делать? Как излечить запущенные недуги?

Тут, конечно, у самих торговых работников должно быть желание лечить и менять стиль работы. Это первое.

Второе, и самое, наверное, важное, — организовать систему торговли таким образом, чтобы и продавцы, и «материальщики», и директора магазинов — вся цепочка — были поставлены в условия, чтобы не было интереса ни обвешивать, ни воровать, ни заниматься разного рода махинациями; словом, добиться такого положения вещей, при котором трудиться честно было бы выгоднее, чем жульничать. Перевод различных отраслей народного хозяйства на систему хозрасчета, открытие кооперативных магазинов, «семейный подряд» в торговле, видимо, самый верный путь к таким переменам.

И еще один, столь же существенный момент. Экономике нужен отлаженный хозяйственный механизм, но без совестливых, бескомпромиссных, честных руководителей и он станет пробуксовывать. В сфере торговли такие люди нужны особенно...

Сегодня, на крутом изломе нашей истории, когда трудно, но верно идет перестройка экономики, методов хозяйствования, управления, когда все полнее раскрывается потенциал человеческого фактора, надо чаще вспоминать ленинские заветы. Ведь все предвидевший Ильич писал: «Главки» *«сбросить»*? Пустяки. Что вы поставите *вместо* них? Вы этого не знаете. Не *сбрасывать*, а *чистить*, *лечить*, *лечить* и *чистить* десять и сто раз. И не падать духом».

СТУПЕНИ

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Очерк был подготовлен к публикации, когда созданная Съездом народных депутатов СССР Комиссия для проверки материалов, связанных с деятельностью группы Прокуратуры СССР, возглавляемой Т. Х. Гдляном, высказала настоятельную просьбу воздержаться на время работы комиссии от дискуссии по данному вопросу.

Издательство, идя навстречу желанию народных избранников, приняло решение отказаться от публикации очерка до полного выяснения обстоятельств.

ИГРА В НАПЕРСТОК И «БОЕВИКИ» РЭКЕТА

Операция «Захват»

Операцию под кодовым названием «Захват» назначили ровно на 6.00 утра. Силы были задействованы немалые — почти весь личный состав Управления уголовного розыска Ленинграда. Возглавил операцию заместитель начальника управления А. Д. Шавгулидзе.

В списке у старшего опергруппы все адреса стояли по порядку: проспект Луначарского, улица Наличная... В такой же последовательности и привозили преступников — Балашов, Тарасов, Кульбака... За сутки в Главное управление внутренних дел Ленинграда было доставлено около двухсот человек. Единственным, кого не потревожили в эту ночь, был Сергей Васильев — главная фигура во всей этой истории.

Об арестах своих ближайших помощников Васильев узнал на следующее утро. Резкий и требовательный звонок телефона заставил его подняться с постели.

— Сережа, это я.

— Чего так рано?

— Беда, всех повязали...

Секунду Васильев думал, но не больше, потом быстро сказал:

— Стрелка восемь часов.

И, не дождавшись ответа, положил трубку.

Этот человек не терялся ни при каких обстоятельствах, всегда действовал быстро и решительно. Вот и сейчас, несмотря на шокирующую новость, неторопливо выпил стакан чая и только потом оделся, взял ключи от машины и спустился вниз. Его «форд», как всегда, ждал хозяина на своем месте — прямо напротив парадной. Сергей открыл дверцу машины, медленно опустился на мягкое широкое сиденье. До встречи оставалось еще полчаса.

Прислушиваясь к тихому урчанию мотора, Сергей думал о своем. В голове длинной вереницей проносились события последних дней, недель, месяцев. Он думал, ана-

лизировал, вспоминал мельчайшие подробности того или иного дела. Где он мог «проколоться»? Конкретно нигде. Тогда почему же милиция все-таки решилась объявить ему войну?

«Форд», недовольно рыкнув выхлопной трубой, плавно тронулся с места и выехал на дорогу. До встречи оставалось десять минут.

Ровно в восемь Васильев вошел в холл гостиницы. При его появлении швейцар засуетился, почтительно открыл дверь и согнулся в полупоклоне. Сергей спустился в ресторан и уверенно направился к одиноко сидящему человеку за столиком в дальнем углу. Они поздоровались.

— Сережа, что делать? — быстро спросил молодой мужчина, испуганно глядя на невозмутимое лицо друга.

— Не распускай сопли, рассказывай все по порядку.

Голос Васильева звучал грубо и требовательно. Молодой человек, волнуясь и время от времени сбиваясь, торопливо говорил, как за ним приехала милиция, как отвезли к следователю, о чем его спрашивали.

— Про меня говорили? — спросил Васильев.

— Нет.

Крепко сжатые губы и приплюснутый боксерский нос Васильева размягчились и медленно растянулись в улыбку. Молодой человек смотрел на этого самоуверенного невысокого крепыша и чувствовал, как страх сжимает горло. Васильев отвертится, это ясно. Его все боятся, в том числе и милиция, а что будет с остальными?

— Сережа, что нам делать, нас же всех...

— Я сказал, не пускай сопли!

Улыбка пропала, губы снова стали жесткими. Сергей продолжал:

— Сегодня всех обзвонишь, пусть ко мне приедут. Мне надо точно знать, что там против нас замышляют эти балбесы. И не волнуйся, в милиции у меня все куплены, в обиду я никого не дам...

Следствие шло полным ходом, а Васильева так никто и не вызывал, словно забыли о нем. Сергей, оставаясь наедине, посмеивался, но времени тоже даром не терял, вел свое следствие. С Литейного все свидетели сразу же шли к нему на Озерную улицу и рассказывали, кто что узнал. Хозяин квартиры тщательно записывал их «показания», уточнял детали. Думал, снова уточнял и, когда что-то в этих показаниях ему не нравилось, говорил:

— Иди обратно, скажешь...

И свидетель снова спешил на Литейный, отказывался от прежних показаний, давал новые...

Трое братьев

Их было трое братьев — Александр, Сергей и Борис. Родились и выросли в Вырице, что недалеко от Ленинграда. Там же все трое стали заниматься боксом. Кроме бокса, ничем не увлекались. Но постепенно бокс стал отходить на второе место, понимали, чемпионами не станут. Из трех братьев особенно выделялся средний — Сергей. Волевой, энергичный, он умел подчинить себе окружающих. Очень скоро Сергей понял, что на одних кулаках никакой авторитет долго не продержится, а вот деньги... Сила и молодость проходят, деньги остаются. Но чтобы делать деньги, нужен размах, Вырица для этого место не подходящее. Вот Ленинград — что надо.

Он переезжает в Ленинград, для начала снимает квартиру в центре города. Первое время присматривается к здешним нравам, интересуется, на чем можно сделать деньги. Останавливается на валюте и фарцовке. Дело несложное, купил — продал, положив в карман свои комиссионные. Главное — осторожность. Иначе... Печальных примеров у Сережи уже было достаточно: одного только что арестовали, другого уже осудили. И все из-за этой самой неосторожности, жадности. Нет, Васильев их ошибок не повторит.

Он постепенно стал сколачивать капитал. Первое время доходы были не ахти какие, но на жизнь хватало. Примерно в этот период своей начальной коммерческой деятельности Сергей познакомился с тогда еще мелким валютчиком Михаилом Дахьей. Они были абсолютно разными людьми, но обоими владела неудержимая страсть — делать деньги. Дахья стал для Васильева надежным партнером по валютным операциям. Он помог Сергею встать на ноги, ввел в круг «центровых» мальчиков. «Центровые» целыми днями крутились вокруг иностранцев, скупали у них шмотки, при возможности брали и валюту. Эту валюту они несли Васильеву, а тот Дахье. Дахья, конечно, мог и сам брать валюту из первых рук, но он решил перестраховаться. Чем меньше знают его в лицо, тем меньше свидетелей. А так главный удар примет на себя Сережа, поэтому действовать через него было куда удобней.

Шли месяцы. Сергей уже свободно ориентировался в конъюнктуре и ценах черного рынка, знал, где и у кого лучше купить японские йены, итальянские лиры, немецкие и финские марки, американские доллары. Его можно было разбудить в любое время ночи, и он с точностью до копейки мог назвать официальный и неофициальный курс любой валюты, сказать, какая из них более стойкая, с какой лучше не связываться — прогоришь.

Но была у Сережи причина и для беспокойства. У валютчиков время течет быстро — сегодня нищий, завтра миллионер, а послезавтра уже в тюрьме. Один шутник из «центра» как-то заметил — работа у нас как у космонавтов, сплошные перегрузки, но зато денежная компенсация за вредность. Особенно солидной эта компенсация была в последнее время у Миши Дахьи. Он уже воровал шестизначными суммами, и его авторитет в мире дельцов рос с каждым днем. А Васильев по-прежнему оставался все тем же незаметным мальчиком, по мелочовке скупающим иностранные дензнаки. Исчезнет завтра Дахья, исчезнут доходы и у Сережи. Это он хорошо понимал, поэтому решил организовать свое дело, где главный куш будет доставаться только ему — Васильеву.

«Фирма» Васильева

Спортом Сергей уже давно не занимался, но своих друзей из клуба не забывал. Частенько собирались все вместе в баре «Роза ветров», устраивали пьянки, шумные вечеринки, которые нередко заканчивались битьем посуды и физиономий. Здесь в основном собирались те, кто не пробился в большой спорт или по возрасту уже выбыл из него. И единственный человек, который из всей этой шумной компании не пил, был Васильев. Про него так и говорили:

— Сережа никогда с рельс не сходит.

Да, «с рельс» он не сходил, и это невольно подкупало.

Очень скоро Сергей сумел собрать вокруг себя «команду» бывших боксеров, самбистов, каратистов, бывших мастеров и чемпионов. Этих ребят он подкармливал и подпаивал, оплачивал их счета, иногда давал в долг небольшие суммы денег. Понимал, что долг не вернут, но все равно давал — рано или поздно получит с процентами.

Васильев уже хорошо знал, как в недалеком будущем

он сможет использовать все эти пустые головы с крепкими кулаками. «Работы» для них будет много, даже слишком.

Первым делом Сергей решил завладеть наперсточной игрой, стать полноправным ее хозяином. Эту игру он заметил давно. Играли на барахолке в Ульяновке, у автомагазинов на Салова и Энергетиков.

— Если отгадаешь, под каким наперстком шарик, я тебе 50 рублей плачу, если не отгадаешь — ты мне двадцать пять, — объявлял условия игры «крутильщик» и демонстративно накрывал одним из трех наперстков маленький шарик и начинал в определенной последовательности их двигать. Глаз Сергея вместе с играющими неотрывно следил за наперстком с шариком. Иногда он отгадывал, иногда нет. Вскоре Сергей разобрался в тайнах этой нехитрой, но азартной игры. Но прежде он обнаружил следующую закономерность — на всех толкучках «крутильщики» только кавказской национальности и отгадывают шарики одни и те же люди, все остальные проигрывают. Васильев понимал, что выигрывают свои, вызывая ажиотаж у толпы зевак. Правда, иногда «крутильщик» проигрывал сотню-другую постороннему, чтобы затем выиграть у незнакомого «счастливчика» две-три тысячи. Весь секрет заключался в том, что «крутильщик» мог незаметно во время игры переместить шарик в другой наперсток или оставить его под тем, под каким видела его толпа зевак. Все зависело от партнера.

На каждой толкучке «крутильщика» охраняли пять-шесть других кавказцев. Они выступали в роли игроков и телохранителей. Сергей понимал, что за всем этим стоит кто-то один. Этот человек не показывался на толкучках, он только собирал дань и организовывал игру. Остальные получали свои проценты. Одним словом, игра шла в одни ворота и на один карман.

«Хозяина» наперсточной игры Васильев нашел быстро — некто Симон. Часто вместе с «центровыми» бывает в ресторанах, покупает у них импортные тряпки, пользуется услугами проституток. Теперь Васильев владел всей необходимой информацией, чтобы заняться перераспределением сфер влияния. Но для этого ему нужно было раз и навсегда вытеснить кавказцев.

В один из воскресных дней к толкучке на Ульяновке подъехало трое «Жигулей». На приезжих сначала никто не обратил внимания. Торговля пластинками, тряпками, книгами и прочим дефицитом продолжалась. Среди этой

многоликой и шумной массы виднелись игроки в наперсток. Сейчас они успешно обкручивали очередного простачка. Не вылезая из машина, Васильев показал своей «команде» на кавказцев.

— Бейте всех!

Захлопали дверцы, и из машин выскочило человек десять крепких парней в коротких куртках и джинсах. Уверенно направились к игрокам в наперсток.

Драка вспыхнула неожиданно и длилась недолго. Бывшие спортсмены быстро взяли верх и вмиг разогнали игроков. Разбежались и спекулянты. Некоторые из них, удалившись на безопасное расстояние, с любопытством наблюдали за стайкой молодых людей, которые сразу же после экзекуции «наперсточников» так же стремительно, как и приехали, умчались.

На следующей неделе «боевики» Васильева появились на Энергетиков и Салова. И снова драка, и снова увесистые тумачи игрокам в наперсток. Но теперь уже кавказцы знали, откуда дует ветер, да и «боевики» Васильева этого не скрывали.

В субботу поздно вечером после драки на Салова Сережа позвонил Симону.

— Слушай, Симон, твои люди мне мешают, или плати бабки, или убирайся!

В трубке послышалось недовольное ворчание.

— Хорошо, тогда завтра даю бой, — спокойно ответил Васильев и положил трубку.

Симон понял угрозу и стал готовиться к встрече. Просто так сдаваться он не хотел. Последнее время он собирал всех своих игроков на Энергетиков, растекаться малочисленными группами по городу было теперь опасно. В воскресенье утром Симон собрал свою «команду» человек в двадцать. На этих ребят он мог положиться, до сих пор не подводили. Наконец после обеда к автомагазину подкатило семь машин, пронзительно взвизгнув тормозами, замерли как вкопанные. «Боевики» Симона уже ждали гостей. Зураб Хоперия, как всегда, крутил наперстки, остальные находились поблизости.

— Давай! — скомандовал Васильев.

Спортсмены ринулись вперед, в руке у одного мелькнул жигулевский коленвал, у другого цепь, у третьего железный прут. На этот раз была не драка, а настоящая бойня. Кто-то из «боевиков» Васильева с первого же удара выбил все зубы Зурабу Хоперия, кому-то сломали руку, кому-то челюсть.

После Энергетиков Симону стало ясно, что наступают серые времена, пора сворачиваться. С ребятами Васильева шутки плохи. Рано или поздно в каком-нибудь темном месте прижмут и его, Симона, а всех его игроков если не убьют, то в лучшем случае разместят по больничным койкам.

«Фирма» набирает обороты

Так Васильев стал полноправным хозяином наперсточной игры в Ленинграде. Он расставил своих людей на толкучках в Ульянке, на Энергетиков, Салова, Благодатной, Стачек, во Всеволожске. Наперстки крутили все те же жулики-кавказцы, только теперь они крутили их на карман Васильева. А что им оставалось делать? Как известно, сила силу ломит. После очередного сборища в «Розе ветров» Васильев мог собрать «команду» в пятьдесят «бойцов», которые приезжали в любое время дня и ночи. Пойти в милицию? Но от одного этого слова «наперсточникам» становилось не по себе. Лучше уж согласиться на кабальные условия Васильева, зато будет гарантия, что тебе не выбьют челюсть и к концу «рабочего» дня ты получишь свою долю.

Многие кавказские «крутильщики» быстро сообразили, с кем лучше сотрудничать. Сами предлагали свои услуги Васильеву, докладывали, что делается в стане конкурентов. А у конкурентов была паника. Симон неожиданно исчез в неизвестном направлении, и заменить его было некем. Предателей пытались наказывать, но тех надежно охраняли «боевики» Васильева.

Так «фирма» Васильева стала набирать обороты. Сразу же после наперстков Сергей решил заняться автомобилями. На автомобильном рынке тоже господствовали кавказцы, только другие, не наперсточные. Подъедет новенькая машина, а к владельцу уже спешит грузный мужчина с солидной внешностью и с характерным акцентом говорит:

— Продай, дорогой, любые деньги сверху заплачу.

Сверху — подразумевалось дороже госцены или оценочной стоимости магазина. На легковые машины было подорожание в 1963 и 1979 годах, к тому же любой комиссионный магазин оценивает машину не по ее техническому состоянию, а по году выпуска. Например, купили вы «Волгу» ГАЗ-21 до подорожания за четыре тысячи

рублей, решили продать. Магазин не интересуется, стояла ли она у вас в гараже или нещадно эксплуатировалась. Год старый, значит, 50 процентов долой. За исходную величину, разумеется, бралась новая стоимость, а значит, и увеличенный комиссионный сбор. На руки бывший владелец в лучшем случае получал около трех тысяч. Но покупатель-то готов заплатить и восемь, а то и десять тысяч, если, конечно, машина в хорошем состоянии.

Новые машины (в основном «Волги», «Жигули», УАЗы) начиная с середины 70-х годов пользовались повышенным спросом. Разумеется, росли цены и черного рынка. К началу восьмидесятых годов эти цены достигли своего апогея — за «Жигули» сверху давали 5—6 тысяч, за «Волгу» — 10—15. Спрос уже давно превышал предложение, а промышленность удовлетворить его была не в силах. Чтобы хоть как-то сбалансировать цену между «черной» и государственной стоимостью, Госкомцен увеличил стоимость легковых автомашин.

Каждый владелец хочет получить за свою машину максимальную цену, независимо от оценки комиссионного магазина. Как правило, эту разницу — «верхушку» — продавец получает наличными в момент оформления купли-продажи, и составляет она внушительную сумму — от тысячи до десяти. Все зависит от модели и года выпуска. За иностранные машины могут заплатить и больше. Кто-то считает это спекуляцией, кто-то нетрудовыми доходами. Но давайте обратимся к Уголовному кодексу РСФСР. Статья 154 (спекуляция) трактуется как скупка и перепродажа с целью наживы. Человек, который покупал машину 10—20 лет назад, вряд ли думал о перепродаже и тем более о наживе. Другое дело, если он приобрел машину и сразу же поехал продавать ее. Поэтому у комиссионного магазина встречаются разные люди — и отъявленные спекулянты, и неискушенные владельцы резко подорожавших за последнее время «Волг».

Вот из-за этого несовершенства автомобильных цеп после 1979 года и появились так называемые «кидальщики». Обещают продавцу любую сумму сверху, а когда оформляют машину, «кидают» его, то есть обманным путем не платят обещанную сумму. Обманывают по-разному — от ловкого мошенничества до откровенного насилия.

Автомобильную спекуляцию Васильев тоже решил монополизировать. На этот раз все обошлось меньшими

жертвами. После истории с наперстками авторитет Васильева в деловом мире резко вырос. Сергей позвонил одному из заправил автомобильного бизнеса, велел убираться с рынка. Перепуганный делец попытался вступить в переговоры, но Васильев положил трубку. В услугах того он не нуждался, своих людей хватало.

На следующий день на Энергетиков прикатило пять «Жигулей». При виде этих машин кавказские «кидалыщики» сразу же ретировались, обзаводиться вставными челюстями никому не хотелось. Вскоре большинство из них поспешили уехать из Ленинграда, остальные занялись другим бизнесом.

Процесс покупки и перепродажи машин «фирма» Васильева проводила по четко отработанному плану. Одни ловили «лохов» (как правило, доверчивых, неискушенных людей, продающих что-то дефицитное и дорогое), другие договаривались с ними о цене, третьи «кидали». Каждому отводилась своя роль. Главное — не привлекать внимания людей, и тем более милиции. Ведь кавказские «кидалыщики», как считал Васильев, работали грубо. Деньги — «верхушку» — они обещали отдать после оформления машины. Когда доверчивый продавец понимал, что его обманули, он всеми силами пытался задержать мошенников. И тогда кавказцы пускали в ход кулаки — одного выкинут из машины, другого попросту избьют. Избитые и обманутые автолюбители приходили с заявлениями в милицию. С потерей денег они мирились, а вот физического оскорбления простить не могли. Правда, на эти заявления работники Красногвардейского РУВД не очень-то реагировали, мол, не нарушайте правил комиссионной продажи автомашин. Но Васильеву такой рекламы было не нужно.

Новоявленные мошенники работали более тонко. Особым талантом в этом отношении пользовался некто Леонид Кульбака, уроженец Донецкой области. Человек солидный, в летах, он представлялся шахтером, показывал свои натруженные крепкие руки.

— Только что из шахты вылез, вот машину хочу купить, но жуликов боюсь.

После таких слов «шахтер» доставал из кармана толстенную пачку денег и протягивал ее владельцу машины. От такой доверчивости мог смутиться даже спекулянт. «Этого простачка здесь вмиг облапошат», — думал он. Но получалось все наоборот.

С жителем Новгородской области Игнатьевым * Кульбака познакомился случайно. Тот приехал в Ленинград на своей «Волге» ГАЗ-24 посмотреть город. Конечно же, приехал и на автомобильный рынок, поинтересоваться, какие там есть запчасти. Здесь-то и подошел к нему Кульбака.

— Слушай, продай машину, — стал уговаривать он, — десять тысяч заплачу.

Игнатьев не соглашался, но, когда Кульбака повысил цену, задумался. Машина все-таки не новая, да и подвеска что-то барахлит. А ведь покупатель 17 тысяч предлагает, где такого еще найдешь. И Игнатьев согласился. Договорились встретиться в Новгороде.

Через неделю, прихватив с собой двух компаньонов, Кульбака приехал в Новгород. Дома у новгородца Кульбака демонстративно отсчитал 4 тысячи рублей — «верхушку», завернул их в бумагу и положил в шкаф. Ключ от шкафа взял себе.

— Отдам, когда оформим машину, — пояснил он.

Игнатьев усмехнулся — шкаф он мог открыть и без ключа. Но раз тот хочет ключ, пусть будет так. «Волгу» оценили в 13 тысяч, Кульбака заплатил в кассу деньги, и, оставшись довольными друг другом, покупатель с продавцом расстались. Кульбака взял курс к Ленинграду, а Игнатьев поспешил домой, чтобы еще раз пересчитать деньги. Открыв шкаф, он достал бумажный пакет, развернул его, но вместо денег увидел... кусок хлеба.

Способы мошенничества были разные. Однажды Кульбака познакомился с владельцем нового УАЗа. Соснин занимал ответственный пост в одной из организаций Ленинграда и дефицитный УАЗ купил только с одной целью — перепродать. И вот так быстро ему подвернулся покупатель. Сторговались на 25 тысячах, то есть на 12 тысяч дороже госцены. Но Соснин оказался не таким уж простачком, как предыдущие «лохи», шахтерские штучки Кульбаки на него не действовали.

— Деньги вперед, а на следующий день оформляем машину, — твердо заявил спекулянт.

Кульбака согласился, но с оговоркой — перед оформлением положить разницу на сберкнижку. Поехали в сберкассу. Кульбака попросил Соснина заполнить приходный ордер на 12 тысяч рублей. Тот заполнил, затем Кульбака подал кассиру заполненный ордер вместе с

* Фамилии всех свидетелей изменены.

толстой пачкой денег. Кассир долго пересчитывала их, потом расписалась в сберкнижке и протянула ее Кульбаке.

— На, — Кульбака протянул сберкнижку Соснину. Тот внимательно прочитал свою фамилию, удовлетворенно кивнул, взглянув на сумму.

— Спрячь у себя и смотри не потеряй, — посоветовал Кульбака и добавил: — Впрочем, она именная, потеряешь, по паспорту получишь.

Теперь можно было ехать в комиссионный переоформить машину. Эта процедура заняла у них полчаса, и затем они расстались. Кульбака сел в новенький УАЗ и куда-то умчался, а Соснин поспешил в сберкассу. Но там его ждала страшная новость — на его сберкнижке лежало не 12 тысяч, а всего лишь 12 рублей. Верить в подобное не хотелось. Он ругался, требовал уже в который раз проверить счет, но кассир невозмутимо отвечала:

— Гражданин, ведь вы же сами видите, что у вас только 12 рублей лежит, зачем же нам претензии предъявляете?

— Но, девушка, сегодня утром мы с товарищем клали 12 тысяч на фамилию Соснин. Где же они?

— Не знаю, на вашей фамилии лежит только 12 рублей, а 12 тысяч действительно сегодня клали, но совсем другой гражданин и совсем на другую фамилию.

— На какую?

— Этого ответить я вам не могу, тайна вклада.

Состояние у несостоявшегося спекулянта было шоковое. Он долго не мог понять, как все это случилось. Ведь он же собственноручно заполнил приходный ордер на 12 тысяч, видел, как Кульбака его подал, как кассир пересчитывала деньги. В конце концов он видел сберкнижку с этими тысячами, которую сразу же убрал в портфель, закрыл его на ключ и ни на секунду из рук не выпускал. Фантастика!

Но никакой фантастики не было. Весь «секрет» фокуса Кульбаки заключался в следующем. Мошенник к открытию поехал в сберкассу, положил на имя Соснина 12 рублей и параллельно заполнил на предъявителя приходный ордер на 12 тысяч. Затем приехал в сберкассу с продавцом, тот оформил приходный ордер, Кульбака взял его и подал работнику сберкассы... свой приходный ордер на предъявителя. Подмену бланка заметить было невозможно. Потом мошенник смело протягивал кассиру

12 тысяч рублей, а под ладонью у него уже лежала сберкнижка с 12 рублями. Через минуту следовала еще одна манипуляция, и Кульбака отдавал владельцу машины сберкнижку с 12 рублями.

Кульбака был бесспорно талантливый мошенник, помимо ловких рук, он обладал изобретательным умом. Поэтому Кульбаку Васильев использовал в самых трудных и сложных ситуациях, когда попадает особенно несговорчивый продавец. Помимо коронного номера со сберкнижкой, в арсенале мошенников имелись и более прозаические приемы. Например, нашли очередного клиента, договорились о цене. Сверху продавец просил десять тысяч. Десять так десять. Операция поручается Балашову — человеку в этих вещах тоже опытному и авторитетному. В назначенное время встречаются у комиссионного автомата, Балашов достает деньги, дает их пересчитать продавцу. «Верхушку» спрячут в дипломат, который кладут на заднее сиденье. Рядом неотлучно находится знакомый продавца — подмена дипломата или «кукла» исключается. Оформив куплю-продажу, они возвращаются к машине.

— Мужики, вас до метро подкинуть? — спрашивает Балашов.

Бывший владелец автомобиля и его товарищ соглашались. Но не успевают они проехать и ста метров, как их стремительно обгоняет какая-то машина и, резко затормозив, преграждает дорогу. Из машины выскакивают трое.

— Уголовный розыск!

Незнакомцы приказывают всем выйти из машины. Балашов плаксивым голосом просит отпустить его. Но «сотрудники уголовного розыска» неумолимы. Они забирают спекулянта Балашова и на купленной машине, в которой лежит дипломат с деньгами, уезжают. Вся операция занимает не больше минуты. Нетрудно догадаться, что этой «группой захвата» руководил все тот же Балашов. Были и другие приемы в арсенале мошенников.

Каждый месяц люди Васильева покупали и перепродавали по нескольку машин. Некоторые брали лично для себя и своих знакомых, для Васильева подыскивали иномарки. Хозяин не любил советские, предпочитал только фирменные «тачки». Сначала он ездил на новенькой «тойоте», затем на «форде», «мерседес» обкатать не успел, арестовали.

Слово «мафия» пришло в наш лексикон с Запада. Долгое время считалось, что в социалистическом обществе ее нет и не может быть, так как для этого нет социальных предпосылок. Но вот последнее время это страшное слово все чаще употребляется уже относительно нашего социалистического общества. Там разоблачили торговую мафию, там ресторанную. Уже никого не удивляет, когда на скамье подсудимых сидят вместе бывший высокопоставленный работник милиции и какой-нибудь директор ресторанного треста. Но все-таки у этих, если так можно выразиться, ресторanno-торговых мафиози есть небольшое отличие от западных. Да, они действуют организованно и совершают опасные преступления, но они не занимаются террором и рэкетом — истинно гангстерским ремеслом. Поэтому в официальных документах их именуют группой преступников.

Теперь постараемся разобраться в деятельности группы Васильева. Из мелких валютчиков и правонарушителей эти люди превращаются в хорошо отлаженную организацию по террору и вымогательству у других преступников денег (рэкет). Каждому отведена своя роль — один бьет, другие вымогают деньги и следят за регулярностью их поступления, третьи ищут «лохов», четвертые «кидают», пятые перепродают купленные обманым путем машины. И все эти группы и подгруппы (дочерние фирмы) работают на одного человека — Васильева. Как назвать эту преступную организацию, группой преступников? Нет, давайте все-таки называть вещи своими именами — мафия.

У мафии Васильева было такое же структурное деление, как у его сицилийских собратьев по ремеслу. Заправляет всем босс, или «отец», ему подчиняются «капитаны», а им, в свою очередь, «сержанты» и «солдаты».

Как и западные мафиози, мафия Васильева постоянно искала новые сферы влияния и новые прибыли. Васильев не остановился на захвате автомобильного рынка и игры в наперсток, следующим его шагом стала борьба за галерку. Васильев решил обложить всех «центровых» дельцов и спекулянтов налогом, а кустарей-цеховиков, большими партиями штампующих «импортные» тряпки, заставить работать на себя.

Но сделать это было не так-то просто, не каждый спекулянт согласится делиться своей прибылью. Спекулянты

знаменитой галерки, что у Гостиного двора, народ специфический. Они умеют торговать, могут безошибочно выделить в толпе потенциального покупателя, знают, как подойти, как предложить свой товар. Это наука. За два-три года «галерщики» вырастают в крупных спекулянтов, способных за день реализовать десятки пар модных брюк, курток, плащей и прочего ассортимента. Разумеется, прибыль исчисляется из количества проданного товара, — может тысячу в месяц заработать, а может и три. Все зависит от расторопности и других качеств спекулянта.

Товар к ним поступает разными путями. Привезли моряки импортные вещи, продали знакомому спекулянто-оптовику. Тот, в свою очередь, небольшими партиями «галерщикам». Еще один путь — через валютчиков, которые скупали в «Березке» наиболее дефицитные вещи. Некоторые спекулянты специализируются только на изделиях кустарного производства, подделанных под импортные. В их действиях уже присутствует элемент мошенничества.

Всех этих людей Васильев и решил взять в свою «команду». Но «центровые» стали сопротивляться. Началась война. «Боевики» били и гоняли «галерщиков» целыми днями. А те через неделю-другую вновь возвращались обратно и продолжали свой бизнес. Тогда мафия решилась на более жесткие меры. Они не просто били, а уже отбирали товар, деньги, корежили машины.

В те дни галерка бурлила, а среди «центровых» можно было услышать такой диалог:

— Знаешь, что вчера с Распылителем сделали? Отвезли за город и закопали в землю.

— Не может быть!

— Может. Правда, закопали по шею, как в кино, — одна голова из земли торчит. Но он сразу сломался. А Петровичу сегодня с утра всю машину покорежили. В общем, ты как хочешь, а я буду с Сережей работать, не хочу, чтобы меня тоже как Распылителя...

От таких разговоров у каждого мурашки забегали по коже. Выход один — или идти на поклон к Сереже, или исчезнуть из «центра». Но исчезнуть из «центра» — это значит потерять все доходы. Лучше уж смириться с потерей какой-то части прибыли, чем вообще все потерять. Кроме спекуляции, эти люди ничего не умели, да и не хотели уметь. Переместиться в другой универмаг? Но на такое мог решиться только неискушенный в спеку-

лятивных делах юнец. Через Гостиный двор каждый день проходят тысячи и тысячи приезжих, не говоря уж о ленинградцах. Именно сюда приезжают те, кто хочет купить модную и дефицитную вещь. Знают: здесь есть особый «пятачок», на котором можно купить все.

В конце концов «галерщики» пошли на кабальные условия мафии. Так Васильев полностью захватил «центр». Теперь цены на черном рынке диктовал он. Подпольные цеховики шили по его заказам огромными партиями вещи, а «галерщики» их реализовывали. Цеховики с большей охотой, нежели спекулянты, согласились сотрудничать с Васильевым. Он давал им солидные заказы, обеспечивал всем необходимым сырьем, гарантировал твердую оплату после реализации товара. Тем, кому не нравились эти условия, приходилось срочно покидать город или уходить в подполье.

...Картежники вышли на Васильева сами. Те, кто играет на большие деньги, как правило, денег с собой не берут, рассчитываются позже. Но картежники — это не спекулянты с галерки, место «тусовок» которых всем известно. Картежники обычно собираются на «сходняк» в разных местах. Сегодня в Ленинграде, завтра в Москве, а послезавтра в Крыму. Попробуй получи с проигравшего долг, если к тому же такое понятие, как честность, в этой среде непопулярно.

В деловом мире привыкли «кидать», «динамить», «ломить» не только «лохов», но и своих ближайших компаньонов. Поэтому, чтобы получить карточный долг, нужна сила. А такой силой в Ленинграде обладал только Васильев. Ведь среди знакомых у него были не только «боевики» из «Розы ветров», но и уголовники-рецидивисты, готовые за деньги на любое преступление. Сотрудники уголовного розыска задержали одного из таких наемных убийц. С пистолетом в кармане он разъезжал по разным городам страны, помогая знакомым выколачивать долги.

Поэтому-то картежники и предложили Васильеву войти к ним в долю. Нет, в игре участия он не принимал, его задача заключалась в вышибании из проигравших долгов. И он это успешно делал. Были случаи, когда проигравший приносил долг в чемодане (полмиллиона по карманам не распахнешь), треть которого принадлежала Васильеву.

Теперь Сережа уже сам никуда не ездил, руководил по телефону.

— Стрелка 12 часов.

Это означало, что в 12 часов дня только в известном ему месте завезут «оброк» спекулянты с галерки.

— Стрелка два часа.

В два «кинут» очередную машину, а вечером к нему привезут налог игроки в наперсток и доставят новую партию товара цеховики. Единственное, что он делал сам, принимал деньги и передавал товар — никому не доверял.

Жизнь у Васильева была беспокойная, хлопот хватало. Просыпался ровно в восемь утра — железный режим. Сразу же садился на телефон и обзванивал «боевиков».

— Ты почему спишь, давай срочно едь на Энергетиков, работать надо!

«Бойцов» он прогонял туда, где шли «тусовки» и «сходняки», где «ломали» деньги и «кидали» «лохов». Учет и контроль у Васильева были на первом месте.

Свободного времени у босса никогда не было, стрелка ни на минуту не останавливала свой бешеный темп. Чтобы в перерыве между звонками не было скучно, ему привозили видеокассеты с западными боевиками и порнографией, а на ночь — очередную проститутку. Правда, жил Сережа скромно: старая обшарпанная мебель, сложенная кровать, в холодильнике консервы из кильки, дешевая вареная колбаса — никаких деликатесов. Только новенький магнитофон «Панасоник» и цветной японский телевизор той же фирмы с пультами управления не вписывались в эту убогую обстановку запущенной и грязной квартиры. Впрочем, этот «спартанский» образ жизни объяснялся скaredностью босса ленинградской мафии. Деньги Васильев вкладывал только туда, где намечалась прибыль. При обыске у него нашли записку, в которой Васильев подсчитывал свои затраты по пошиву на период летней кампании 1987 года. Только закупленные им ткани, «молнии», фурнитура составили внушительную сумму — сто десять тысяч рублей. Не гнушался босс обманывать и своих ближайших помощников. Часто недоплачивал доли тому же фокуснику-иллюзионисту Леониду Кульбаке.

— Ленья, денег нет.

А если Васильев сказал нет, значит, ни за что не заплатит.

Однажды Цацуа «кинул» для Сережи очередную машину, получил за «работу» свою тысячу. Но в следую-

щий раз, когда Васильев встретил Цацуа у Энергетиков, потребовал тысячу обратно.

— Сережа, но я же тебе машину сделал! — недоумевал тот.

— Ничего не знаю, я тебе в долг давал.

В ту же секунду Цацуа окружили «боевики», и тому ничего не оставалось делать, как вернуть деньги. Разумеется, подобные выходы босса его друзьям не нравились. Но приходилось терпеть — сильный всегда прав.

Одевался Васильев тоже с претензией на оригинальность. На Невский мог запросто выйти в потрепанной «самопальной» куртке и... резиновых сапогах по колено. Странно? Зато эффектно, сразу видно — непростой человек. На допросы в милицию он приезжал в старых брюках и в трехрублевой клетчатой рубашке. Зато внизу этого «простого» парня поджидал блестящий никелем огромный «форд».

Следствие

Васильева не арестовывали целых два месяца, в то время когда все его ближайшие сподвижники уже давно привыкли к тюремному режиму. Брать босса было рано, не хватало улик, а улики складывались из показаний свидетелей. Привозят в Управление уголовного розыска уже знакомого нам Зураба Хоперия.

— Что можете сказать о Васильеве?

Шамкая беззубым ртом, Хоперия на все лады расхваливает Сережу — отличный парень, отличные ребята! Стычка у Энергетиков? Да, приезжали какие-то хулиганы, но Сережа-то здесь при чем?! Спекулянты с галерки и другие «центровые» дельцы при упоминании фамилии Васильева делают удивленное лицо. Нет, такого они не знают, впервые слышат. Ах, арестованные сами говорят про них? Да, что-то припоминают, но никаких показаний давать не будут. Единственное, что волнует всю эту разношерстную публику, — как бы самих не арестовали. Правда, есть такие, у кого не совсем отшибло память, и они с удовольствием расскажут о подвигах Васильева. Например, Михаил Дахья. Он многое знает, многое помнит и прекрасно понимает, что события пятилетней давности к делу не пришьешь — доказательств не хватит. Но Дахье терять нечего, получил уже свои пятнадцать лет за валютные операции. Есть и другие,

кто сможет поведать о ракете и о «галерке», автомобильном рынке и о картежниках, назвать десятки фамилий, которых «рихтовали» «боевики», у кого корежили машины и кого закапывали в землю. Для протокола? Боже упаси, для протокола они ничего говорить не будут. Ворон ворону глаз не выклюет.

Правда, были такие, кто давал против Васильева показания. Например, один известный спекулянт, некто Мороцевич. Не мог он простить Сереже один старый, но слишком оскорбительный эпизод из их «дружбы». Позвонил как-то Васильев ему домой, велел срочно приехать.

— Сережа, не могу, у меня сейчас телки!

— Бросай своих шлюх и срочно ко мне, ты мне дорогу перешел.

— Но Сережа...

В трубке слышались частые гудки. Мороцевич знал: с Васильевым лучше не ругаться, поэтому пришлось оставить «телок» и поехать на Озерную улицу. Дома у Васильева находилось двое московских преступников (оба числились во всесоюзном розыске). Москвичи потребовали у Мороцевича три тысячи рублей, объяснили:

— Сережа сказал, что ты плохо себя ведешь!

Мороцевич не понял, в чем именно заключается его плохое поведение, ведь все причитающиеся с него «налоги» он платит исправно. Но спрашивать и тем более спорить с незнакомыми верзилами он не стал, так как свою «просьбу» те подкрепили увесистыми тумачами. Да и не у каждого хватит смелости возразить, когда тебе на полном серьезе говорят:

— Через час не будет денег, зарежем!

Через час Мороцевич привез деньги, отдал москвичам.

Но в суде от своих показаний на следствии Мороцевич отказался. Он неожиданно «вспомнил», что действительно задолжал москвичам деньги. Да, они его пару раз ударили, но Сережи в этот момент не было — вышел из квартиры. И вообще, Сережа отличный парень, и зачем он тогда его на следствии оклеветал, сам не понимает.

Изменили показания и многие другие свидетели. Не напрасно на всех заседаниях «дежурили» оставшиеся на свободе приятели Васильева. Они умели обрабатывать свидетеля, если у того, как говорится, рыльце в пушку. Мафия Васильева грабила таких же, только более слабых и менее организованных преступников.

По-разному вели себя во время следствия преступники. Васильев все еще не верил, что его ждет печальная участь, балагурил.

— Мужики, сколько вы в своей милиции получаете? Вы же все нищие! Хотите, я вас на работу возьму, по тысяче плачу.

Этот денежный мешок все мерил только деньгами. Этот плохой. Почему? Потому, что денег нет и машина плохая, советская. А этот хороший — денег много, и «тачка» фирменная. Любимая тема разговора — деньги, деньги и только деньги. А вообще-то говорить с ним было трудно. Попытаешься спросить о чем-то постороннем, а в ответ сразу жесткое:

— Меня это не интересует.

Деловой человек, ничего не скажешь! Явные факты мошенничества он признавал и тут же недовольно добавлял:

— Но я же у спекулянтов машины брал, я жуликов наказывал.

Он претендовал на роль санитара общества, излечивающего социальные болезни кулаком и жигулевским коленвалом. У Васильева всегда была одна-единственная вера — деньги, а все остальное словесная ширма.

Приговор

Суд длился долго. Сравнительно небольшое помещение судебного заседания было постоянно переполнено людьми. Не все желающие могли попасть в зал, не хватило места. На скамье подсудимых сидело тринадцать человек, напротив каждого из них стоял конвоир. Давно здесь не было такого усиленного конвоя. Но меры предосторожности были вынужденные, от «команды» Васильева, которая осталась на свободе, ждать можно было всякого.

Все преступники были приговорены к различным, сравнительно небольшим, срокам наказания.

Суд кончился, но многие неразрешенные вопросы остались. Ведь этих преступников породила та социальная среда, которая их окружала. Возьмем автомагазин. Золотые изделия, купленные тридцать лет назад, человек несет в комиссионный магазин по новой цене, и никто не обвиняет его в спекуляции и нетрудовых доходах.

Цены растут, ничего не поделаешь. А вот с оценкой автомобилей происходит какая-то неразбериха.

«Волга» ГАЗ-21 ничуть не хуже «Москвича-2140». Но владелец «Москвича» официально за свою машину может получить около восьми тысяч рублей, а владелец «Волги» не получит и половины. Кому выгодна подобная система оценки? В первую очередь спекулянтам, жуликам и взяточникам из комиссионных магазинов. Не секрет, что оценщик может оценить любой автомобиль на одну-две тысячи дороже или дешевле. Обычно просят оценить дешевле, чтобы не платить лишний комиссионный сбор. А просьба эта, конечно же, подкрепляется денежной купюрой соответствующего достоинства. Разумеется, государство от этой несовершенной системы оценки теряет большие деньги. (Нетрудно подсчитать, сколько будет семь процентов с четырех или, например, с десяти тысяч.) Почти все обманутые автолюбители с удовольствием поставили бы свои машины на обезличенную продажу и сами назначили им цену (как делают владельцы «Жигулей»). Если цена высокая, через каждые 15 дней происходит уценка, как и во всех комиссионных магазинах страны. По этому поводу суд направил частное определение в адрес Министерства торговли РСФСР и Автотехобслуживания Ленинграда.

Теперь о наперстках. До сих пор нет твердого мнения, что это — азартная игра, фокус или мошенничество? Тот, кто «крутит» наперстки, может точно сказать — мошенничество. Не сомневаются в этом и работники правоохранительных органов. Но личное мнение и официальное постановление — разные понятия. Задержали однажды нигде не работающего игрока в наперстки, изъяли у него четыре тысячи рублей. Оштрафовали на 50 рублей, а тысячи вернули — поступили по закону.

Спекулянты с «галерки», подпольные цеховики. Теперь им особое раздолье. Закон об индивидуальной трудовой деятельности надежно оградил их от милиции. Подпольные цеховики давно легализовались, открыв кооперативы и купив патентов, только о своих доходах по-прежнему умалчивают. Для них это болезненная тема. Мало кого интересует и то, где они берут заводское оборудование, которое не продается. А какие материалы они используют при изготовлении фурнитуры? Все те же — заводские. Спекулянтам прятаться тоже особенно не приходится. Один изготавливает, второй реализует, «кооперативное» разделение труда. Правда, в члены коопе-

ратива «реализатор» не вступает, но если надо, бумажку принесет.

Против картежников тоже единственная садкция — штраф 50 рублей, чем, конечно же, от выгодного промысла их не отвадишь.

Вообще, весь ход следствия и судебного процесса над Васильевым еще раз показал, что пока наше общество явно недостаточно защищено от дельцов такого типа. Уголовное законодательство, например, не предусматривает наказания за тот же рэкёт. Впрочем, это и понятно — до недавнего времени считалось, что в нашем обществе не может быть организованной преступности и коррупции. Но она не только была, а все глубже и увереннее пускала корни.

Вот что по этому поводу сказал один известный ленинградский мафиози. (Он пообещал быть откровенным при условии, если в печати не будет названо, по понятным причинам, его имя.)

ФИАСКО

Конечно, можно было бы сказать по-русски: поражение. Но судебные процессы и те уголовные дела, которые до судов так и не дошли, можно смело сравнить с захватывающими историями из итальянских кинофильмов, где уже давно самокритично и беспощадно признают: в борьбе с организованной преступностью правосудие терпит фиаско.

Как показала практика последних лет, это явление не по зубам и устаревшему механизму нашего правосудия. Уже не срабатывает отлаженная система доказательств, а новой пока нет. Статьи старого Уголовного кодекса трещат по швам от «насилия», когда в них пытаются втиснуть такое новое понятие, как организованная преступность. Некоторые же имеющиеся в нем статьи по сути дела — явления мертворожденные и на практике не применяются. Как яркий пример можно привести ту статью, где говорится о даче заведомо ложных показаний. Бывшие подсудимые, которым удалось уйти от ответственности, и их свидетели меняли свои показания, как перчатки. И меньше всего при этом они боялись закона. А какое противодействие оказывали и продолжают оказывать бывшие граждане, а ныне товарищи, и как помогают им в этом «их люди» — те, которые с ними «одной крови»! И это противодействие иначе как грозным словом «саботаж» не назовешь.

А подчас приходится сталкиваться и с тем, что понятие «организованная преступность» вообще стыдливо замалчивается. Да и люди, оказывающиеся в конце концов на скамье подсудимых, обвиняются по статьям УК РСФСР, не сулящим никаких сенсационных разоблачений. На первый взгляд. А впрочем, все по порядку.

Дело о «хулиганстве»

Эта сцена повторялась здесь неоднократно — и жарким августовским днем, и дождливым сентябрьским утром. Около суда собиралось несколько десятков «Волг» и

«Жигулей». Их хозяйева — спортивного вида парни и нарядные девицы — окружали спецмашину, доставившую из тюрьмы их приятелей, и что-то пытались им прокричать. Натренированные ребята в штатском держались в тени...

Напротив обшарпанного здания нарсуда — ухоженные Коптевские бани. Явно, что многие из приехавших сюда якобы попариться откровенно интересуются событиями, к сауне не относящимися. Это наблюдатели. Обстановка явно накаляется, хотя в толпе все чаще раздается: **«Суд и сегодня не состоится».**

— Кого судят-то? — спрашивает любопытная старушка. Она местная жительница, но такого ажиотажа не помнит. У них в Железнодорожном районе вообще-то тихо. Правда, был один случай, так это давно, зимой, и связать вместе его и нынешнее оживление у нарсуда она не может.

В ночь на 20 января 1988 года в районе Большой Академической произошла сцена, словно скопированная с западного кинобоевика. Три машины с включенными фарами преследовали одну. Несколько выстрелов по ней, и **«Жигули»** врезаются в дерево. Дюжие молодцы выскакивают из своих лимузинов и остервенело бьют металлическими штырями по машине, людям, пытающимся спастись бегством. Снег обагрился. А то, что раньше было новой машиной, напоминало теперь помятую консервную банку.

Никто из жителей, разбуженных беспорядочной пальбой, не мог предположить, что здесь, не так уж далеко от центра Москвы, произошло столкновение двух враждующих группировок рэкетиров, не поделивших зоны влияния. И если бы не случай, герои этого **«вестерна»** так и остались бы неизвестными.

Его величеству случаю было угодно, чтобы невольными свидетелями перестрелки стали водители **«Икарусов»**, которые записали номера автомашин нападающих. А дальше все зависело от оперативных работников МУРа, которые, обнаружив одну из машин преследователей, быстро определили причины этого инцидента и в кратчайшие сроки задержали всех участников нападения. В результате в уголовном деле появились такие строки:

«С. Аксенов совершил особо злостное хулиганство, отличающееся большой дерзостью, с применением огне-

стрельного оружия и других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений... Вступив в преступный сговор с А. Ичитовкиным, С. Комовым, А. Грибовым, И. Мухаметшиным, В. Гумберидзе, В. Фроловским, А. Ильенко, а также с не установленным следствием лицом, явился организатором преступной группы. Для совершения хулиганских действий приобрел два обреза... Желая отомстить потерпевшим за возникшую между ними ссору, Аксенов вместе с вышеуказанными лицами на трех автомашинах совершили нападение на автомашину ВАЗ-2101, в которой находились потерпевшие».

Предварительное следствие пришло к выводу о виновности трех человек — С. Аксенова, А. Ичитовкина и С. Комова.

Сразу оговоримся: окончательные выводы — за судом. В основном им предъявлено обвинение в совершении особо злостного хулиганства. Да, им предъявляются обвинения и в незаконном ношении и приобретении оружия, а С. Аксенову — еще и уклонении от военной службы и просто злостном хулиганстве. Но поскольку в основном их обвиняют по статье 206, часть 3 УК РСФСР, значит, что это уголовное дело можно смело именовать «делом о хулиганстве».

Двойное «дно» этого дела скрывает в себе понятие, которое недостатки нынешнего Уголовного кодекса не позволяют называть настоящим именем, — организованная преступность. Причем организованная не потому, что С. Аксенов, как сформулировано в обвинительном заключении, стал «организатором преступной группы». Здесь речь идет о конкретном нападении, цель которого — месть. А за что эта месть?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно посетить одно из новых «криминогенных мест» столицы — Рижский рынок. Идет бойкая торговля товаром — здесь и «индивидуалы», и кооператоры. Разбитные девицы предлагают «живой товар» — по десятке за час, как такси. Значительно выше цены у «наперсточников», которые до недавнего времени шельмовали людей почти в открытую. Те, кто покупался на их отработанные «шутки» — периодически кто-нибудь из толпы на глазах восхищенных зрителей выигрывал большую сумму денег, — не могли предположить, что это только законы игры. Роли здесь тщательно расписаны: одни играли, другие зазывали, третьи якобы проигрывали. Но не так просто да-

вались шальные деньги. Для того чтобы спокойно играть, нужно было платить «налог». Да и те, кто поначалу собирал дань, перестали этим довольствоваться — стали ставить своих людей. Возникли конфликты между сложившимися группировками — кому делать игру?

Нападающие принадлежали к группировке так называемых «люберецких». Дурная слава этого подмосковного города уже была создана, и, надо сказать, не без нашей, журналистской, помощи. Но в такие группировки входят не юные спортивные «люберы» в клетчатых штанах, а ребята постарше и посерьезнее, хотя тоже очень спортивные. С. Аксенов — кандидат в мастера по боксу, С. Комов — мастер спорта по боксу. «Люберецкие» делили сферы влияния с так называемыми «долгопрудненскими». Те, кто стоял у истоков формирования, действительно были из Долгопрудного. Но сейчас некоторые рэкетеры этого клана имеют прописку и в других областях. Они такие же спортивные, как «люберецкие». У них есть «свой» стадион, где накачиваются мускулы, есть «своя» баня, где отмываются от старых грехов и обсуждают планы новых. Так уж получилось, что «их» стадион «Наука» находится по Б. Академической, где звучали выстрелы, а бани — напротив нарсуда Железнодорожного района.

Как свидетельствуют документы, истоки конфликта между представителями двух группировок возникли на Рижском рынке. С. Аксенов и еще несколько «люберецких» приехали туда по просьбе своего знакомого по кличке Прайс (он же В. Гумберидзе), у которого уже был конфликт с «долгопрудненскими», — они хотели сорвать с Прайса деньги, хотя тот уже заплатил «люберецким».

Гумберидзе сказал, что «долгопрудненские» станут выяснять на Рижском рынке, кому ставить людей играть в наперстки, и просил замолвить словечко за него. «Конкурентов» не приняли. Более того, «долгопрудненские» пошли в атаку, в руках блеснули ножи. С. Аксенову и В. Гумберидзе пришлось бежать. Такое же столкновение с демонстрацией холодного оружия произошло у ресторана «Бега». Поэтому «люберецкие» решили отомстить.

Я пока умышленно не называю имен пострадавших в ночь на 20 января. Да, на трех человек было совершено нападение: один в результате лишился глаза. Но никто из потерпевших в милицию бы не заявил, здесь жили по законам джунглей и по этим же законам сводили счета. Но закон омерты, или обет молчания, пришедший к нам

из неписаного «кодекса чести» сицилийской мафии, был для них свят. Более того, следствию пришлось столкнуться с определенными сложностями. Здесь потерпевшие молчали, а обвиняемые признавались: «Я выстрелил, я ударил».

Да, у нас есть организованная преступность, но многие все еще пытаются подогнать под это понятие только сплотившиеся преступные группы. У нас есть организованная преступность, но нет соответствующих статей в УК РСФСР. Людей привлекают всего лишь за хулиганство, а суды откровенно побаиваются вооруженного нападения. Разве простые хулиганы на это способны?..

Понятие «рэкёт», которым они на самом деле занимаются, вошло в нашу жизнь недавно. В словарях, определяющих его как «крупный шантаж, вымогательство путем угроз и насилия», непременно в скобочках написано: США. Словно отослав это чуждое нам слово куда дальше, мы навсегда избавляемся от того, что под ним скрывается.

Доморощенные рэкетеры экспроприируют «беззаконников» — тех, для кого законы не писаны. Целый клан успел сформироваться и состариться у валютных магазинов «Березка», где одни, мечтая о наживе, хотели продать чеки Внешпосылторга по двойной цене, а в результате «ломки» имели все ту же сумму, но в советских рублях. Их экспроприировали знакомые нам «люберецкие». Мучительно долго принимался в России нормативный акт об уголовной ответственности за занятия азартными играми. И пока государство штрафовало «наперсточников» максимум на пятьдесят рублей, рэкетеры взимали дань покрупнее. И не беда, что прикрыли «Березки»! Есть еще валютные проститутки, есть кооператоры в конце концов. Работа всегда найдется. Да и принятый наконец нормативный акт по азартным играм по-прежнему оставляет немало лазеек для жуликов. Может быть, это происходит потому, что при его подготовке не очень-то учли мнение практиков? А ведь немало таких «криминальных зон», где о наказании для жуликов даже не думали. Возьмем, к примеру, Южный порт.

Нашумевшее в городе столкновение двух вооруженных группировок у ресторана «Узбекистан» было не чем иным, как борьбой враждующих кланов. Но в борьбе за сферу влияния в Южном порту, где по-прежнему на недостатках нашего законодательства и торговли процветают так называемые «кидалы» — сложившиеся группиров-

ки мошенников, наживающихся на дефиците машин, и «люберецкие» и «долгопрудненские» объединились. К их жирному куску протянули жадные ручки представители совсем другого региона. Обнаглели! Мало того, что их люди «кидают» доверчивых покупателей именно в Москве, они еще и дань хотели с них получать, как будто своих автомобильных толкучек нет!

Я не случайно вспомнила эту прошлогоднюю драку в центре столицы. Вот ведь какая интересная деталь. Ресторан «Узбекистан», как известно, недалеко от Петровки, 38. Драку быстро удалось предотвратить. Налетчики побросали машины, которые были вскрыты сотрудниками милиции. Кроме оружия, во многих из них были обнаружены «карманные деньжата» — пачки сотенных, пятидесятирублевых купюр.

При ближайшем «знакомстве» с их задержанными хозяевами выяснилось, что те нигде не работают или числятся на какой-нибудь «дефицитной» должности вроде сторожа. Откуда такие деньги? «Наследство», — нагло ухмыляясь, заявляют хозяева, и им вынуждены верить. Мы бессильны доказать, что неработающему С. Аксенову, несмотря на его спортивные успехи, не по средствам иметь машину и крупные суммы денег, изъятые у него при обыске. Рабочий яслей, где он трудился на полставки, С. Комов имел свою машину и, как говорят, на свои деньги купил ту, что оформлена на тестя. «Временно» не работал и А. Ичитовкин, но жил тоже неплохо. Справедливости ради скажем, что у потерпевших тоже все в порядке и с машинами, и с деньгами... И автопарад у здания нарсуда еще раз продемонстрировал материальное благополучие и «люберецких» и «долгопрудненских».

...Да, наличие у нас организованной преступности уже признано. Создано соответствующее подразделение в ГУВД Мосгорисполкома. Именно этим явлением занимается один из отделов Московского уголовного розыска. Но не пропадут ли усилия опытных, квалифицированных и преданных своему делу специалистов, если подрывается принцип наказания для тех, кого они изобличили? Если по-прежнему «прорехи» нашего законодательства дают возможность формироваться новым преступным кланам, с которых взимают дань «рыцари» рэкета — неперемennого атрибута организованной преступности...

Суд над «хулиганами» переносился несколько месяцев. Объективная причина — здание ремонтируют, и вершить правосудие негде. В этом есть свой символический

смысл — все здание нашей правовой системы нуждается в ремонте. И не в косметическом, а в капитальной перестройке.

* * *

Естественно, что у обывателя, прочитавшего эти строки, может возникнуть вопрос — ракетиры действуют по принципу «вор у вора дубинку украл», а надо ли в таком случае бить тревогу? Пусть себе потрошат друг друга, сколько хотят. Но это порочная точка зрения.

— Ракет ведет к сосредоточению капитала в одних руках, — говорит заместитель начальника отдела ВНИИ МВД СССР подполковник милиции А. Гуров, к которому я обратилась, как к одному из ведущих ученых-специалистов в области организованной преступности.

— Это способствует еще большей активизации преступного процесса. Ведь незаконно добытые средства могут быть использованы на любые нужды, начиная от наемного убийства и кончая подкупом должностных лиц. Результаты выборочного изучения, проведенного нашим институтом, показывают, что каждая пятая организованная преступная группа, вскрытая работниками уголовного розыска (только по материалам уголовных дел), имела поддержку среди представителей советских и партийных органов, суда, прокуратуры, милиции. Еще более удручающая картина складывается в сфере экономических преступлений. Здесь коррупция прослеживается на каждой второй группе.

Создание в ряде подразделений МВД и УВД страны специализированных отделов, ведущих борьбу с устойчивыми преступными группами, — всего лишь первый удар по мафии. На декабрьском заседании коллегии Министерства внутренних дел СССР рассматривался вопрос не просто о борьбе с устойчивыми группами, а намечался ряд конкретных мер по нейтрализации самой организованной преступности. Были предъявлены конкретные и жесткие требования к исполнителям на местах.

Но в связи с этим напрашивается такой вопрос. Почему получилось, что с организованной преступностью должно бороться только МВД СССР? Более серьезно к этому вопросу должны подойти в Прокуратуре Союза (я знаю — там есть люди, отдавшие немало сил для искоренения этого зла), Верховном суде СССР, а также в партийных и советских органах. А то выходит, что от некоторых партийных и советских руководителей местного

значения мы (я это почувствовала сразу же после своего первого выступления в печати) ничего, кроме жалоб и неподтвержденных опровержений, не получаем. Отрицать наличие в их краях организованной преступности и возникающих в связи с этим проблем в прямых или завуалированных формах стремились руководители Хабаровска и Львова. А в Пензе и Донецке — городах с весьма сложной оперативной обстановкой — поторопились успокоить общественность через печать. Эти попытки все отрицать свидетельствуют о старом подходе к сложным и болезненным явлениям нашей жизни. А может быть, просто о явном саботаже нового.

Не совсем понятна и позиция тех, кто разрабатывает основы нового законодательства. В них по-прежнему не предусмотрены уголовно-правовые меры по борьбе с организованной преступностью.

Оставлять правовые основы и отношение к этому вопросу на старом уровне нельзя. Может получиться, что все усилия небольшой группы людей, по-настоящему преданных своему делу, пропадут даром. Возьмем, к примеру, соответствующее подразделение МУРа. Там специализируются на ликвидации сплоченных преступных группировок. При нынешних возможностях и полномочиях, техническом оснащении отдела понятно, что уровень работы не может быть слишком высоким. В силу своей специфики приходится заниматься чистой «уголовщиной» в то время, как наша организованная преступность во многом является порождением экономических промахов. Чтобы по-настоящему бороться с таким явлением, как коррупция, нужен мощный независимый комитет наподобие тех, что действуют в странах, где в борьбе с мафией уже накоплен большой опыт. А то получается, что из «игры» выдергивают лишь так называемых «шестерок». Короли же по-прежнему на свободе.

Это утверждение Александра Ивановича Гурова я могу проиллюстрировать рассказом об одном деле, которым занимаюсь уже несколько лет. В нем «короли» оказались не просто на свободе — они правят свой несправедливый бал.

Праздник на улице «мусорных королей»

Прокурор Москвы А. Баранов:

— Увы, на сей раз мы оказались бессильными. У нас есть все основания говорить о правонарушениях и нечис-

топлотности большой группы лиц, проходивших по делу о Мосгорвторсырье. Но перед законом они не представляли. Однако это не означает, что в условиях гласности нельзя рассказать об их «деятельности» и нашей неудаче...

По делу о хищениях и взятках в столичной системе сбора и переработки вторсырья к уголовной ответственности было привлечено почти 50 человек. И это, как показал анализ, была лишь небольшая часть сложившейся устойчивой преступной группировки. Но завершилось уголовное дело, начатое два года назад, поражением — почти все бывшие арестанты вернулись на работу в родную систему, некоторые из них вновь занимают руководящие посты, многие восстановлены в партии. Правоохранительные органы и правосудие оказались не готовы к борьбе с организованной преступностью.

Следствие закончено... Забудьте

Начиналось все довольно гладко — дернули клубок за одну нитку, и он стал стремительно разматываться. Взяли с поличным при получении взятки заведующего складом производственно-заготовительного предприятия (ПЗП) «Краснопресненское» А. Мамедова. Он дал исчерпывающие показания. За ним потянулись другие... В результате их допросов в уголовном деле появились такие строки: «На целом ряде предприятий треста «Мосгорвторсырье» сложилась обстановка стяжательства, круговой поруки, вседозволенности. Широкое распространение получили хищения заготовителями подотчетных средств, присвоение и перепродажа абонементов на художественную литературу и так называемых стимулирующих товаров повышенного спроса. Преступные взаимоотношения между отдельными категориями работников носят устойчивый долговременный характер».

Похоже было, что обвиняемые чистосердечно раскаялись. Показания давали подробные, ничего не утаивали, никого не выгораживали. Добровольно, без принуждения выдал 21 тысячу рублей привлеченный к уголовной ответственности директор Московского производственного предприятия нетканых материалов «Перерва» Н. Серегин. И на многих страницах уголовного дела подписал показания: «...брал и давал взятки по порочной «традиции», сложившейся в тресте».

И вдруг все в корне меняется. Как только мера пресечения — содержание под стражей — была заменена

на подписку о невыезде, на свет появляется новый протокол: «Отрицаю, никогда и никому взятки не давал...» Более того, Н. Серегин убежденно заявляет: 21 тысяча рублей (добровольно выданных следствию) заработана им честным трудом, так что деньги эти — трудовые...

Не будем подробно описывать дальнейший ход событий. Скажем только, что в итоге уголовное дело в отношении Н. Серегина было прекращено.

Примерно такие же необычные перевоплощения случились и с другими подсудимыми, в том числе с бывшим директором производственно-заготовительного предприятия «Краснопресненское» А. Егоровым. В ходе предварительного следствия выяснилось, что только деньгами (не считая абонементов на книги) А. Егоров получил более 42 тысяч рублей. А. Егоров с этим соглашался. Как свидетельствуют видеозаписи допросов, делал это спокойно, никакого нажима на него не было. С удовольствием называл все имена... Изменить все показания решил, когда начался массовый отказ от них других обвиняемых. Доказательством того, что он мог общаться с внешним миром, еще находясь в следственном изоляторе, служит изъятая у него записка. Адресована она жене: «...Мне нужно найти толкового адвоката, не из рядовых. Оплата только после суда»... Но до его суда дело так и не дошло. Едва он был выпущен из-под стражи и дал подписку о невыезде, как сразу изменил показания. «Дело А. Егорова» было прекращено за... отсутствием события преступления. Жизнь вернулась в прежнее русло.

«Сняв» с себя всю вину, восстановившись в партии, А. Егоров вновь занял директорское кресло на «родном» предприятии. Но трудовой коллектив выразил ему недоверие — директора переизбрали. А спустя некоторое время в кабинете нового руководителя предприятия Н. Табашкова раздался телефонный звонок. Спокойный мужской голос произнес следующее: «Если вы не откажетесь от своей должности, я должен буду вас убить за большую сумму денег». Этот разговор был изложен Н. Табашковым в его заявлении в прокуратуру Москвы...

Впрочем, А. Егоров остался при «сане» — возглавил ПЗП «Ворошиловское»...

Рассказ о бывших привлеченных к уголовной ответственности, которые стали теперь чуть ли не пострадавшими, мог бы получиться очень долгим. Их было мно-

го — миллионеров «от вторсырья», и дело шло по заранее написанному сценарию: чистосердечное признание — окончание срока содержания под стражей — подписка о невыезде — отказ от предыдущих показаний... Из всех привлеченных на скамью подсудимых попало только два «стрелочника» — работники «Перервы» В. Каплун и С. Белов. Их дела успели закончить, пока они находились под стражей...

Свидетели

Как и в любом уголовном деле, кроме подозреваемых в совершенном преступлении, были еще и свидетели. Но вот на них словно напал какой-то мор...

Заготовитель В. Посошков после допросов, на которых назвал немало имен, попал под электричку. Среди названных им был заведующий складом А. Китайчик — молодой, занимающийся спортом человек. Вскоре после этого он умирает от... сердечного приступа. По той же причине наступила смерть его сослуживца А. Рыбакова. Заготовитель Р. Абдюханов, фигурирующий в деле как свидетель, повесился при довольно странных обстоятельствах. В самолете скончался директор ПЗП «Фрунзенское» Б. Письман — опять сердечный приступ. Заместитель управляющего трестом С. Птоян, неоднократно упоминавшийся в деле, выбросился из окна. Присутствовавшие при его последнем вздохе говорят, что, умирая, он произнес: «Простите... Не могу жить двойной жизнью...» Завершила трагический список заготовитель А. Золотаревская — она скончалась от давнего цирроза печени. В итоге следствие теряет семерых свидетелей. Остальные свидетели, естественно, отказались от того, что говорили раньше. Почему — догадаться нетрудно...

Штрихи к портрету «королей»

Почему «королей»? Так они сами себя величают. Есть в их среде и «макулатурные цари», и «тряпичные графини»... И образ жизни у них под стать «титулам»! Личные «мерседесы» и «вольво», самые современные модели зарубежных видеомагнитофонов и прочей бытовой техники... Да что там — иной «мусорный король» считает неполноценным отдых на Черноморском побережье во время отпуска, если хоть один день под боком не будет

«личного» цыганского ансамбля. И как в любом «королевстве», есть у них своя «гвардия» — охрана. Причем телохранители не чураются никаких приказов — платили бы деньги...

...Об объемах материальных ценностей, находящихся в руках сотрудников треста Мосгорвторсырье свидетельствуют следующие цифры: ежегодно заготовителям выдаются не менее девяти миллионов абонементов на право приобретения художественной литературы, стимулирующие товары на сумму почти два с половиной миллиона рублей и около пяти миллионов наличных денег. Анализ работы приемных пунктов показал, что большая часть денежных средств похищалась. Установлено, что заготовители вынуждены давать взятки заведующим складами ПЗП, куда сдается все вторсырье. Те, в свою очередь, закрывают глаза на любые недостатки и принимают, скажем, макулатуру без скидок на повышенный процент влажности и засоренности. Кроме того, под видом заготовленной у населения сдается и промышленная макулатура. Таким образом шла просто «перекачка» макулатуры одного наименования в другое. Ведь заготовители скупали излишки на складах и выдавали их за сырье, принятое от населения.

Аналогичным путем решался вопрос и с заготовкой кости. Ее, как известно, население на пункт вторсырья практически не сдает. Ведь для того, чтобы получить один рубль, нужно сдать 20 килограммов кости! Вы можете представить себе эту леденящую душу картину? Между тем, если верить отчетным документам, этот вид вторсырья принимался заготовителями многими тоннами. Секрет тут прост — кость приобретали на предприятиях общепита, деньги же, якобы выплаченные населению, присваивали.

Махинации подобного рода позволяли заготовителям не только «перевыполнять» план, за что они получали немалую зарплату — до 500 рублей в месяц, но и обогащаться, так сказать, напрямую, присваивая деньги и абонементы, которыми должны были рассчитываться с населением.

Возникает естественный вопрос: неужели никто никогда не обращал внимания на эту систему? Работники УБХСС давно вышли на основные каналы хищений. Со своими предложениями, которые блокировали бы эти каналы, они неоднократно обращались в Госснаб СССР, Минфин СССР и другие организации. Предлагалось, в

частности, изъять у заготовителей подотчетные деньги. Но ответы, приходящие из «Союзглаввторресурсов», отличались завидным однообразием: «Изъятие денег из обращения будет ущемлять интересы населения». Лишь в 1986 году, когда возникло уголовное дело о Вторсырье, был подписан бывшим первым зампредом Госснаба СССР В. Ксинтарисом документ, предусматривающий изъятие подотчетных денег у заготовителей. Но это решение так и осталось на бумаге. И вот передо мной новый документ — совместное решение Госснаба СССР и исполкома Моссовета. Оно предусматривает введение безвозмездной сдачи вторсырья от населения (правда, пока в порядке эксперимента). 50 процентов денежных средств, получаемых от общей суммы стоимости вторсырья, будут перечисляться для оказания помощи детским домам Москвы. Еще 50 процентов пойдет на рекламно-разъяснительную работу по проведению эксперимента. Но не даст ли это «половинчатое» постановление новых лазеек для хищений — это отдельный вопрос. Отвечу на него я позже. Но уже сейчас можно сказать — эксперимент буксует. Причина? Ее назвал в разговоре со мной один бывший работник системы: никто добровольно с такими деньгами не расстанется.

Впрочем, в тресте уже вынашивалась подобная идея — воспитать трудящихся в духе сознательности и добиться того, чтобы они складывали вторсырье в специальные ящики у домов и сдавали его безвозмездно. Эту идею ныне покойный директор ПЗП «Фрунзенское» Б. Письман обсуждал с первым заместителем председателя Госснаба СССР В. Ксинтарисом. Вокруг магазина «Наташа» на улице Горького, где жил бывший первый зампред, были установлены специальные урны. Так вот, чтобы они не пустовали и чтобы была полная иллюзия успешного хода «эксперимента», специально нанятый человек за 80 рублей в месяц загружал эти урны выделенным ему вторсырьем...

Мафия начинает и... выигрывает

Трудно судить, кто виноват в том, что рухнуло уголовное дело о взятках и хищениях в системе Вторсырья. И УБХСС, и следственное управление ГУВД Мосгорисполкома, и городская прокуратура проделали огромную работу. Но тем не менее «мусорные короли» правят свой несправедный бал.

Оценить, насколько грамотно велось следствие, могут лишь специалисты. Ведь это на первый взгляд может показаться, что следствие было недостаточно глубоким и всесторонним, что основывалось оно только на признаниях обвиняемых и показаниях свидетелей. Нет, тщательная, многолетняя работа по проверке треста Мосгорвторсырье доказывала — здесь процветают хищения. Именно об этом говорили в УБХСС.

— Но мы главный упор сделали на раскрытие взяток, — самокритично отмечает первый заместитель начальника УБХСС ГУВД Мосгорисполкома А. Алексеев. — Конечно, нужно было доказать и хищения, ведь благодаря им появились такие огромные суммы денег. И хотя сам механизм хищений был нами раскрыт, мы не стали «отрабатывать» каждого заготовителя и кладовщика как расхитителя, чтобы не затягивать время. На них уже были готовы все материалы по взяткам, и дело пошло из органов дознания к следователям. Но там работа затянулась, и необходимое время было упущено. Как только обвиняемым содержание под стражей заменили подпиской о невыезде, между преступниками произошел сговор, они стали давать новые, ложные показания, стараясь запутать следствие... Более того, угрозами и подкупом они заставили и многих свидетелей отречься от своих прежних показаний.

— В том, что был нарушен принцип неотвратимости наказания, на мой взгляд, виновата наша неподготовленность к борьбе с организованной преступностью, — говорит начальник отделения УБХСС ГУВД В. Скорый. — В данном случае действовал настоящий преступный синдикат. Коррупция захватила самые верхние этажи системы, образовав нечто вроде пирамиды. И добраться до ее верха крайне трудно...

...А тем временем тысячи рублей, запыленные бриллианты, песцы и норки, изъятые когда-то как вещественные доказательства, совершают обратный ход — к своим хозяевам. Праздник идет не по нашей улице.

Саботаж

Кто они, эти люди, мешающие очищению и саботирующие все новое? Как хорошо было бы назвать их всех поименно. Но это пока невозможно. И они все так же пока безнаказанно действуют. В борьбе за сферы влия-

ния они разжигают межнациональную вражду. Они саботируют экономические реформы, пытаются сохранить все, как тогда, когда они могли за счет государства наживать миллионы. О таких случаях не раз писали...

Именно поэтому гласность для таких людей — большая опасность. Для того чтобы хоть на какое-то время заставить замолчать средства массовой информации, оторвать журналистов от работы, они подают в суд на редакции газет. Мой коллега из «Труда» написал о похоронах на Ваганьковском кладбище «вора в законе» В. Кучулория. Выдержку из этого репортажа, так мучительно напоминающую отчет итальянских газет о похоронах босса «их» мафии, я приводила в предыдущей главе. История незаконного погребения угасшего мафиози вызвала скандал. Еще бы, ведь здесь затрагивались люди с хорошей репутацией, которые, казалось, никакого отношения к особо опасному рецидивисту не имеют.

Журналист копнул вглубь, и выяснилось, что главный врач одной из московских больниц предоставил «крестному отцу» мафии убежище. Невольно вспоминается ставшая в Московском уголовном розыске легендой история одного «алиби» знаменитого бандита по кличке Япончик. Ныне осужденный преступник Иванов лежал в престижной клинике, специализирующейся на лечении нервных заболеваний, в отдельной палате с цветным телевизором и холодильником, который ломился от еды, доставленной из лучших ресторанов. Но это было начало 80-х годов — как принято сейчас говорить, расцвет эпохи застоя. История «излечения» другого «крестного отца» организованной преступности — В. Кучулория совсем свежа...

Врач, приютивший «вора в законе», подал на автора разоблачительных репортажей в суд. Заседание длилось два дня. И публика, присутствовавшая на нем, наводила на мысль: сильны еще сторонники В. Кучулория, если он и мертвый не дает спокойно жить честным людям. Народный суд Фрунзенского района Москвы отклонил иск истца. Ответом на это решение стала кассационная жалоба истца в Мосгорсуд.

Конечно, ему хочется вернуть, как говорит его адвокат, «доброе имя», а главное, очень хочется ударить по рукам прессу, которая рассказывает о таких делах во время следствия. Все-таки это было бы значительным шагом назад, к милым его сердцу временам умолчания.

Можно также вспомнить исковые заявления Я. С. Насриддиновой, сначала подавшей в суд на «Неделю», а затем на Центральное телевидение. Бывший Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР верила, что она по-прежнему относится к касте неприкасаемых.

Рассказ о таких судебных процессах будет далеко не полным, если не упомянуть и жалобы на представителей правосудия, ведущие к длительному служебному разбору. Нет, я не беру те громкие случаи с юристами — нарушителями законности, наконец, просто преступниками в милицеских погонах. К сожалению, эти разоблачительные истории, вскрывающие язвы прошлого, для многих стали своеобразным руководством к действию. Главное — заронить сомнение, считают те, чье участие в преступлениях доказано предварительным следствием. Основная задача — не доводить до суда. И идут жалобы на милицию и прокуратуру. Некоторые описывают в них изощренные пытки, которым их подвергали при допросах, почти инквизиторские камеры с приспособлениями почище средневекового «испанского сапожка» и т. д. Другие жалуются, что на них психологически воздействовали. И хотя факты не подтверждаются, главное — заронить сомнение, затянуть, выиграть время.

Так, человек, подавший на меня в суд, объяснял, что он оговаривал себя под воздействием психологического давления, будто брал и давал взятки. В чем же вырожалося давление? В том, что его познакомили с Уголовным кодексом РСФСР, где соответствующая статья грозила высшей мерой наказания. Почему-то во внимание не принималось, что допрос — это и есть психологическое воздействие. Ведь с человеком разговаривают не дома, за чашкой кофе...

Возврат на доследование дела одного из руководителей Киевского районного плодоеовощного объединения (причина та же — психологическое давление) привел к тому, что он также ушел от ответственности. А ведь здесь следы вели к его высокому партийному покровителю, который, зная, что его «теневая» деятельность уже не является тайной, покончил жизнь самоубийством. Правда, к этому времени он уже не был первым секретарем Киевского райкома партии. Корруппированная система осталась в выигрыше.

...По ту сторону баррикад находятся не только защит-

ники палачей сталинского времени. Там — оборотни застойных времен. Там — большие хозяева жизни, коррумпированные элементы, расхитители, взяточники, грабители, убийцы, бандиты. Они защищают свое прошлое. Поэтому они мешают и очищению и перестройке. Они действуют. И, увы, нередко в борьбе с ними мы терпим фиаско. А делать все для нашей победы мы должны именно сегодня, сейчас. Завтра уже может быть поздно.

ТЕМНЫЙ ЛИК

Опишу две сцены: одну из давно минувших веков, другую из нынешнего времени. Вот первая.

...В свете раннего утра дружинники, вкусив с молитвою простой пищи, приступали к трудам своим.

Еще тускло-матовым казалось липовое золото досок, когда на их оборотной стороне точными ударами тесла прорезались пазы для скрепляющих шпонок. А на лицевой — особые углубления, ковчеги.

По мере того, как разгорается день, разгорается и работа. Осетровым клеем приклеивается к доскам заранее вымеренный холст — паволока. На паволоку наносится в пыль истонченный мел. Растворенный в кристально чистой воде и смешанный с тем же клеем, он называется левкасом. Подсохнет левкас, терпеливые руки отполируют его хвощовым веничком до мраморной гладкости и белизны. Другие руки чесночным соком приклеят золотые «венцы», «свет». И сколько дней пролетит в кропотливом труде, прежде чем кисть мастера коснется девственной поверхности.

Но пока доски чисты, лица дружинников сосредоточенны и строги...

А вот вторая.

...Московский вечер спустя несколько сот лет. За шторами белѣй день, но в комнате сумеречно, лишь неровный свет с экрана видеоманитофона ложится на лица людей, праздно рассевшихся по креслам. На экране Марлон Брандо и Аль Пачино решают насущную для них проблему выбора «крестного отца».

Появляется новый гость. В руках у него предмет, завернутый в толстую бумагу.

— Посмотри, — просит гость, обращаясь к хозяину дома. И пока тот разворачивает обертку, кивает на экран: — Ничего нет повеселей?

— Червонец, — говорит хозяин, развернув икону и

легко подкидывая ее в руках, чтобы внимательно осмотреть обратную сторону.

— Пятнарик, — роняет гость.

— Хорошо, — легко соглашается хозяин.

Продавец и покупатель считают деньги — 300 пятидесятирублевых купюр.

Разумеется, описанные сцены — плоды моей журналистской реконструкции. Но ручаюсь за их достоверность. Заглядывая далеко в прошлое, я разговаривал с музейными работниками, реставраторами, читал специальные труды. Пытаясь осмыслить сегодняшнее, встречался с работниками прокуратуры, «досочниками» (как «завязавшими», так и севшими), читал тома уголовного дела, послужившего толчком для написания этих заметок.

В 1978 году, организовавшись в преступную группу под руководством В. Гончаренко, некто И. Логофет, Ю. Станслер, Г. Бочкарев, Л. Гудис занялись скупкой икон и других предметов старины для незаконной переправки через границу. Цель эта, надо сказать, достигалась ими с успехом, хотя и переменным, так что всего за семь лет через пределы нашей Родины перекочевало туда-сюда разного товара на сумму приблизительно 4 миллиона рублей. Если смотреть на перипетии дела с сугубо правовой точки зрения, то разве что размерам суммы поразишься. А так довольно типичное дело о контрабанде, и семнадцать томов его — однообразный перечень стандартных эпизодов купли товара, отправки товара и продажи товара. Оживляют повествование лишь моменты задержания очередной партии незаконного груза, периодически случавшиеся то на Таллиннской, то на Брестской таможне. Особенно последнее задержание радует — то, что произошло в Бресте и положило этой истории конец.

...Гость ушел, но очередной звонок в дверь прерывает видеосеанс.

— Есть что-нибудь? — спрашивает пришедший.

— Посмотри, — лениво просит хозяин.

Гость смотрит «доску», спрашивает:

— Сколько?

— Четвертак, — говорит хозяин.

Сходятся на 20 тысячах...

Так выглядели сцены из жизни «иконщиков», когда бум достигал предельных высот и заработать пять тысяч в течение пятнадцати минут представлялось вполне ря-

довым событием. Нынче «крутиться с досками» стало труднее и опаснее. Но это не значит, что торговля сошла на нет. Во всяком случае, работники прокуратуры, с которыми я беседовал, не замечают спада.

Когда это началось? В 60-х? В середине? Ближе к концу?

Молодые и энергичные, они промчались по маленьким городам и полупокинутым весям России. Обшарили чердаки, сундуки и подвалы. С подлинной страстью и истинным артистизмом они выдавали себя за этнографов, коллекционеров, ревнителей веры. Выменивали иконы на полукопченную колбасу. Приобретали старинные образа за бутылку водки, стоявшую тогда трояк. Мне рассказывали, как предприимчивые люди, которым владельцы из суеверного страха отказались продать «доски», в считанные дни оформили покупку дома в местном сельсовете вместе с иконами, висевшими в красном углу. Купили за несколько сотен, увезли икон на несколько десятков тысяч. И по сей день, должно быть, числятся в каких-то бумагах домовладельцами архангельского захолустья... В семьдесят восьмом, когда Гончаренко принимался за дело, эта волна грабежей без взлома катилась широко, раздольно и, слизнув с родных просторов все, что можно было слизнуть, двигалась в одном направлении — к чужим берегам.

С Виктором Борисовичем Гончаренко мы познакомились в тюрьме. Едва захлопнулась дверь за конвойным, он как-то вдруг сразу распрямился, обрел достоинство, непринужденность, охоту говорить. Что ж, тюрьма есть тюрьма, как бы мы ни называли ее, и возможность поговорить здесь с незнакомым человеком на необязательную тему, да еще за пределами камеры — дар ценный.

— А как вы, да, вы относитесь к иконе? — спросил меня Гончаренко, закуривая. Его узкое в темной, с проседью бороде лицо смотрело на меня умно и строго. Я было послушно собрался дать свое объяснение. Он перебил меня с мягким назиданием: — Икона — это...

Но тут и я позволю себе его перебить.

...Когда левкас окончательно подсыхал, мастер касался его девственно чистой поверхности кистью. Начиная едва ли не самое важное и тонкое дело — знамение, то есть нанесение на доску фигур, лиц, зданий, деревьев. Иконы делались артельно, «дружинно», каждый знал

свое дело, но мастер, предводитель дружины, знал лучше всех. Чтобы понять, что такое творил мастер, нужно представить себе духовную атмосферу его работы, очистить свои представления о тех временах от многочисленных наслоений времен последующих. И тогда, возможно, явится нам истинный образ минувшего подобно тому, как явился потрясенному реставратору В. П. Гурьянову образ рублевской Троицы из-под грубого позднего палехского письма, осторожно размытого щелоком.

Наши далекие предки верили, что через образ человеку сообщается научение, помощь, посылается возможность спасения. По вере этой художник и сам становился участником таинственного действия. Поэтому неудивительно, что судили его строго и ставили весьма высоко. Для художника-изографа существовало множество писанных и неписанных правил, канонизирующих не только манеру письма, но прежде всего его моральные принципы. Насколько суровы были эти моральные принципы, можно судить по установлениям Стоглавого собора, приравнявшего сокрытие от учеников своего мастерства к смертному греху, такому, как убийство или прелюбодеяние. При этом иконопись на протяжении долгих веков оставалась искусством совершенно анонимным, абсолютно не тщеславящимся. Искусством, в котором личность обязана была предельно проявить свои лучшие свойства и раствориться бесследно.

Конечно, нам трудно понять все это. Судить о языке иконографии, ее стилистике нелегко современнику, но, по слову известного русского философа Е. Н. Трубецкого, «когда мы расшифруем непонятный доселе... язык символических начертаний и образов, появится возможность заглянуть в душу русского народа... мы узнаем, как он любил, как судила его совесть и как она разрешала ту глубокую жизненную драму, которую он переживал...».

Лучшие наши ученые и искусствоведы потратили немало сил для расшифровки этого языка — академики Грабарь, Лихачев, Тихомиров. Можно ли остаться глухим к их усилиям? Можно, оказывается.

— Икона — это учебник прежде всего, — сказал Гончаренко. — Учебники бывают разные. Для грамотных и неграмотных, хорошие и плохие. А знаете ли вы, что икону нельзя дарить?!

Он с интересом наблюдал мое недоумение.

— Да, да! Дарить икону нельзя, ее можно только продать. Не спорю, государственный закон я нарушил, но перед Богом чист. Я не продал ни одной по-настоящему ценной иконы. И, кроме того, верю: все еще вернется, а пока пусть поучатся по нашим «учебникам» там...

Он считал себя верующим, контрабандист Виктор Гончаренко, осужденный на девять лет. И, похоже, мнил себя чуть ли не распространителем православия по всему миру. Не было греха, но было одно только благо в его деяниях: пропадающие без пользы на чердаках и в подвалах иконы он спасал, переправляя за рубеж. Ведь там они «содержатся в прекрасных условиях», а настанет срок — вернутся... Трудолюбивый и энергичный, все силы отдавал своей миссии, не ища личной корысти. Когда конфисковали его имущество, наличных денег совсем не нашли, только ценнейшие иконы, антиквариат... И в отношениях с партнерами он был честен, великодушен. Если обманывали — «кидали» (выражение Гончаренко), он всегда платил партнерам причитающееся — себе в убыток. И со следователем был Гончаренко честен, не таялся, не лгал, не лжесвидетельствовал. Все — по вере!

Так в тюремной комнате для свиданий встретился я с новой гранью той философии, что родилась у самых «культурных» из представителей этого бизнеса, только грань эта светилась потусторонним, почти мистическим светом.

— Разве не знаете вы, сколько икон мертвым грузом лежит в запасниках? — спрашивал меня Гончаренко с уверенностью в своей правоте.

Да, я знал это. И в наш с ним разговор неслышно для него, но с болью для меня вступал еще один собеседник, старший методист Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева Александр Михайлович Копировский.

Да, много икон в запасниках, не раскрытых еще, не отреставрированных. Их тысячи, а реставраторов — пятеро. А иконы, как старые люди: только вылечил — снова больны.

Гончаренко сам научился «раскрывать» иконы. Мастером реставрации он не стал. Но, как утверждает, и бизнес его начался исподволь, вырос из интереса к старине. Он научился различать иконы по возрасту досок, отли-

чать одну школу от другой. Действия свои он оправдывает просто: что получше, поценней, оставлял себе, что похуже отправлял «туда».

Неожиданно я представил себе, как отнеслись бы его соотечественники к подобной деятельности, живи он на Руси в веке эдак четырнадцатом или пятнадцатом. Во времена Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, Нила Сорского и Андрея Рублева. Непокойно было на Руси. Монгольское иго не сброшено еще окончательно. И грозят национальным святыням вечные опасности разорения, грабежа, огня. Но вот и «спаситель» пожаловал: собирает иконы, покрова, прочую утварь церковную и шлет с нарочными куда-нибудь, где поспокойнее.

— На костре ему гореть — это точно, — сказал с легкой улыбкой отец Борис, иерей московской церкви Всех Скорбящих Радости, к которому я обратился с просьбой прояснить отношение Русской православной церкви к делам, творимым верующим Гончаренко.

— Все мы, верующие и неверующие, мусульмане и православные, — граждане своего государства, — сказал отец Борис. — И никому не позволено безнаказанно нарушать законы страны. Что же касается слов вашего «героя» о невозможности дарить иконы, о «необходимости» продавать их, то вовсе странно слышать подобное от человека верующего. Дарить может каждый, но, с нашей точки зрения, если только есть уверенность, что дар отдается в надежные, чистые, нестяжательные руки.

Руки, в которые передавал иконы Гончаренко, не были чисты. И страсть к стяжанию прямо-таки сжигала их обладателей. Нельзя сказать, что сам он не знал, с кем имеет дело. Об одной из своих компаньонов так и говорит: «Коробочка, таскала сумками какие-то пимóтки, джинсы, магнитофоны, еще какую-то дрянь!» Он даже вынужден был предупреждать: мол, остановись, куда тебе столько! Не помогало...

Верующему хватит одной иконы, чтоб помолиться. Не для молитв и сам Гончаренко скупал старинные образа, да и не только одни образа. В описи конфискованного у него имущества странно перемешались имена святых и названия японских электротехнических фирм, фамилии русских художников и известных ювелиров прошлого. 37 икон из его «коллекции» пополнили собрания Эрмитажа, 70 — Государственных музеев Московского Кремля, 85 — Загорского музея-заповедника, в Му-

зей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина переданы 142 работы отечественных и зарубежных мастеров. Хранить такие ценности представлялось Гончаренко небезопасным, и он обзаводится пистолетом с боевыми патронами... Ему очень хотелось бы отмежеваться от своих сообщников. Но автопортрет, нарисованный им, все же не до конца совпадает с реальностью. Тут нужны уточняющие штрихи.

Жизнь сложна, не всякому удастся прожить ее, не согрешив ни делом, ни помышлением. И Гончаренко не удалось. Да только он в грехах своих не склонен каяться. Великодушие и честность его при более пристальном взгляде не на всех распространились. Многие из партнеров пытались взыскать с него недоимки месяцами, а то и годами. Переписка с заграничными контрагентами полна скрупулезных финансовых расчетов, которые бескорыстными очень трудно признать...

От самого серьезного для меня вопроса он отмахнулся почти небрежно:

— Да ну, ерунда! Меня и не интересовало все это.

— Не страшно, что свою культуру, свои реликвии с вашей помощью мы меняли на...

Я не договорил.

Неопределенно-равнодушное выражение его лица послужило ответом.

770 икон безвозвратно покинули Родину. По весьма приблизительным подсчетам, их стоимость составила 1726 000 рублей. Но в рублях ущерб не измеришь. Если судить по задержанной в Бресте партии, иконами, отнесенными Гончаренко в разряд «что похуже», мог бы гордиться любой музей мира. Что же приобрели мы взамен? **101 530 штук женских головных платочков с люрексом приобрели мы.** Этот чудовищный обмен и есть самое страшное в описываемых событиях.

Те, кто занимается бизнесом на иконах, говорят: «Мир един, в нем всегда существовали культурные миграции, иначе бы в наших музеях не было импрессионистов и великих голландцев. То, что делаем мы, возможно, незаконно, но вполне морально, традиционно...» Что ж, о традиционности сказано верно. Контрабанда — дело старинное, поставленное на принципе: здесь купить то, что ценится дешево, и переправить туда, где можно продать подороже. Контрабанда всегда обоюдна, потому что всегда там можно отыскать дешевый товар, дорого ценящийся здесь. Но почему столь странной избира-

тельностью паделены люди, взявшие на себя роль межклеточной мембраны? Почему от нас уезжают иконы, а к нам едут платочки с люрексом?!

Слишком многое сошлось для ответа на эти вопросы. И годы небрежения к памятникам собственной культуры, и тоска по красивой одежде, неутолимая годами, и модный интерес, проявленный в чужих краях к нашему достоянию... Но ни одна из этих причин не может служить в оправдание.

Только полностью глухой и слепой к исторической памяти своей Родины человек не способен увидеть за потемневшими ликами святых подвига русских людей, отстаивавших ценой жизни свою культуру и государственность.

ОХОТА НА ПРОКУРОРА

Назначение

Далекий теперь 1964 год, который можно считать началом этой истории, ничем особенным не запомнился работникам прокуратуры города Магнитогорска. Разве что уехал прокурор, не доработав более года до истечения срока своих полномочий. Но вскоре они об этом забыли, поскольку жизнь шла своим чередом. А вот Петр Кузьмич Костюк, тот самый прокурор, помнит все очень хорошо.

Вызов в Москву он посчитал делом обычным — в Прокуратуре республики могли возникнуть самые разные вопросы к прокурору крупного уральского города. Но начавшийся с общего разговор скоро повернул на неожиданную тему: предлагали подумать о перемене места работы. И этим новым местом был черноморский город-курорт Сочи.

С одной стороны, прокурорская жизнь такова, что сам не знаешь, где будешь работать следующие пять лет (конституционный срок его полномочий); с другой же стороны — это касается, как правило, руководителей областного и республиканского звена, потому что в областной прокуратуре обычно хватает достойных людей на должности городских прокуроров.

«Местное партийное руководство просит туда такого человека, как ты. Да и сам понимаешь, что Сочи есть Сочи». Костюк это понимал, но отказываться стал сразу. Для того была причина. Совсем недавно у него умерла жена, в 40 лет остался Петр Кузьмич с сыном-девятиклассником вдвоем. Кроме душевных забот, он не мог не брать в расчет такое обстоятельство: одинокому прокурору в Сочи, где ни единого знакомого, надо и дело свое делать хорошо, и о сыне заботиться, и повода для двусмысленных разговоров не давать, и т. д. и т. п. Предвидел он эти трудности и считал их серьезными.

— Но ты хоть съезди туда, посмотри. На Черном море-то был?

— Не был. Съездить могу, а дать согласие работать там не могу.

— Давай продолжим разговор, когда вернешься.

— Хорошо.

Можно бы, конечно, было от поездки той отказаться, но что теперь об этом говорить! То ли черноморское лето оказалось очень ласковым, то ли беседа с первым секретарем горкома партии Медуновым показалась деловой и конструктивной, то ли судьба такая, но по возвращении в Москву Костюк дал согласие на свое назначение (женившись, правда, через несколько месяцев на Кларе Антоновне, прекрасной женщине, подруге своей первой жены).

Первые годы

Работы новый прокурор не боялся, да и способен был к ней, чего скромничать. Сказывались и черты характера, которые потом придется испытать на крепость, и фронтовая закалка. Его год рождения, 1923-й, говорит сам за себя — это поколение практически «в полном составе» защищало Родину. Как воевал Петр Костюк, говорят его ордена Отечественной войны I и II степени, медали, тяжелое ранение. В сорок четвертом вступил в партию и с тех пор точно знал, что как коммунист поступаться совестью не имеет права.

В первые годы работы в Сочи такой необходимости и не возникало, хотя со стороны партийных и советских властей отношение к закону там было несколько иное, чем на Урале, более вольное, что ли, но к серьезным нарушениям пока не приводившее. В чем это выражалось? Совершили несколько милиционеров преступления, их привлекли к уголовной ответственности, Медунов упрекнул в том, что поступили неправильно: мол, для пользы дела лучше было бы не раздувать скандала, не наносить вреда и авторитету милиции, и вообще городу. Или другой пример: стал прокурор следить, чтобы решения исполкома строго соответствовали требованиям закона — обвинили в покушении на авторитет местных властей. Уже тогда, кстати, были первые попытки скомпрометировать Костюка, показать ему, что в случае чего — пойдут на все. Так, на партактиве один из выступавших вдруг заявил: прокурор получил взятку. Но для серьезных столкновений поводов тогда не было. И в первую очередь, потому, что «краснодарско-сочин-

ской мафии» еще не существовало, ее будущие лидеры только набирали силу, шли к настоящей власти.

В конце 60-х уехал в Краснодар Медунов, поработал председателем крайисполкома, а в 1973 году стал первым секретарем крайкома.

Это были уже другие времена! Сочи вообще своеобразный город, все новое в нем приживается и проявляется очень быстро. Он — лакмусовая бумажка веяний жизни. Где сейчас больше всего кооперативов на душу населения? В Сочи. Где с ними больше всего проблем? Там же. Где в 70-х годах более всего откровенно, неприкрыто расхищали, давали взятки, продавали должности, например, в общепите? Не исключено, что именно в Сочи. Теперь-то об этом известно. А тогда город, ставший вотчиной Медунова, с нарастающей скоростью плодил преступность, в оборот пошли большие деньги. Ситуация была понятной и страшной одновременно. Наступали дни, когда надо было делать выбор: или отступить, закрывать на многое глаза, или продолжать честно делать порученное дело.

Костюк, естественно, не остался в одиночестве, выбрав второй путь. Многие теперь знают о мужестве заместителя Сочинского управления внутренних дел по оперативной работе А. Удалова, которого и скомпрометировали, и уволили, и из партии исключили, и уголовное дело возбудили. Он выстоял, в конце концов нашел правду, сейчас работает начальником УВД в Чарджоу. Были и еще достойные люди, которые продолжали бороться.

Дело Арутюняна

Расскажу о нем, чтобы показать, как давили на прокурора по обычному вроде бы делу.

Жил в поселке Лоо некий торговый работник Арутюнян. А потом купил дом в Сочи. По оперативным данным, за 100 тысяч. И заодно еще должность заведующего столовой. Прежние работники ему, видно, мешали, и он стал избавляться от них под всякими предлогами, новых людей принимал за взятки, а с оставшихся требовал деньги — оброк. Новоявленный князек потерял всякий стыд и совесть, всякое чувство меры, обгаглел, проще говоря. И его взяли с поличным, на рабочем месте, в присутствии трех свидетелей. Он потом выбросить пытался помеченные красителем купюры, но свидетели видели и это. Следствие закончилось, дело как выражаются

следователи, стопроцентное, доказанность обвинения ни у кого сомнения не вызывала. Арутюнян обвинялся в том, что несколько раз получал взятки. По этой статье Уголовного кодекса предусматривалась, в числе других наказаний, смертная казнь, потому дело должен был рассматривать краевой суд, а обвинительное заключение утверждать прокуратура края. Но оттуда дело возвращается с формальными замечаниями. Их устранили, снова направили. Снова получили обратно. И так — три раза. Позвонил-таки Костюк в прокуратуру края, спросил, что означает это издевательство. Ничего особенного, дал понять начальник следственного отдела Кекало, просто краевое начальство не хочет, чтобы это дело попало в суд. Да, видно, не забылись услуги Арутюняна при устройстве банкетов в Ллоо, которые так любили устраивать именно там партийные и советские руководители Сочи!

Что оставалось делать прокурору? Он пошел на тактическую уловку: вынес постановление о прекращении дела по всем эпизодам взяток. Кроме одного! И таким образом получил право сам утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд, потому что изменилась юридическая квалификация действий преступника. Состоялся приговор — четыре года лишения свободы. Порадовался Костюк хоть маленькой, да победе. Но, оказалось, рано. Примерно через полгода по указанию Медуннова приговор опротестовали и отправили дело на дополнительное расследование. Свидетели, конечно, от своих показаний уже отказались, что, впрочем, не так уж и удивительно. Удивительно было другое — указание провести экспертизу и проверить, откуда на руках Арутюняна взялся краситель: может быть, не с денежных купюр, а с рук взяточдателя? Странность указания заключалась в том, что его составители допускали: преступник в течение полугода не мыл рук и ждал, пока вдруг решат провести такую непонятную экспертизу. Иными словами, ставилась заведомо невыполнимая задача. Так вынудили прекратить дело. Арутюняна же быстро восстановили в партии и назначили заместителем директора ресторана «Чайка».

Можно было проглотить такую пилюлю и разойтись мирно. Но для Костюка это было унижительно. Он сообщает о случившемся в Москву, и по указанию заместителя прокурора республики Н. Трубина в Сочи командировали следователя аж из Новосибирска. Тот возобно-

вил следствие, тщательно провел его, предъявил Арутюняну обвинение в первоначальном объеме и арестовал его. Снова пришлось этого человека и увольнять, и из партии исключать! Дело рассмотрел Верховный суд РСФСР и осудил взяточника.

Чем стал этот обвинительный приговор для прокурора Костюка: победой или началом поражения? Судите сами, узнав, как развивались события дальше. А пока председатель партийной комиссии крайкома Карнаухов составил справку о том, что Костюк вводил в заблуждение горком, представлял неверную информацию по делу Арутюняна. В особую вину ставилось, что прокурор сам допрашивал свидетелей (в чем нет никакого криминала) и присутствовал на допросах обвиняемого (и правильно, скорее всего, делал). Последовало приглашение на бюро горкома.

Мёрзлый

Тогда он уже (с сентября 1978 года) был секретарем Сочинского горкома по идеологии и руководил работой правоохранительных органов. А до этого: заведующий орготделом горкома, секретарь Центрального райкома Сочи, первый секретарь Сочинского горкома ВЛКСМ. И с тех времен — любимец Медунова. Вот одно из подтверждений. В пылу сердечных чувств тот приказал в 1969 году даже изменить протокол счетной комиссии на отчетно-выборной городской комсомольской конференции, где Мерзлого на выборах провалили, и сохранил ему тем самым желанный пост комсомольского вожака. А когда «шеф» стал властителем края, Мерзлый на пару с женой, подвизавшейся в общественном питании, развил бурную деятельность по сколачиванию из взяток и подношений собственного капитала, что в итоге обошлось каждому из них в пятнадцать лет лишения свободы.

Даже несколько штрихов к их портретам могут дать представление об этих городских «властителях».

Одним из надежнейших способов, которым пользовался Мерзлый для укрепления своего положения, была опека или, если хотите, тщательно отлаженная работа с прибывающими на отдых в Сочи высокопоставленными гостями. А там таких ведь всегда достаточно.

Роскошные наборы продовольственных и винно-водочно-копьячных деликатесов формировались во многих

торговых и общепитовских точках, а затем сливались в один поток и равномерно, точнее — по мере надобности, безотказно и без оплаты, поступали туда, где они были нужны всеильному «идеологу». Компании подбирались на любой вкус. Почитали за честь поучаствовать в них и многочисленные местные красавицы, готовые скрасить одинокий отпуск кому-то из присутствующих. Разве после таких приемов заподозришь гостеприимного хозяина в чем-то неблагоприятном и не окажешь ему помощи, когда понадобится?

Без сбоев работал проверенный механизм. Готовые услужить торговые деятели будто соревновались между собой в способности показать свои возможности. Например, заместитель управляющего сочинской конторой «Курортпродторга» Скубиенко за пять лет переправил любимому покровителю напитков и продуктов на 20 тысяч рублей (правда, за это был принят в партию и продвинут по службе).

Да что там говорить, если в 1978 году Валентина Алексеевна Мерзлая сама стала начальником управления общественного питания «Главкурортторга»! О колоритности нового начальника столь же колоритно говорят заслуженные ею прозвища: «Шахиня», «Королева», «Хозяйка», «Екатерина II». Ее властность и корыстолюбие, страсть к драгоценностям, нарядам и деньгам были, скорее всего, беспредельны. Даже один из самых скромных бриллиантовых гарнитуров, который она выбрала для первого визита, точнее допроса в качестве свидетеля, к старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. И. Калининченку, стоил около 17 тысяч рублей. Собранные с подчиненных средства уже позволяли так тратиться. Но там, где можно было этого не делать, а приобретать блага за просто так, супруги Мерзлые действовали только по этому правилу.

К 1979 году за весьма короткий срок, в две зимы и два лета, они построили на горе Малый Ахун дачу, оформленную на имя матери Мерзлого. Оригинальное получилось сооружение, потому что строилось оно по индивидуальному, хотя и бесплатному, проекту, выполненному лучшими архитекторами института «Черноморкурортпроект»; возведено же оно РСУ управления бытового обслуживания населения Сочи. Столярные работы выполняли рабочие деревообрабатывающего комбината, на мебельной фабрике по эскизам художников рождалась оригинальная мебель, в другом месте — все для деко-

ративной отделки этого маленького дворца. А потом безудержно ухоженный земельный участок украсила экзотическая растительность, за которой заботливо наблюдали квалифицированные садоводы. Подъезд к дачке, конечно же, представлял из себя ровную асфальтированную дорогу. К этому перечню можно было бы добавить еще несколько впечатляющих деталей, но я выберу всего одну из них: все услуги по строительству названной дачи, поражавшей воображение видевших ее, стоили матери секретаря по идеологии всего 4247 рублей 87 копеек. Вот так «неэкономно» тратили деньги Мерзлые!

Они могли делать в городе почти все, что хотели. И делали. Как выяснилось, Мерзлый пожелал иметь две служебные «Волги», чтобы одна из них была к его услугам в любое время дня и ночи. Зачем? Да мало ли зачем! Например, чтобы с шиком, то есть с включенными спецсигналами, поехать в гости или на вечернее представление. Так и было, когда супруги ехали на эстрадный концерт зарубежных артистов. Да случилась досадная помеха: сбили на пешеходном переходе в центре города гражданку, причинив ей тяжелые повреждения. Что же было дальше? Мерзлый дал указание признать виновницей случившегося потерпевшую, и сотрудники ГАИ его точно выполнили.

...А теперь вернемся к бюро горкома, на заседание которого вызван прокурор Костюк. Мерзлый снимает его вопрос с повестки дня и приглашает к себе. На ковер.

— Вижу, Петр Кузьмич, так ничего и не хочешь понять!

— А что я должен понять, Александр Трофимович?

— Не прикидывайся дурачком.

— Я не прикидываюсь. Но и вызывать меня на бюро несерьезно: такие обвинения в мой адрес, мягко говоря, смешны. Даже в формулировках ваших ничто не порочит меня. Если уж хотите проучить, надо серьезнее готовить материал. Но я работаю честно...

— Не хочешь ты себе и своим близким добра, не хочешь. А ведь мы с тобой говорили уже об этом!

В этом Мерзлый был прав. Такой разговор действительно был. Один на один. И повод тогда нашелся серьезный.

Костюк располагал информацией о преступлениях Мерзлого, но понимал, что сам ничего с ним сделать не сможет. Решил написать в ЦК КПСС. Через некоторое время заходит Удалов и сообщает: в разговоре с ним

Мерзлый сказал, что так, как ведет себя Костюк, вести негоже. А на его столе лежало письмо прокурора в Москву, да так лежало, чтобы Удалов не мог не увидеть.

Как письмо попало на стол преступника, Костюк не знает до сих пор. Да это теперь и неважно. Но тогда он разволновался и пошел в горком. Мерзлый его ждал, конечно, будучи уверен, что Удалов по дружбе не умолчит, постарается предостеречь прокурора от подобных поступков впредь. Разгневая Александр Трофимович не был, а разговор повел скорее доброжелательно, с таким примерно подтекстом: за письмо не сержусь, кто глупостей не делает; да и что такое эти письма, если они все равно ложатся ко мне на стол. А открытым текстом предложил:

— Давай жить в дружбе, Петр Кузьмич. И тебе хорошо, и нам спокойнее. В обиде не будешь.

— Я не против дружбы, Александр Трофимович. Но если она не в ущерб закону.

— Ну вот опять ты демагогию разводишь. Я тебе про дело, а ты мне про закон. Смотри не останься со своим законом на бобах!

— Другого выхода я не знаю. На бобах так на бобах...

Мерзлый понял, что дальше тянуть не стоит, этот человек становился опасным и для него лично. Тем более что уже арестовали председателя Сочинского горисполкома Воронкова.

Найденов

Арест Воронкова аукнулся громко для многих. Это сейчас мы попривыкли, что под стражу берут милицеских генералов, заместителей министров, да и самих министров, первых секретарей обкомов и даже секретарей ЦК союзных республик. А тогда ведь время было иное. Но оно положило начало сегодняшним событиям. Уже из дела Воронкова виделись выходы на самый верх, на вельможных чинов, о чем тогда и подумать-то было рискованно.

Следственная группа Прокуратуры Союза ССР под руководством Виктора Васильевича Найденова, заместителя Генерального прокурора СССР, раскручивала дело, известное нам под названием «Океан». Найденов хорошо знал Костюка и целиком ему доверял. Перед началом

работы следственной группы в Сочи между ними состоялся разговор.

— Петр Кузьмич, я вынужден просить вас помочь нашим ребятам. И помощь эта должна заключаться в следующем. Во-первых, дайте в группу трех честных, надежных следователей, которым доверяете как себе. Во-вторых, по мере надобности решайте вопросы об аресте тех, в отношении кого будет достаточно доказательств их преступлений и кого следователи посчитают необходимым изолировать. В-третьих, ни слова информации по этому делу не должно никуда уходить. Подчеркиваю: никуда. Даже в вышестоящую прокуратуру. С милицией контактируйте, Удалов в курсе дела. Если удобнее, то принимайте сказанное как приказ.

— Можете на меня рассчитывать, Виктор Васильевич. Не подведу. Но работать здесь будет очень трудно.

— Знаю, знаю. А где бывает легко-то, Петр Кузьмич? Так что иного выхода не вижу. Если что, звоните прямо мне.

— Хорошо. Но, думаю, в ближайшее время такой надобности не будет.

Костюк Найденова не обманул, все, о чем говорили, выполнил. Следственная группа работала слаженно. Вскоре прокурор Костюк дал санкции на арест директора магазина «Океан», его заместителя, директора базы Мясо-рыбторга, начальника гаража совминовского санатория и других. Настала очередь Воронкова. Вот когда Костюк первый раз вышел «прямо» на Найденова и сказал, что санкцию на арест мэра города лучше получить не от него... Заместитель Генерального согласился, а в ответ на очередное предупреждение Костюка о том, что этот арест чреват непредсказуемыми последствиями, пошутил:

— Уж тебя-то, Петр Кузьмич, мы отстоим, не бойся.

За себя Костюк уже не боялся, но хотел, чтобы Виктор Васильевич как можно реальнее представлял обстановку и возможные последствия сочинского следствия, извините за такой произвольный каламбур. В это время обрывали телефоны абоненты из Краснодара, требуя информацию для «самого» Медунова, снова звонил Кекало, другие руководители прокуратуры края. Ответ слышали один: с разрешения Найденова получите любую информацию, обращайтесь к нему.

Этого Костюку не простили. Не смог ничем помочь и

Найденое. Ему самому оставалось пробыть на своем посту совсем немного. Но этого еще никто, в том числе и Костюк, не мог даже предположить.

Ответные удары

В следующий за Воронковым «слой» преступников входил уже сам Мерзлый, а также Карнаухов, председатель партийной комиссии крайкома. С их непосредственным участием и режиссурой ставится спектакль разоблачения правонарушителей в правоохранительных органах. Это они якобы устраивают террор в отношении честных партийных и советских работников, а сами грубо нарушают закон, потому и растет преступность. Короче, надо было поставить все с ног на голову, выбить почву из-под ног твердо стоящих на позициях закона работников, скомпрометировать их и спасти себя.

Расправились с Удаловым, он уехал из города. Мерзлый нагнетает атмосферу, убеждает редактора городской газеты «Черноморская здравница»: в Сочи есть антисоветски настроенные люди, которые клеветают на партийные и советские органы, и он даст для публикации соответствующие материалы. Мерзлый рассылал во многие места запросы, чтобы собрать хоть какие-нибудь сведения, компрометирующие неугодных ему людей. Как считает редактор газеты, он просто сметал со своего пути тех, кто ему мешал, причем использовал для этого и общественное мнение, публикации в газете, когда это получалось; в выборе средств не церемонился. Вот еще одна из организованных им акций.

Житель Сочи Чернокондратенко, работавший прежде секретарем Хостинского РК ВЛКСМ, разложившийся и опустившийся человек, подговорил своих бывших сокамерников написать в крайком письма и обвинить работников милиции и прокуратуры в применении недозволённых методов следствия. Комиссия крайкома, где был тот же Карнаухов, быстро «проверила» факты, подтвердила их и справку представила на Секретариат ЦК КПСС. Здесь, возможно, они переборщили, потому что информация была очень серьезной, и сразу возбудили уголовное дело. Этого не ожидал и сам Чернокондратенко, он даже растерялся от такого поворота событий. Но хода назад не было. Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. Париц приступил к расследованию.

Дело Чернокондратенко было, вероятно, не самым сложным у этого мастера своего дела, но результаты расследования осложнили жизнь тем, кто его задумывал.

Вот некоторые показания, приведенные в обвинительном заключении в качестве доказательств, которые проясняют истинную картину происходившего. Кравченко В. С.: «По просьбе Чернокондратенко мы с ним зашли в здание английской школы. Он достал бумагу и попросил написать, как ему надо, для того чтобы добиться пересмотра его дела. Я не стал возражать, считая, что таким образом окажу Чернокондратенко помощь, и написал все то, о чем он меня просил... Это заявление Чернокондратенко у меня забрал». Лебедев В. В.: «В электричке по предложению Чернокондратенко я написал заявление. Он говорил, что надо доказать, кто его избил и за что. Я поверил и поэтому написал». Дадашев А. С.: «Я не хотел подтверждать такую ложь, но Чернокондратенко меня уговорил, и я из ложного чувства солидарности с ним такое заявление написал. При этом Чернокондратенко продиктовал мне фамилии тех, кто якобы его избивал и тех, на кого якобы от него добивались показаний. Он обещал, что сделает мне освобождение от отбывания наказания на стройке народного хозяйства и устроит меня на хорошую работу».

Следствие отметило, что особенно цинично Чернокондратенко «обработал» своих знакомых: Трусова Ю. И. — управляющего домами № 3 Центрального района Сочи и Бердина Г. В. — прораба монтажного участка № 2 СМУ-27. «Он стал говорить, — показал Трусов, — что мне надо написать заявление о том, что якобы я был на суде, когда его судили, и слышал там, как Чернокондратенко говорил во время суда, что его избивали работники милиции, требуя каких-то показаний. Сначала я не хотел писать такое заявление, но он уговорил меня это сделать... и у себя на работе под его диктовку написал заявление в крайком партии, хотя написанное и не соответствовало действительности».

Немало интересного в результате было установлено по этому делу. К этим фактам возвращалось следствие и когда к уголовной ответственности привлекали уже самого Мерзлого.

Оказалось, что в случае благоприятного исхода задуманного Чернокондратенко, ранее уже судимому, власть имущие обещали: добиться отмены его приговора, восстановить в партии, дать выгодную работу. А сам он

тем, кого подговаривал, дарил коньяк, обещал деньги, ну и прозрачно намекал на знакомство с высокими людьми. В первую очередь, надо полагать, он имел в виду Мерзлого. В результате незадачливый лжедоносчик получил семь лет лишения свободы.

Примерно в то же время, осенью 1981 года, на пленум Сочинского ГК КПСС выносятся вопросы об улучшении работы с кадрами и усилении борьбы с правонарушениями в торговле и общественном питании в свете решений XXVI съезда партии. Скрывать, что в этих отраслях в городе обосновалось и вольготно живет разного рода жулье, было уже бессмысленно, и потому Медунов, почтивший своим присутствием пленум, горячо одобрил повестку дня, называл обсуждаемый вопрос «таким важным и острым». Затем похвалил партию и лично Леонида Ильича Брежнева за заботу о советском человеке, чему и призваны служить торговля и общественное питание. Правда, в отношении работников этих сфер в городе вдруг оказалось возбуждено девятьсот уголовных дел по фактам хищений и взяточничества. А дальше вот какие пассажи: «Это объективно привело к тому, что сложившейся обстановкой воспользовались всякого рода антисоветчики, клеветники и демагоги... Эта группа завела досье на ответственных работников города Сочи и края, установила связи с диссидентами Сахаровым и Медведевым, передавала для публикации в иностранной прессе враждебные материалы с целью компрометации нашей советской действительности... Активизировались в это время разного рода обиженные, которые за неблагоприятные поступки исключены из партии, сняты с работы и осуждены общественностью... Надо владеть оружием, которое вручила вам партия, уметь вовремя ставить на место зарвавшихся, решительно отстаивать общенародное, общегосударственное достоинство, вести наступательную борьбу с негативными явлениями! Мы никому не позволим осквернять и хаять труд народа, плоды этого труда, подлинные завоевания реального социализма! На ваших глазах шельмовали партийных и советских работников, оскверняли и втоптывали в грязь все хорошее, ценное, нужное, сделанное городской партийной организацией и трудящимися города Сочи для блага советского человека! На ваших глазах отдельные работники органов прокуратуры и МВД, опираясь на сомнительные источники информации антисоветчиков, обиженных лиц, находящихся в заключении, длительное время под след-

ствием, проводили линию на компрометацию партийных и советских органов города, нарушали социалистическую законность.

Некоторым работникам не хватало требовательности к себе, они сами стали допускать отклонения от партийных норм, проявили неразборчивость в своих связях, прибегали к услугам отдельных работников торговли, как говорят, с подмоченной репутацией и в результате скомпрометировали себя, дав богатую пищу всяким искателям грязи. Взять, к примеру, теперь уже, можно сказать, напумевшее «дело Мерзлого». В каких только тяжких грехах его не обвиняли, чего только не писали и не говорили о нем! Отдельные ретивые работники союзной прокуратуры и Сочинского управления МВД, допуская нарушения социалистической законности, вели дело к преследованию Мерзлого в уголовном порядке. Краевой комитет партии вынужден был обратиться по этому поводу с письмом в Центральный Комитет. По нашему письму принято постановление ЦК, была создана комиссия в составе ответственных работников орготдела, отдела административных органов и КПК при ЦК КПСС с участием работников крайкома партии для организации партийной проверки этого «дела». Комиссией не установлена причастность Мерзлого к продвижению в корыстных целях по службе ряда работников, не подтвердилось содействие им в приеме в партию недостойных людей, не удалось получить достаточно убедительных доказательств того, что Мерзлый брал взятки...

Думается, к таким трибунным изыскам комментарии не нужны.

Беспартийный прокурор

А что же в это время происходит с Костюком? Вернемся несколько назад. Он с июля 1979 года уже не прокурор города, а сочинский транспортный прокурор. Карнаухов готовит справочку в горком, в которой обвиняет его в нарушениях законности по двум уголовным делам, в том числе и по знакомому нам делу Арутюняна. В ней упоминается и «низкий надзор» по делам, и неправильная информация в партийные органы, и необоснованный арест обвиняемой. Этому «специалисту» не понадобился никто из настоящих специалистов, он во всем «разобрался» сам, и Костюку объявили строгий выговор с записанием в учетную карточку. Он — апелляцию в гор-

ком. Оттуда ни ответа, ни привета, пошел второй месяц. Он звонит первому секретарю, тот возмущен — что это указываешь нам! Но бюро собрал и предложил... исключить Костюка из партии. Единогласно проголосовали «за».

Пытались заступиться за исключенного заместитель прокурора республики Н. Горшенева и прокурор края А. Шинкарев. На это Гавриленко, первый секретарь горкома, ответил: пусть Костюк покается, тогда, может быть, и пересмотрим решение. Тот приехал, зашел в орготдел. Заведующий даже предложил свои услуги, готов был написать за него покаянное письмо. Но Костюк написал сам. Да не то, оказалось, что нужно. Такое заявление и рассматривать не стали.

Затем было заявление о восстановлении в партии на XXVI съезд, потом заявление в КПК при ЦК КПСС. Снова — комиссия крайкома, но уже поработавшая более тщательно и по времени, и по результатам, и, что особенно примечательно, по методам. Опять знакомая фамилия Карнаухова и новая — Осокин, инструктор отдела административных органов крайкома. Они решили, видимо, собрать такой довесок компрометирующих прокурора материалов, чтобы вопрос о нем уже никогда не возникал. В этом заключалась «особая миссия» ответственных работников. А выполнять ее они стали, фабрикуя материалы от имени должностных лиц. Осокин занимался этим примерно полгода. Чтобы прикрыть свои длительные командировки в Сочи, он проживал в санаториях под вымышленной фамилией. Вот что, например, показал позднее на следствии бывший начальник Сочинского территориального совета по управлению курортами профсоюзов Кибзун: «О своей работе Осокин ничего не рассказывал, подчеркивая однако, что он выполняет сверхсекретное задание, напуская на себя таинственность. В отдельные периоды он просил оформить его под фамилией Алексеев. На вопрос, зачем ему это нужно, отвечал, что хотел бы находиться в Сочи, не привлекая к себе внимания».

Внимания он не хотел привлекать, и когда «обрабатывал» по одному, вызывал для бесед, работников прокуратуры города. Помощнику прокурора Арефинкиной назначил встречу в двух часах езды на электричке от Сочи и беседовал с ней с 14 до 20 часов, до ухода последней электрички. Все эти шесть часов Осокин выпытывал, в каких нарушениях можно обвинить Костюка, и очень удивлялся, что все его хвалят. Когда Арефинкина пись-

менно изложила ответы на все вопросы, он настойчиво предлагал посидеть и подумать, многие места переписать. Но так ничего и не добился.

Тем не менее комиссия цели достигла, взяв за основу нарушения в учете материалов, допущенные бывшим следователем Кормилицыным. Обвинили его в халатности, а Костюка, соответственно, в отсутствии контроля за ним. О ценности добытой информации, полагаю, дает возможность судить такой факт. Когда Кормилицына собирались исключить из партии, заведующий орготделом горкома Лившиц предлагал ему «джентльменский обмен»: «Если хочешь, чтобы тебя не исключили или потом быстро восстановили, напиши, что во всем виноват Костюк». Но «обмен» не состоялся. Хотя в удовлетворении апелляции в КПК все равно отказали на основании справки, представленной комиссией Карнаухова — Осокина.

...Медунов несколько раз предлагает новому прокурору Краснодарского края Б. Рыбникову возбудить в отношении Костюка уголовное дело и привлечь его к уголовной ответственности. «Нé за что», — отвечает Рыбников. «А я легких задач не ставлю», — парирует Медунов.

...Требуется возбуждения уголовного дела в отношении Костюка и Карнаухов от заместителя начальника управления кадров Прокуратуры республики В. Макаровой, которая вместе с прокурором следственного управления Беляевым выезжала по поручению прокурора РСФСР в Сочи, чтобы квалифицированно разобраться с делом Кормилицына. Не получив согласия в ответ на свое требование, Карнаухов возмущается и грубит. Это очень удивило работников Прокуратуры республики. Но, пожалуй, еще больше удивилась В. Макарова, когда ей по кремлевскому телефону позвонил Голиков, помощник Брежнева, и спросил о результатах командировки в Сочи. Этот звонок она расценила так: в Краснодарском крайкоме крайне недовольны выводами в отношении Костюка, о чем сообщили в Москву.

По городам и весям

19 января 1981 года прокурор РСФСР издает приказ. Один из его пунктов звучит так:

«Старшего советника юстиции Костюка Петра Кузьмича с должности Сочинского транспортного прокурора Северо-Кавказской транспортной прокуратуры снять».

Он едет в Ростов-на-Дону и начинает работать заместителем начальника следственного отдела Северо-Кавказской транспортной прокуратуры. Хотя, если быть точным, не успел и начать, потому что вскоре вызвал прокурор и говорит: звонил первый секретарь обкома, присутствие Костюка здесь нежелательно. Да, недалеко находится Ростов от Сочи...

Куда податься? Конечно, в Москву, уж там-то не «достанут»! Пристроили опального прокурора в Московскую транспортную прокуратуру, но на всякий случай «прикрылись» документами.

Из приказа от 15 марта 1981 года:

«Старшего советника юстиции тов. Костюка Петра Кузьмича назначить с 16 марта 1981 года временно сроком на два месяца помощником Йошкар-Олинского транспортного прокурора...

Основание: заявление Костюка П. К. от 4.03.81.

Горьковский транспортный прокурор
старший советник юстиции

Ю. М. Новиков».

А через четыре дня —

Телетайпограмма (от 19 марта 1981 года) горьковскому транспортному прокурору от заместителя прокурора РСФСР А. В. Титова:

«Прошу откомандировать для работы в Московской транспортной прокуратуре помощника Йошкар-Олинского транспортного прокурора Костюка П. К.».

В Йошкар-Олу Костюк, понятно, не ездил и никогда туда не собирался.

Пришлось ехать на Север. Потому что вызвали в отдел кадров Прокуратуры РСФСР: Костюк не нужен и в Москве. Северный вариант Петр Кузьмич выбрал, рассчитывая, что там-то уж точно оставят в покое! В Мурманске места для него не нашлось, а вот в Архангельске предложили должность помощника районного транспортного прокурора и сразу направили в командировку, потом еще в одну, в Нарьян-Мар, проверять законность в авиапредприятии.

И тут судьба делает резкий поворот. Костюк принимает неожиданно даже для себя решение: соглашается на предложение командира авиаотряда перейти туда начальником штаба. Может, доводы командира были убедительны, может, потому что личное дело где-то застряло и были основания думать о новых гонениях, может, просто измучился и хотелось передохнуть, отрубив

одним махом свое прокурорское прошлое. Не знаю. Но 17 августа 1981 года заключил Петр Кузьмич трудовой договор на три года и впрягся в новую работу. Потом закончил в Ленинграде двухмесячные курсы повышения квалификации, и ничего — пошло дело! Прижился, с коллективом сработался, стал заниматься общественной работой, организовал образцовую народную дружину. И тут узнал, что в ноябре сняли Найденкова. Это был удар. Медунов тогда «подключал» самого Брежнева, чтобы расправа с надоевшим и попортившим много крови заместителем Генерального прокурора прошла без осячки!

Его обвинили в том, что прокуроры подняли руку на Советскую власть. Позволю себе привести несколько абзацев из очерка А. Ваксберга «Судьба прокурора», касающихся вызова В. В. Найденкова в ЦК КПСС перед его увольнением:

«Об этих лживых доносах Найденков не знал. И о том, зачем его вызвали на «ковёр», не знал тоже. Но, увидев среди приглашенных самого Медунова, без труда догадался, какой разговор предстоит. Как и о том, что мнение уже существует, что обсуждать практически нечего, что вызван он не для доклада — для проработки. Сдаваться, однако, не собирался: истина была за ним. Но ее-то, похоже, знать никто не хотел: истиной считалось мнение, а отнюдь не реальность.

Прокурор не стал говорить о том, что следствие ведут люди, в которых он абсолютно уверен. И даже о том, что сам за ним наблюдает: не время от времени, а каждодневно. Он знал: это не прозвучит... Привел довод простейший: признания у подсудимых нет нужды «выбивать», потому что нет нужды и в самих признаниях. Следствие располагает таким количеством доказательств, что, признался обвиняемый или нет, значения это вообще не имеет. Да и если подумать: кто бы решился предъявить обвинение и дать санкцию на арест людей такого высокого положения, людей у которых столь мощные спины, предварительно не имея запаса улик, многократно выверенных на прочность?!

Ему не дали договорить. «Замахнулся на партию! — кричал Медунов. — Избивает лучшие партийные кадры!» И — еще пронзительней, еще надрывней: «Это вам не 37-й год!»

Партией они считали тех, кто ее грабил, лучшими кадрами — воров и мздоимцев, растленных невежд, загоняв-

ших страну в тупик. Делая все, чтобы замолчать и забыть правду о давней трагедии, всплыв, как пена, на ней, себя, когда настало время спастись, они причислили к жертвам того беззакония, унесшего тысячи действительно лучших, рядом с которыми ЭТИ просто не состоялись бы. Ни за что. Никогда...

Участь Найденова была решена. Ему предложили покинуть зал. Вдогонку один из самых главных участников обсуждения оскорбил его — грязно и низко».

И, конечно, нет ничего странного в том, что укрепились тогда у Костюка вера в правильность принятого решения об увольнении из прокуратуры, потому что чувствовал свою абсолютную незащищенность перед творящимся произволом.

Кстати, оставаться никто не уговаривал и даже не предлагал, в Москве приказ согласовали за несколько минут, как будто только и ждали заявления.

Наступил уже 1984 год, восстановили на работе Найденова. Он же стал хлопотать о реабилитации Костюка, хотя, представим, до того ли ему тогда было. Снова пошли бумаги, запросили характеристику, а Ненецкий окружком партии ее почему-то задержал. Стали выяснять, и оказалось, что «требуется» отрицательная характеристика, а такая, как написали, никуда не годится. Командир авиаотряда заявил, что он в такие игры не играет и характеристику переписывать не будет, считает действительной ту характеристику, которую отправили. Никто его переубедить не смог. Так и разошлись ни с чем. Эта характеристика в Москву не попала, а другой не сделали. Зато из Сочи с удовольствием прислали датированные свежими цифрами бумаги, и снова в КПК не состоялось решения о восстановлении в партии Костюка.

Возвращение

Между тем истек трехгодичный срок договора, стукнуло моему герою 60 лет, пенсию 132 рубля он заработал и вернулся в Сочи к семье, для которой эти годы были ох какими несладкими. Жену и сына всячески третировали, вплоть до запугивания, с угрозами ночью по телефону.

Мерзальный предпринимал попытки «организовать» уголовное дело в отношении Клары Антоновны, были немалые сложности при поступлении сына в институт, хотя

они тщательно скрывали даже город, куда Андрей ездил сдавать вступительные экзамены.

Все это было, но время пемного притупило боль и сгладило обиды. Петр Кузьмич понимал, что без дела он сидеть не сможет, и решил устроиться на работу. Благому этому желанию не суждено было сбыться сразу: не брали его никуда. Парадокс? Не верите? Я тоже не очень сначала поверил. Но спросите об этом, например, Мосейчука Федора Лукьяновича, директора местного Вторсырья. Это он, старый товарищ, понаблюдав за издевательством над бывшим прокурором города, пригласил его на должность... рабочего в свою организацию. Костюк пошел, ничуть не стесняясь, и сейчас там работает, храня свой уникальный опыт по борьбе с коррупцией, полученный в годы ее расцвета. В это же время первый секретарь Сочинского горкома заявляет в «Правде», что в городе «корни коррупции вырваны далеко не полностью».

Уже возвращаются на жительство в Сочи те, кого арестовывал прокурор Костюк по материалам следственной группы Прокуратуры Союза ССР, устраиваются на высокооплачиваемую работу и начинают жить так, будто поджидало их на свободе целое состояние. Вернулся Воронков. И все они интересуются судьбой основных героев этой драматической истории.

На начало 1989 года «расклад» был такой:

Виктор Васильевич Найденов умер 2 июня 1987 года — очередной инфаркт;

Герой Социалистического Труда Медунов живет в Москве;

Карнаухов и Мерзлый отбывают наказание в местах лишения свободы — взяточники;

бывший прокурор Сочи, заслуженный юрист РСФСР Костюк Петр Кузьмич работает во Вторсырье и апелляциям на решение о своем исключении из партии, организованное преступниками, не пишет — отняли веру. в справедливость, вероятно.

Как ее теперь вернуть?

* * *

2 марта 1989 года Медунов был исключен из партии. Вот что сообщила газета «Правда» от 24 марта: «В адрес XIX Всесоюзной конференции КПСС поступили письма граждан, в которых высказывалось мнение о невозможности

сти пребывания в рядах партии т. Медунова С. Ф. — бывшего первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС.

Проведенное по поручению ЦК КПСС изучение материалов показало, что в период работы первым секретарем крайкома партии т. Медунов допустил серьезные нарушения указаний Центрального Комитета КПСС об усилении борьбы с хищениями, взяточничеством и другими корыстными злоупотреблениями, о воспитании кадров в духе высокой нравственной чистоты, ответственности за порученное дело.

Используя различные средства, вплоть до дискредитации работников правоохранительных органов, он покровительствовал взяточникам, уводил их от уголовной ответственности. Это разлагающе действовало на кадры.

Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС обсудил вопрос «О недостойном поведении члена партии т. Медунова С. Ф. в бытность первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС» и записку по данному вопросу направил на рассмотрение Гагаринского райкома партии г. Москвы.

Гагаринский райком КПСС исключил т. Медунова С. Ф. из партии за серьезные нарушения в бытность первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС требований партии об усилении борьбы со взяточничеством и другими корыстными злоупотреблениями, выгораживание руководящих работников края, уличенных во взяточничестве, неискренность перед партией».

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ВРЕМЕН ЗАСТОЯ

С Юрием Чурбановым я жил в одном доме. Пятиэтажная «хрущоба» на 2-й Новоостанкинской улице, у подъездов которой проводили свои затяжные «брифинги» пытливые дамы пенсионного заката, ведавшие про обитателей дома всю интимную подноготную. Об эффектном и статном brunete из третьего подъезда судачили в общем-то дежурно: бросил-де жену с ребенком, много, как и положено холостому красавцу, пьет и гуляет налево-направо.

Короче, банальная молва. Без малейшего криминального привкуса грядущих скандалов.

Честно говоря, я не обращал никакого внимания на своего соседа. Знал лишь, что Юрий Михайлович заведовал сектором отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Вице-шеф советской милиции времен застоя родился в Москве 11 ноября 1936 года. В хорошей, говорят, семье. Семье партийного работника. Работал Юра скромным механиком. После окончания технического училища — медником. На заводе.

В 22 года балагур и весельчак, ни дать ни взять рубаха-парень, умевший браво пить не хмелея и весомо произносить нужные слова зычным начальственным голосом, стал инструктором Ленинградского РК ВЛКСМ. Потом работал в горкоме комсомола. Хорошо работал. Но недолго.

Двадцатипятилетний комсомольский «вожак» переходит на службу в органы. Инструктор политотдела мест заключения МВД РСФСР. (Тогда же ему присвоено звание «лейтенант внутренней службы».)

Позднее — в аналогичном отделе столичного УВД, помощник начальника по работе среди комсомольцев и молодежи.

1964-й — для Чурбанова год, насколько понимаю, пе-

реломный. Он оканчивает заочное отделение философского факультета МГУ. И с новеньким дипломом покидает прежнее место службы. Не то чтобы оно было ему не по праву. Нет. Он уходит из органов «в связи с направлением на работу в ЦК ВЛКСМ». Одновременно «расторгая брак с Чурбановой Т. В., от которой имеет сына, 1963 г. р.». И завершаю цитату документа: «С этого времени никаких связей с ними не поддерживает».

Так что кое-какую информацию старушки у подъезда все-таки добывали. Во всяком случае, знали не меньше, чем в отделе кадров по месту работы Чурбанова. Впрочем, меня это не удивляет. Имеющий уши да услышит. А работа...

Работа в комсомоле тогда была, повторяю, развеселая.

Репутация среди коллег у Юры — самая отменная. Общителен, исполнительен, надежен.

Компанейский парень коротко сошелся со своим «сратником по цеховской работе» Игорем Щелоковым.

Говорят, что именно сын бывшего министра внутренних дел и познакомил Юрия с Галипой Брежневой (жена Игоря дружила с дочерью Генсека). Знакомство состоялось в ресторане Центрального Дома архитекторов.

Эта случайность, что бы за ней ни стояло, обернулась для перспективного и видного жениха головокружительным трамплином.

Юрий весьма приглянулся Брежневым-старшим, уже подуставшим от капризных цирковых увлечений своеправной и неугомонной дочери, доставлявшей хлопоты всем родственникам своими неудержимыми капризами. Чурбанов выгодно выделялся (в глазах будущих родичей) на фоне своих несерьезных предшественников. Это вам не какой-то там недалекий акробат, нахально разместившийся в кресле директора столичного цирка, не смазливый иллюзионист. Нет, Юрий Михайлович одним лишь гренадерским облпком, казалось, вполне заслуживал почетных званий и высоких орденов. А богатая осанка темноглазого супермена с идеальным пробором вальяжно намекала: эти широкие плечи не шпаче и как для погон величиной с ладонь.

Будет, будет генералом! Недолго ждать.

В июне 1970-го Чурбанов назначен замом начальника политотдела ИТУ МВД СССР.

Март следующего года застал его заместителем начальника, но уже политуправления внутренних войск.

Соревнуясь обилием воды с весенними потоками, отпумел («бурные аплодисменты, переходящие в овацию») барабанно-победный XXIV съезд. Но это не самое торжественное событие апреля 1971 года для Брежневых. Галя снова вышла замуж!

Под эхо заученных аплодисментов Чурбанов тихо получает невинный презент — досрочное присвоение звания «полковник». (Воинского, замечу, звания. И это имеет значение не только для размера будущей пенсии). Повышение оформили задним числом. По документам Чурбанов стал полковником в марте.

Были и другие, послесвадебные подарки. Тесть дарит Чурбанову роскошную «Шкоду-1000». В тот же день она продана через комиссионку. Не беда... Через две недели Брежнев передает Юре новенький «Репо-16» с мощным, под стать красавцу зятю, мотором.

Генсеку этот лимузин подарил президент западного государства, и, по логике вещей, законное место подарка — в спецгараже. Но это не помешало новому владельцу, Ю. М. Чурбанову, спустя некоторое время выгодно продать машину. Потом были и другие машины. Много столичных торгашей ошастливил сиятельный зять.

1972-й. Девятая пятилетка, если верить газетным передовицам, набирает завидный темп. Выходит очередной том брежневского сочинения, лукаво названного «Ленинским курсом».

«Серый кардинал» Генсека М. А. Суслов может поздравить себя со второй Золотой Звездой Героя Соцтруда.

А «отец казахского народа» Д. А. Кунаев — с первой. Старинный приятель Генерального Н. А. Щелоков деловито организовывает роскошный магазинчик исключительно для членов своей семьи и их удачливых знакомых (эта лавка функционировала с ежегодным товарооборотом под сто тысяч рублей).

Ну а Ю. М. Чурбанову присвоено звание «Заслуженный работник МВД СССР».

И с гордо поднятой набриолиненной головой «Галин Юра» начинает наградной марафон, не без оглядки полагая, на своего несравненного (в этом, орденоносном смысле) тестя, обожавшего ритуальные процедуры не меньше кабаньей охоты и гоночной езды.

Вслед за нагрудным знаком «заслуженного работника» следует другой — «60 лет ВЧК—КГБ».

И еще 19 отечественных орденов и медалей. Плюс 26 иностранных.

По воспоминаниям родственников, тщеславный «Юр-Михалыч» придиристо пересчитывал блестящие штучки на своей широкой груди главным образом потому, что затеял ревнивое соревнование со своим тезкой — младшим сыном Брежнева. Они по очереди рвались в замы министра (Юрий Брежнев работал заместителем министра внешней торговли), то добивались депутатства в Верховном Совете страны, то стремились к парадным титулам прибавить еще и «кандидат в члены ЦК КПСС».

Сам Чурбанов недолго слыл темной лошадкой. Скоро его улыбкавая нахрапистость и мстительная несдержанность стали очевидны.

Я думаю, что патологическая ревность Чурбанова к прочим любимцам и родственникам Леонида Ильича выпестовалась в нем давно, еще во время комсомольского работонеделания.

Ведь все опытные профессиональные аппаратчики пристально следят за «соседями по этажу», привычно пресмыкаясь перед надменным «верхом» и лениво презирая подрастающих «нижних». Главное — не дать себя хитро обойти на очередном карьерном повороте. Без того, чтобы коварно не подставить одетую в лакированный ботинок ножку кому-нибудь из конкурентов, не шагнешь на очередную ступеньку этой самой ножкой.

Юрий Михайлович быстро освоил искусство притоптывать могучей начальственной ногой и сердито постукивать кованым кулаком по широкому столу. Он никого — даже вечно хмельного шурина! — не хотел терпеть в качестве потенциального соперника. В начале 80-х приметился даже на беспокойное кресло министра внутренних дел, мечтая подсидеть состарившегося шефа. Следователь Вячеслав Миртов рассказывал мне, что как-то за чаем Щелоков пожаловался ему: Брежнев неоднократно напоминал, что-де пора освободить кресло для Чурбанова.

Когда «Юр-Михалыч» стал официальным зятем Брежнева, младший сын Генсека работал в Швеции. Карьера Чурбанова исключала сладко-глянцевую перспективу заграничного жития-бытия.

Однако его младшая сестра Светлана вместе со своим первым мужем, выпускником МАДИ, немало лет провела на «заграничном Западе». Сначала в Италии. Затем в Англии (куда позднее, накануне кончины деда, отправился вместе со своей женой на необременительную стажировку студент МГИМО Андрей Юрьевич Брежнев. Там его и настигло сообщение о кончине деда).

Брат сановного зятя Игорь Чурбанов проработал четыре года в Женеве (незнание языков, как вспоминают его коллеги по работе в Швейцарии, ему не мешало: он просто «присутствовал» в этом «престижном» городе).

А сам Юрий Михайлович любил эдак махнуть в заграничное «турне», которое почему-то называлось «инспекционной поездкой». За одну из таких блиц-инспекций в Афганистан он даже получил боевую награду, хотя вряд ли слышал свист пуль, видел настоящий бой.

Но все это позднее.

Осознанием собственной вельможной значимости бывший комсомольский работник нежно проникался от звания к званию. Ведь он открыл немудрящую тайну служебного роста, эмпирически вычислил желанную формулу «как нравиться всем». И, не таясь, рассказывал знакомым о своем открытии:

— Нужно просто уметь пить. Пить как можно больше, но при этом держаться на ногах. Тогда выйдешь в люди.

Он пил. Не знаю уж насколько с удовольствием, но — с людьми разными.

С директорами и генералами. Дипломатами и друзьями. Потом, когда обмелел алчный приток «соратников», когда надвинулся тяжелый, как похмелье, финал, приглашал в пьяную баньку и к широкому столу постовых милиционеров да знакомых шоферов.

Пил, само собой, и в семейном кругу. До ругани, проклятий, рукоприкладства, размахиваний топором. (Во время одной из таких ссор захмелевший Чурбанов уснул во дворе дачи и обморозился под курым одеялом, которое ему швырнула жена.)

И я полагаю, Юрий Михайлович довольно точно определял ту непонятную для досужих советологов силу, которая выталкивает людей недалеких, грубых умом и правом на кумачовую магистраль фанфарного служебного взлета. «Умение пить».

Один из бывших телохранителей Леонида Ильича поведал мне о странинговате, если не сказать больше, раз-

влечении Генсека. (Речь — о последних годах его правления.)

Тяжелейший недуг, помноженный на преклонный возраст и возведенный в квадрат пьянящим напряжением властедержателя, превратил некогда ловкого стрелка и лихого гонщика в беспомощного старца. Во время регулярных поездок на ближнюю дачу из месяца в месяц, словно на бредовом киносеансе, повторялась одна и та же до истерии, до анекдота нелепая сцена. Едва отъехав от резиденции, Леонид Ильич, любивший — в нарушение традиций, между прочим, — ездить на переднем сиденье рядом с бдительным водителем, грузно поворачивался к двум своим охранникам и с серьезным видом, хотя довольно-таки игриво, предлагал:

— Ребята, у меня рубль есть.

После чего победно доставал из нагрудного кармана привыкшего к наградам пиджака заранее, как мне объяснили, заготовленный камердинером целковый. Вот, мол, моя доля. Насколько я понял, он находился в святом неведении насчет того, что водка уже не стоила два восемьдесят семь.

Получив всегдашнее согласие на лихую выпивательную акцию, Леонид Ильич разворачивался на пол-оборота и весело командовал уже знавшему «нелегальный» маршрут шоферу:

— Отрываемся от них. Быстро, — и через мгновение, свистящим шепотом добавлял:

— Давай, давай!

Далее в этом «театре одного зрителя» буднично инсценировался якобы хулиганский отрыв от «Волг» сопровождения. О, для любителя езды с ветерком это были, уверен, восхитительные мгновения.

Один из охранников, воровато озираясь, одним словом, притворно осторожничая, шмыгал в крохотный магазинчик, у которого, как и было ранее договорено, оставливался лимузин.

Под прилавком заготовлена была одна-единственная «лягушечка» (так ласково величалась поллитровка в зеленой бутылке).

Ее-то, зелененькую, и распивали оба верных телохранителя посреди ближайшей полянки на глазах восхищенного патрона, которому здоровье, увы, не позволяло уже принимать реальное участие в подобного рода спектаклях. Вспоминая об этом, рассказчик подмигивал мне и почему-то все время повторял: «Уплочено».

...В середине сентября 1987 года дома у Галины Брежневой проходила опись имущества и обыск. После того как все бумаги были подписаны, один из следователей дежурно объявил:

— Галина Леонидовна, мы сегодня работу заканчиваем.

— Так давайте бутылку, — был полупутливый ответ.

— ?!

— Где бутылка-то?

Теперь жена Чурбанова спрашивала серьезнее, держа в левой руке бумаги, а правой снимая очки. Вежливо улыбаясь, полковник юстиции, пытаюсь выйти из нелегкой ситуации, парирует:

— Солнце не село.

— Ну так подождем, — настаивает дочь покойного Генсека.

Видеокамера криминалиста Прокуратуры Союза ССР Всеволода Боброва невозмутимо фиксирует мимолетное замешательство сидящих за размашисто широким столом юристов. И уклончивый ответ старшего из них Вячеслава Рафаиловича Миртова:

— Претензии, Галина Леонидовна, есть какие-нибудь?

Ну, думаю, неужели снова про бутылку? Нет, бывшая первая невеста страны кокетливо балагурит:

— Конечно.

Следователи чуть озадачены. Выдержав игривую паузу, дочь Брежнева неожиданно «выстреливает»:

— Мало внимания как женщине мне оказывали. И стихов еще не читали.

Так же как и ее покойный отец, Галина Леонидовна любит добродушно поострить. К шестидесяти годам она — и лицом, и манерой речи — превратилась в завораживающую, словно гипсовая маска, копию долго хворавшего родителя.

Когда я читаю о том, что Л. И. Брежнев на сдаче известного спектакля растерянно отождествил загримированного актера с вождем революции и испуганно спросил у сурового соседа: «Это Ленин? Надо поприветствовать?», мне не делается смешно или страшно. Стыдно. Нам всем должно быть стыдно. За слепоту нашу. За анекдоты, беспечно конструировавшиеся зачастую лишь на сакраментальном дефекте речи. За рабское наше долготерпение.

Потому, что за смешливой вязью забавных историй

(многие из коих, как оказалось, вполне соответствовали реалиям брежневского быта) мало кто сумел разглядеть затаенную трагедию подставной фигуры.

О невеселом феномене Леонида Ильича написано уже предостаточно. Но меня удивляет, вернее, не удивляет, а расстраивает единодушие, с которым опасливо умалчиваются люди, умевшие складно излагать *свои* мысли. И вкладывать их в уста больного старика, низведенного ими до жалкого состояния своевольной, упрямой, осторожной, но — все-таки! — марионетки. В удручающее шоу превращались публичные выступления мягкосердечного Генсека.

Говоря о мягкосердечии Леонида Ильича, я, право, не юродствую.

Обличительным рефреном многих публикаций последних лет стала удобная аналогия: Сталин-де убивал физически, Брежнев истреблял духовно.

Не спорю — разница несомненна! Но... Если и трагедией брежневское правление не стало, то лишь — полу. Полутрагедия-полуфарс.

Суставы под пытками не хрустели, от страха круги не шли калибром ствола. Можно было тихо в конце концов спиваться.

Некоторым «повезло» — удалось уехать.

Кто-то сомнамбулически уходил в хиппи.

Кто-то, столь же отрешенно, в монастырь.

В себя, наконец! Когда слово «диссидент» стало обоюдоострым, подросло целое «поколение дворников и сторожей», которое знало: «Наши отцы никогда не солгут нам, они не умеют лгать, как волк не умеет есть мясо, как птица не умеет летать».

И еще. Коль скоро мы безбоязненно клеймим одряхлевших палачей из НКВД, то почему не разрезать тугие портупейные ремни умолчания, «стянувшие слабую грудь», и не назвать — хотя бы назвать! — всех недавних душителей свободы из министерств и ведомств, к «органам» не имеющих отношения.

Поименно!

Обязательно поименно!

Вот поэтому, именно поэтому, что бы там ни говорилось, я считаю: закончившийся в предпоследний день 1988 года судебный процесс над Чурбановым и его «кумовьями» имел явную политическую окраску.

Не надо притворно бояться этого словосочетания — политический процесс. В Верховном суде страны пыта-

лись судить не просто генералов. Нет, хотели призвать к ответу коррупцию. Брежневскую коррупцию. Для которой мягкотелость и снисходительность «верного ленинца» обернулась если и не реактивным импульсом, то надежной, как двойные двери в высоких кабинетах, ширмой — во всяком случае. И если мне скажут, что пуховая подушка может быть оружием лишь в шуточных пионерских потасовках, то я напомним одну старую историю: убийца безобидной домашней подушкой задушил троих.

— ...Насколько я не злая, как и мой отец, — качает головой Галина Леонидовна Брежнева. А затем подводит итог: — Вот доброта нас и сгубила!

Доброта эта, брежневской марки, вероятно, сгубила многих.

О схожести с Леонидом Ильичом жена Чурбанова заговорила, когда подписывала протокол, отметив, что даже «в подписи старалась отцу подражать».

Выводя нетвердой рукой известную всему миру фамилию, Галина Леонидовна сетует:

— Но надо ж, такого мужика посадили. Если бы знали вы, как мне Юрку жалко. Черт с ним, сотрясением мозга. Вот я бы хотела, чтоб он вышел, жил бы как хотел. Но я его в жизни никогда не приму. Пусть возьмет «мерседес», который он безумно любит. Но — чтоб его не видеть!

И вот, придирчиво слушая сбивчивые эти причитания, я поймал себя на неожиданной мысли, что мне тоже жаль Юрия Чурбанова. Знаю, что подставляюсь. Уверен: немногими буду понят. Но! Он был одинок. Да, у него, конечно, тысяча шумных приятелей было. Сестра, брат, заботливые родители.

Однако знакомые Чурбановых-младших вспоминают, что из дома всех троих выпрессовывала именно пристальная опека матери. Которая считала, что вольна распоряжаться не только судьбой каждого из чад, но и карьерой своего супруга, даром что секретарь райкома партии.

Бывшие коллеги среднего брата, Игоря Чурбанова, вспоминают, что (по его, разумеется, словам) Мария Петровна активно вмешивалась в семейную жизнь наследников и якобы именно она «развела Игоря» и «бедолагу Юрку подтолкнула к разводу».

Зато, по логике, второй брак первенца встречен был с одобрением не только в семье невесты. Те, кто посещал апартаменты Чурбановых-старших лет десять назад,

списывают впечатляющий портрет многоорденоносного вождя.

- На самом видном месте.

Хотел бы я знать, где эта живопись сейчас?

Не жалеет ли мать о сногшибательной партии своего сына?

Ведь голубой «мерседес», дачи в Барвихе, генеральские погоны и отдых в Нижней Ореанде бок о бок с первым лицом государства не означают ни счастья, ни душевного покоя, если рядом нет по-настоящему близкой души. Не знаю уж, как в начале 70-х... Но у Галины Брежневой был «близкий друг». И жила она с Юрием неважно. Недружно жила.

С 1975 по 1977 год Чурбанов служит в должности заместителя начальника Главного управления внутренних войск (начальником Политуправления ГУВВ МВД СССР). Но его другая «должность» — высочайшего зятя — помогла ему на новом поприще творить чудеса благотворительности. Секрет этой благотворительности немудрен; поэтому-то я думаю, что именно где-то в среде работников МВД родилась ухмылистая поговорка, стилизованная под Восток: «Не имей сто баранов, а женись, как Чурбанов».

За семь лет (1970—1977) он вырос от подполковника внутренней службы до войскового генерал-лейтенанта.

Мне кажется, что Чурбанов оставил в МВД «добрую память»: одни работники этой системы кляли его на чем свет стоит, другие же уверяли меня, что «Юрка — мужик в общем-то неплохой». Дело в том, что именно ему принадлежит идея создания в органах МВД (именно в органах, а не в войсках) политотделов по армейскому образцу. Цитирую письмо военнотружущаго Ж. Ильязова, полученное мной после одной из публикаций: -

«Если бы это случилось (речь идет о политотделах. — Авт.), то вся милиция, исправительно-трудоуе учреждения, органы МВД были бы выведены из-под контроля местных партийных комитетов как при присной памяти Лаврентии Палыче. Ибо, разъясняя для непосвященных, политотделы в армии — это партийные органы с правами и функциями райкомов и выше, и с местными партийными комитетами они только взаимодействуют. Но кто-то в ЦК вовремя спохватился, и в МВД были созданы усеченные политотделы с культпросвет-и агитпропагандистскими функциями, подотчетные местным партийным комитетам. Еще одна «заслуга» Чурбанова в том, что он протащил

через Совмип решение о повышении на 70 рублей оплаты за специальные офицерские звания в МВД, то есть практически приравнял их к воинским офицерским званиям. Короче, социальная и административная деятельность Щелокова и Чурбанова, отцов застоя и коррупции в МВД, требует еще своего исследователя».

Подобные «исследования» не особенно, по-моему, поощряются. Я часто слышал в высоких кабинетах lamentации насчет «сроков давности». Чего, мол, поминать грешки десятилетней давности.

9 сентября позапрошлого года Чурбанова решением КПК при ЦК КПСС исключили из партии «за злоупотребление служебным положением и взяточничество». Спустя 17 дней лишили — постановлением Совета Министров СССР — воинского звания. Арестовали его в самом начале 1987 года в здании следственной части Прокуратуры СССР. Не удалось ему справить десятилетний юбилей своего триумфа.

1977-й. Брежнев, оставаясь Генсеком, одновременно избирается Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Несколько известных журналистов трудятся на одной из подмосковных дач над последним томом «Ленинского курса». Другие — над первой книгой «нетленной трилогии». И очень скоро местные жители окрестят дачный район, вернее, дачный рай, где живут Брежневы, «Малой землей».

Медупов пышно справляет первую годовщину своего членства в ЦК партии.

Гришин — другой юбилей. (Он стал первым секретарем МГК КПСС в 1967-м, тогда же избран членом Президиума Верховного Совета СССР.)

Рашидов знаменито отмечает шестидесятилетие и получает вторую Звезду Героя Соцтруда.

Экс-зятю Брежневых Милаеву достается дорогой презент. Этим презентом отмечен его четвертьвековой партстаж.

Ну и Чурбанов, дело ясное, не забыт. К октябрьским праздникам он получает два подарка: звание генерал-лейтенанта (накануне) и пост заместителя министра внутренних дел (после).

И все-таки он неуютно, думаю, чувствовал себя в Москве. Ему, как многие об этом рассказывали, постоянно давали понять: парень, ты куплен, так что сиди и не дергайся. Не знаю, попрекала ли Галина его «Мерседесом-280SE» (подарен в 1979 году), но то, что во время

семейных ссор громогласно провозглашалось: «Не забывай, чья это дача (мебель, картины, гараж, квартира)», вспоминают многие.

Поэтому-то, я думаю, Чурбанов и пускался во все тяжкие, вырываясь из Москвы в столь обожаемые им инспекционные круизы. Там он был богоравным. Был Большим Человеком. Там можно было по поводу и без оно-го многозначительно пробросить: «Надо бы поговорить об этом с Леонидом Ильичом», и снисходительно улыбнуться, заметив, как *струнутся* собеседники.

Об одном из этих визитов подробный разговор велся во время «чурбановского процесса».

Приговор известен. Однако не всем известно, что сам Чурбанов в 1987 году уже побывал в здании Верховного суда СССР и участвовал в судебном следствии как свидетель по делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома Компартии Узбекистана (а затем — заместителя министра мелиорации республики) А. Каримова. Тогда, в мае 1987 года, суд приговорил Каримова к исключительной мере наказания. Тем не менее экс-секретарь был в обойме свидетелей на процессе Чурбанова и других «сановников» из органов МВД.

«Подвергнуть наказанию: смертной казни с конфискацией имущества... Приговор окончательный, обжалованию и опротестованию не подлежит...» Это строки из приговора Каримова.

Еще до первой встречи с ним я заготовил несколько заголовков. И все в одном ключе, типа: «Репортаж из камеры смертников» или «Монолог приговоренного к расстрелу»... Но чем больше я беседовал с этим человеком, тем чаще ловил себя на мысли, что ни облик его, ни поведение не соответствуют моему представлению о том, кто («по совокупности совершенных преступлений») о́крещен безысходным словом — «смертник».

Интерьер следственного изолятора, именуемого в московском просторечье «Матросская Тишина», резко контрастировал с коврово-кожаной роскошью былых апартаментов первого лица одной из богатейших областей страны. Однако в умении держать себя его обитателю отказать невозможно. И даже лыжная шапочка с бравой надписью «Спорт» не выглядела на этом немолодом, невысоком мужчине нелепо.

Двадцать лет неволи особого режима. Вместо смертной казни. Так был изменен приговор Верховного

суда СССР специальным постановлением Президиума Верховного Совета страны.

Десять месяцев в «одиночке» — камере смертников. Свиданий не положено. Два шага вперед. Два назад. Ждать. Вспоминать. Надеяться...

Кажется, свинцовое ожидание вытравливает из приговоренного все обычные человеческие желания и прежние амбиции, старые обиды и томную тягу к реваншу. Все. За исключением острой до болезненности надежды. Возможно, так оно и есть... Просто к моменту нашего первого свидания (после начала «чурбановского процесса») помилованный уже свыкся с мыслью, что жить будет. И будет — а почему бы и нет? — так или иначе работать...

«Мой стиль работы отличается от стиля других». Это едва ли не первая фраза, услышанная мной от Каримова. Воспоминания. С мемуарным привкусом...

В аресте члена республиканского ЦК Каримова (он был выведен из состава ЦК КП Узбекистана лишь через два месяца после ареста) принимало участие три опергруппы. Они стягивались сюда с разных сторон. Из Самарканда, Ташкента.

Основную опергруппу возглавлял следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Николай Вениаминович Иванов.

Брали Каримова во время его блиц-командировки в Карши. Иванову запомнилось, что вылетел он туда спешно, в одной рубашке, и здорово продрог. Содной стороны, в августе месяце мудрено озябнуть здесь, где даже дети до осени спят без одеял. С другой — неподалеку бьется прохладная речка, и от нее тянет кисловатой сыростью. А может, Иванова знобило от волнения? Ведь, как-никак, арест фигуры такого масштаба тогда, летом 1984 года, было делом предезким. Или все же он продрог потому, что всю ночь пришлось ждать в засаде?

Вновь испеченный замминистра Каримов, согласно сложившейся «доброй традиции», долго и обильно отмечал свое сановное прибытие в уютном «гостевом домике» министерства.

Такие роскошные загородные дачи (в отличие от спецдач в черте города) строились именно для гулянок. Подальше от любопытных глаз и случайных свидетелей бурного и по-средневековому пышного времяпрепровождения руководителей республики, в которой на излете XX века выхватывал жизнь за жизнью брюшной тиф,

в которой десятилетних уборщиков хлопка истязали мордастые надсмотрщики, а во многих районах умирало больше половины повзрожденных.

В толстостенных «домиках», устланных неброскими, но очень дорогими коврами ручной работы, по-байски основательно наедались пловом и шашлыком «вожди» областей и республики, где приходились по 6—8 килограммов мяса в год на среднестатистическую душу населения, то есть вчетверо меньше, нежели в беднейших европейских странах.

За плотно занавешенными окнами темных и просторных спален на изолированных мансардах развесело предавались нехорошим пьяным утехам ответственные работники края, где случаи самоожжения униженных молодых женщин стали делом обычным (только за первое полугодие 1988 г. в одной Сурхандарьинской области подожгли себя 16 девушек). Здесь, на этих же шикарных ложах, устланных расшитыми одеялами, отсыпались затем государственные мужи, в то время когда тысячи и тысячи их малолетних сограждан проводили быстротечные — вставать ни свет ни заря! — ночи на курпачах, тастеленных прямо на холодных глиняных полах...

Проводили, отсыпались, наедались, истязали, строили. Стоит ли замыкаться на прошедшем времени?

Наверное, стоит, потому что «мы ждем перемен, в нашем смехе, и в наших сердцах, и в пульсации вен — перемен!». И еще потому, что нет у меня права разбрасываться подозрениями, не имея под рукой доказательств, прошедших через судебное следствие. Все-таки презумпция невиновности не должна быть просто словосочетанием...

Я хочу верить, что пришедших на смену не подомнет под себя система, которая сложилась и утвердилась.

На вгиковском фестивале 1988 года Никита Михалков, помню, рассказал своим начинающим коллегам веселую притчу. Кажется, древнекитайскую.

Провинившегося крестьянина привязали к кривому дереву на самом краю смердящего болота. Проходивший мимо сердобольный монах, увидав, что исхудалое тело несчастного жадно облеплено кровососущими тварями, проворно согнал стаю moskitov и слепней, но очнувшийся крестьянин неожиданно обрушил на него горестный поток брани.

— Как? — изумился добрый странник подобной не-

благодарности. — Ты ругаешь меня за то, что я облегчил твои страдания?

— Глупец! — ответил ему наказанный. — Эти-то были сытые, ты уйдешь, и прилетят новые...

Надеюсь, что радикальные кадровые встряски не окажутся вещью в себе, а повлекут за собой и разлад всего оформившегося механизма тотальной коррупции. Но, полагаю, необходимо изменить и моральный климат, вернуть веру в справедливость добра. Уроки рашидовщины, брежневщины так просто не забыть, от этого «наследия» только лишь решениями пленумов, какими бы мудрыми они ни были, не отмахнешься.

В конце концов, тот же Каримов — человек явно не без способностей, а главное, он по-прежнему убежден, что жил «почти» правильно. Ну, перегнул где-то палку. Или просто попал, что называется, под колесо. Так, мол, сложилось, что ушное следствие вышло именно на него.

...Хмельные и сытые гости разъехались поздно ночью, если не сказать — рано утром. По всем дорогам вокруг «дачки» расположились наблюдательные посты. По рации передавали друг другу информацию: уехал такой-то, прошла такая-то машина. Наконец в доме погас свет.

Решили немного подождать. Конечно, будить важную персону неудобно, но первый рейс на Ташкент в седьмом часу, и оперативники рассчитали так: взять Каримова и напрямик в аэропорт, чтобы — как знать? — не связываться с погоней.

Без четверти шесть Иванов вызвал из будки бодрствующего сторожа и, уверенно бросив какую-то дежурную фразу насчет «личного пакета для товарища Каримова», протиснулся с двумя работниками КГБ в «домик».

Еще один оперативник зашел в будку — «развлечь» сторожа болтовней. Начал сетовать, что вот, мол, начальство из Ташкента привез с пакетом для замминистра. «Возишь их, возишь, по ночам им не спится с их пакетами». В это время Иванов постучал в дверь...

Непротрезвевшему Каримову надели наручники. Потом, правда, их пришлось снять, поскольку Абдувахиду Каримовичу надо было одеться. Не в трусах же везти в Ташкент заместителя министра.

Спустя некоторое время Иванов и двое оперативников провели Каримова к подъехавшей машине, стараясь, чтобы хитрый сторож не заметил «браслеты» на запястьях важного постояльца.

Все-таки опытный страж вельможного покоя что-то

заподозрил и, не откладывая в долгий ящик, сообщил «куда надо» о похищении Каримова. Пока там «принимали меры», оповещали ГАИ, группа уже расположилась на первых креслах самолета...

Когда на вытянутых смуглых руках защелкнулись холодные наручники, Каримов без гнева, сонно спросил:

— За что?

Едва не улыбнувшись такой «святой наивности», следователь Иванов качнул головой:

— Вы же сами знаете...

Причем укор, прозвучавший в реплике следователя, сродни тем отстраненным интонациям, с которыми классный руководитель (кстати, Николай Вениаминович и солидными очками, и академической речью напоминает учителя) отчитывает нашкодившего хулигана, высадившего очередное стекло — знает, что вызывая родителей, не вызывай, отбирай рогатку или нет, все одно: толку не будет, пока в семье нелады... «В нашей семье каждый делает что-то, но никто не знает, что же делают рядом».

Каримов риторических вопросов тем августовским утром более не задавал. А все потому, наверное, что для себя бетонно решил: раз допустили арест такой важной фигуры, как он, значит, на этот счет «есть мнение». Его-де, посоветовавшись, продали «свои». Отдали, вернее. Значит, надо дисциплинированно смириться. Он не привык идти поперек «генеральной линии».

«Генеральной линией» позднего застоя были обильные пирушества с приезжими кураторами и вручение им разномастных памятных подарков в мятых газетных свертках. В свертках, поскольку никакие конверты не вмещают столь объемные пачки сотенных купюр (вручить мзду мелкими банкнотами означает проявить неуважение к одариваемому — здесь свой кодекс чести!).

«Светлейший зять» Юрий Чурбанов отправился с инспекционным вояжем в небольшой городок Газли, пострадавший от землетрясения.

Власти предрежающие пользовались такими «удачными», с их точки зрения, моментами, как масштабные стихийные бедствия, для того, чтобы погреть руки «на интернациональной помощи пострадавшим». Деньги, предназначенные государством для оставшихся без крова, нередко шли на возведение все новых и новых помпезных особняков, в сметах застенчиво именуемых «профилакториями» или (если речь шла о миллионах) «комплексами охотохозяйств в заповедной зоне».

Сиятельный зам. Щелокова, сам воздвигший на даче у своей супруги Галины Леонидовны Брежневой «вспомогательный объект» за счет МВД СССР, неплохо, надо думать, знал эту келейно-хозяйственную кухню.

...Прямо к трапу авиалайнера подкатил поблескивающий кортеж. «Персоновозы» цвета хлопковой белизны (лимузины цвета воронова крыла здесь не котируются — солнце!) отправились, по приказу Чурбанова, напрямик в Газли.

Первым делом высокие гости ознакомились с ассортиментом местных магазинов. Обнаружив в одном из них полное отсутствие сигарет, Чурбанов, недобро улыбаясь, с едкими интонациями поинтересовался у хозяина области Каримова — ведает ли, мол, тот о нуждах народных? После чего в присутствии всей пышной свиты сердито отчитал побледневшего секретаря как нашкодившего мальчишку.

В другом магазине разыгралась сцена более шумная.

Красавец генерал, гренадерский рост, парадный мундир с дубовыми листьями в петлицах и мужественный профиль которого гипнотизировали дам независимо от их возраста, социального статуса и национальности, сочувственно хмурия темные бархатные брови, очень демократично приблизился к стайке случайных покупательниц, испуганно сбившихся у кассы и с провинциальным любопытством рассматривавших чинную группу.

Хорошо поставленным голосом бывшего комсомольского функционера Юрий Михайлович заботливо осведомился у застенчивых женщин относительно снабжения.

Ну, тут их просто-таки прорвало. Робя поначалу и искоса поглядывая на вытянувшихся в струнку вождей местного масштаба, они рассказывали участливо кивающему красавцу в погонах о своих житейских проблемах: долгих, как караванный путь, перебоях с мясом, о том, о сем и дали основательный повод Чурбанову надменно прочитать «бухарскому хану» гневное нравоучение.

Надо сказать, что контрастная резкость тона и изысканная крутизна начальственных выражений произвели на присутствующих при этой сцене соратников Каримова то самое впечатление, которое принято обозначать как неизгладимое.

Сглаживаются такие неприятные эксцессы, как известно, проявлением радушия и гостеприимства, кульминацией коих здесь считается позднее и по-восточному

роскошное застолье, с обильными возлияниями и помпезным чествованием «виновника торжества».

Учитывая высокий ранг нынешних гостей, Каримов велел организовать на «Красной даче» (которая формально числилась за облисполкомом) прием по высшему разряду. Этот разряд подразумевает самую обширную палитру приятностей.

Хотя, если на то пошло, Абдувахид Каримович, не без осознания своей высшей партийной чести, рассказывал мне, что он-де постоянно и категорически возражал против стандартного включения в обойму предоставляемых визитерам удовольствий казенных жепских ласк за государственный счет.

Неизвестно, уж как там было в тот вечер на «Красной», но кое-что следствие установило вполне определенно. Воспользовавшись деликатным моментом, когда отяжелевший зять Брежнева неровной походкой вышел из шпкарного зала и отправился, что называется, освежиться, Каримов подстерег его на обратном пути. Сладко улыбаясь и часто-часто говоря что-то о местных обычаях, он вкрадчивым и осторожным жестом переправил заранее подготовленный сверток с деньгами в карман форменного кителя «самого дорогого из гостей».

Московский гость, лукаво улыбался и сытно щурясь, прервал горячие словоизлияния «нового эмира» («Вы уж не обессудьте, в знак уважения, у нас так принято») дружеским похлопыванием по плечу:

— Ну ладно, секретарь, никому в Москве не расскажу.

Юрий Михайлович любил, говорят, пофамильярничать да покуражиться.

Правда, когда этот эпизод рассматривался на «чурбановском процессе» (в первых числах ноября 1988 года), Чурбанов, не отрицая сам факт получения 10 тысяч на «Красной даче», заявил, что не отпускал в лицо первому секретарю обкома снисходительные реплики.

А сам Каримов, кстати, «вспомнил», что деньги решил преподнести любимцу тогдашнего Генсека в основном с подачи своего шефа, Рашидова, который рекомендовал «принять гостя хорошо». Что такой оборот означал в рашидовском лексиконе, расшифровывать, полагаю, не надо.

...1980-й. Раскручивается бронированный маховик афганской кампании. Сын министра внутренних дел Игорь Щелоков получает в подарок «мерседес-бенц», подаренный фирмой министерству. Гремит гимн помпезной,

как ей и положено, Олимпиады. И Юрий Михайлович Чурбанов таинственным образом, без лишнего шума, становится лауреатом Государственной премии СССР — за «успешное проведение Олимпийских игр в Москве».

А до этого, в феврале, его назначают первым замом Щелокова.

Теперь уже первым!

Для Чурбанова — и тому есть доказательства в уголовном деле — это бурные дни. Недели торжественно обставленных запоев. Особенно во время инспекционных вояжей по периферии его обширных владений системы МВД. Тем не менее патрон характеризует своего первого зама самым лучшим образом именно в этот период — ведь Щелоковы и Брежневы дружили домами.

Чурбанов не отстаёт, конечно, от своего дружка Игоря — получает в 1980-м очередной автомобиль. На этот раз матово поблескивающий «ниссан-президент» (Япония). И сам преподносит своему шефу непростой подарок.

Цитирую документы.

«В ходе следствия обвиняемый Калинин В. А.* показал, что в ноябре 1980 года по указанию Щелокова он отобрал в государственном хранилище Министерства финансов СССР золотые карманные часы «Налпако» с бортовой золотой цепью общей стоимостью 4 тысячи рублей. В том же месяце эти часы были закуплены МВД СССР через магазин «Самоцветы», а 26 ноября 1980 года Чурбанов Ю. М. вручил их Щелокову Н. А. в качестве подарка.

Калинин также показал, что врученные Щелокову часы были списаны по фиктивному акту, в котором указывалось о передаче их Генеральному секретарю ЦК КПЧ Густаву Гусаку в качестве подарка от МВД СССР. В действительности часы Г. Гусаку не передавались.

Фиктивный акт, на который сослался Калинин, изъят в материалах спецгруппы и приобщен к уголовному делу. Акт 28 декабря 1980 года утвержден Чурбановым Ю. М.

Щелоков подтвердил факт получения золотых часов от Чурбанова и объяснил, что передал их другому лицу, имя которого называть не считает удобным. Вместе с тем Щелоков заявил, что о передаче золотых карманных часов тов. Гусаку Г. ему ничего не известно и акт, утвержденный Чурбановым, он увидел впервые на допросе».

...С именем Николая Щелокова всегда были сопряже-

* Бывший начальник ХОЗУ МВД СССР, ныне осужден.

пы те или иные слухи. Во второй половине 60-х годов о нем заговорили как о «руководителе новой формации», «нестандартно мыслящем министре». Начиная с ноября 1977 года фамилия министра и безобидное словцо «зятек», дело ясное, стали соседствовать уже в другом контексте: Щелоков стал непосредственным шефом Ю. Чурбанова.

Следующая волна слухов была связана с женой Щелокова. Поговаривали, что Светлана Владимировна стреляла из мужниного пистолета в Ю. В. Андропова, начавшего бескомпромиссную чистку коррумпированного аппарата МВД с самого вельможного верха. Эта беспочвенная молва распространялась синхронно с вполне достоверными сообщениями о самоубийстве.

...19 февраля 1983 года С. В. Щелокова выстрелила себе в голову из небольшого подарочного пистолета, именуемого на профессиональном жаргоне криминалистов «солянкой»: боек от одного пистолета, корпус от другого, ствол от третьего. А в конце следующего года стало известно о «таинственном выстреле», оборвавшем жизнь некогда блестящего министра. Четыре года спустя, в конце 1988, его имя всплыло вновь — во время подробных слушаний по так называемому «делу Чурбанова».

И конечно, осенью 1988 года фамилия Щелокова звучала в здании Верховного суда СССР в таком склонении, о котором никто, наверное, не мог предположить двадцать лет назад, когда Николай Анисимович стал членом ЦК КПСС (кандидатом был с 1966 года, депутатом ВС СССР — с 1954-го). Не потому ли по Москве тогда вновь покатали противоречивые разговорчики?

Следственные документы уголовного дела в отношении экс-министра многое, полагаю, прояснят:

«Щелокову переданы (кстати, в те же дни, когда Чурбанов получил от Каримова взятку на «Красной даче». — Авт.) антикварные ценности на сумму 248,8 тысячи рублей, являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу валютчика Акопяна М. С. Первоначально уникальные шкафчики из наборного дерева, картины, кресла, большая часть изделий из фарфора и серебра были поставлены на госдачу № 8 в Серебряном Бору. Некоторые антикварные ценности: скульптурная фигура «Бегемот» из нефрита с золотыми стопами (ориентировочная цена 15 тысяч рублей), стакан из камня нефрит, печатка в виде пасхального яйца, фарфоровая группа «Бегство Наполеона из России» и 9 различных

предметов из серебра — на общую сумму 4² тысячи рублей, — были переданы непосредственно Щелокову и хранились у него в комнате отдыха при служебном кабинете. В ноябре 1979 года по распоряжению Щелокова Н. А. все указанные ценности с дачи и из комнаты отдыха перевезены на служебную квартиру на улице Герцена... В дальнейшем многие предметы, как имеющие высокую художественную ценность, переданы в музей Кремля, Останкинский дворец-музей и другие музеи».

Но это, по-моему, лишь характерная деталь, составляющая общего фона, на котором разворачивались процессы, нет, отнюдь не судебные, а государственного масштаба.

Узбекский коллега Щелокова — генерал Яхъяев, — сидевший вместе с Чурбановым на скамье подсудимых, в своих показаниях так охарактеризовал положение, сложившееся внутри правоохранительных органов, когда МВД возглавлял Щелоков: «Если по вопросам борьбы с общеуголовной преступностью никто не чинил препятствий в работе, то борьбу с должностными преступлениями тормозили, как могли. Привлечение к ответственности номенклатурных работников из партийных, советских, хозяйственных органов нарушало благополучную обстановку, которую хотелось видеть повсеместно. Поэтому подразделения на местах ориентировали на то, чтобы как можно меньше привлекались ответственные работники, чтобы все, по возможности, сглаживалось, затушевывалось, уходило в архивы. Нам даже запретили получать информацию на скомпрометировавших себя лиц из партийно-советских органов, чтобы даже в документах все выглядело благополучным. Справедливость моих слов подтвердит любой руководящий работник системы органов внутренних дел... Появились неприкосновенные лица, которые ни при каких обстоятельствах не принадлежали привлечению к уголовной ответственности, если они были номенклатурными работниками. В среде этих лиц укоренилось чувство безнаказанности, это приводило ко все большим масштабам совершаемых преступлений, вовлечению все большего числа лиц во взяточничество, хищения, обман государства. Зарождающиеся в районах преступные группы входили в преступную связь с областными руководящими работниками, а затем и с республиканскими. Все эти силы поддерживали друг друга от разоблачения».

Именно Щелоков своим настойчивым примером приучал свою «королевскую рать» не замечать коррупции,

учил насмешливому ремеслу смотреть невидящими глазами на проституцию, наркоманию, прочие социальные недуги. И тренировал подопечных, как вписывать пластилинковую статистику в парадно-кумачовую панораму «развитого социализма». Именно он своими образцово-показушными «докладами наверх» намекал своему аппарату на удобный стиль работы. Именно министр превратил милицию в глухо закрытую для критики зону. Впрочем, так же, как и исправительные учреждения.

Но как бы то ни было, Щелокова большинство из его бывших коллег, с которыми я встречался, характеризовали как работоспособного, грамотного человека, умеющего организовать дело.

Из Молдавии, где он до назначения на пост союзного министра работал вторым секретарем республиканского ЦК, потянулся было пряный шлейф недобрых слухов, но на фоне участливого обаяния Николая Анисимовича все эти толки быстро растаяли. Он стал министром в 1966 году, а в марте следующего года нашел себе талантливого помощника, так называемого «спичрайтера». Им стал будущий создатель Академии МВД СССР Сергей Михайлович Крылов. (От которого Щелоков затем предательски отказался, умыв руки во время злобной травли честного специалиста, организованной Чурбановым, и тем самым подтолкнул его к трагическому самоубийству в 1979 году.)

Щелоков первое время, говорят, вел себя довольно-таки скромно и стал пользоваться большим уважением и авторитетом у подчиненных (за счет умелого использования Крылова?). Позднее стали отчетливо проявляться хищные черты его раздвоенного характера: хваткое стяжательство и столь привычная для тех лет беспринципность. Это, пожалуй, был типичный руководитель брежневской эпохи, со всеми присущими «годам застолья» качествами. Ни для кого в министерстве не было секретом, что Щелоков стал министром по личной инициативе своего приятеля Брежнева, что между их семьями поддерживались доверительные отношения, даже жили они в одном доме.

В своей бурной деятельности удачливый министр соблюдал правила брежневско-сусловской игры, старался не омрачать общей фанфарной картины парадности и притворного благополучия, жестко и расчетливо ориентировал на это подчиненных. В то же время он, хотя бы за счет того, что давал развернуться таким, как Крылов,

немало сделал для развития и укрепления органов внутренних дел страны. Однако беда в том, что не сумел бывалый аппаратчик сладить со стяжательскими тенденциями. Постепенно они все более нахально проявлялись в его характере, и это привело к кадровому разложению всей системы МВД.

Из показаний вышеупомянутого бывшего министра МВД Узбекистана Яхьяева, данных во время следствия: «Поближе я познакомился с Щелоковым в 1968 году, когда он по делам выезжал в Казахстан и заезжал в Ташкент. Человек он был общительный, немало рассказывал о себе, и мы сошлись... Тогда Щелоков попросил меня посылать ему в Москву посылки со свежими овощами и фруктами. Отказать ему я не мог, и с того времени по несколько раз в год ему посылались посылки... Стоимость их небольшая, поэтому я не считаю их взятками, и тогда он не считал так, кроме того, стоимость их я не оплачивал, это делали подчиненные. Но Щелоков ни разу не сделал попытки что-либо оплатить или даже завести разговор об этом».

...Из показаний бывшего сотрудника МВД Армянской ССР, которые приобщены к «щелоковскому делу», видно, что в 1971 году, находясь в Ереване, Щелоков предложил министру внутренних дел республики приобрести понравившуюся ему картину известного живописца Мартироса Сарьяна «Полевые цветы» и отправить ее в Москву. В том же году это полотно было приобретено за 10 тысяч рублей (из средств МВД) и вручено Щелокову. (Факт приобретения картины МВД республики за указанную цену подтверждается приобщенным к делу договором, а также объяснениями бывшего заместителя внутренних дел Армении.) В августе 1973 года журнал «Советская милиция» поместил небольшую репродукцию картины «Полевые цветы» и мажорную статью о творчестве Сарьяна, указав, что картина подарена талантливым художником МВД СССР и находится в... фондах Центрального музея МВД. (Согласно справке главного редактора, также приобщенной к делу, публикация произведена по указанию Щелокова.) Картина в музей, увы, не попала. Все картины, в том числе и «Полевые цветы», были вывезены на личную дачу семьи Щелоковых в поселке Болшево.

Любовь к искусству проявлялась у министра не только в дружбе с известными писателями, публицистами, живописцами, режиссерами и поэтами. Он и сам, оказывается, готов был выступить в роли... актера.

В 1980-м киноотдел МВД СССР приступил по указанию Щелокова к созданию двухсерийного кинофильма «Страницы жизни» об этапах его жизненного пути. Ревизионной проверкой установлено, что затраты на создание фильма составили свыше 50 тысяч рублей. (Кстати, в первоначальном варианте эта лента называлась еще помпезнее — «Товарищ генерал».)

Вообще, казенные деньги министр не считал. Сорил ими, как хотел. По личному указанию Щелокова во ВНИИ МВД СССР был зачислен в качестве лаборанта некто Е. Ю. А. За ним был закреплен легковой автомобиль «Жигули». Фактически, как оказалось, этот человек выполнял обязанности персонального массажиста в семье Щелокова. За что и поощрялся. Все в том же 1980 году по инициативе и указанию Щелокова массажисту выделена двухкомнатная квартира в хорошем доме.

«Гр-ке Г., оформленной в КДС ХОЗУ МВД СССР слесарем-ремонтником 6-го разряда, с 1978 по 1982 год незаконно выплачено свыше 8 тысяч рублей государственных средств. В действительности она никаких обязанностей не выполняла, а деньги получала за то, что являлась домработницей в семье дочери Щелокова».

С августа 1980 года по январь 1983 года был обеспечен бесплатным проживанием на служебной даче некий А. Л. Н., как выяснилось, выполнявший личные поручения министра. Этот человек писал диссертацию для одной из родственниц Щелокова. В октябре 1982 года приказом Щелокова он был зачислен на службу в МВД СССР. Одновременно ему было присвоено звание «полковник милиции».

Так что не только министров республиканского масштаба привечал Николай Анисимович.

Тех, с кем сходилась нравом, Щелоков — брежневский стиль! — стойко прикрывал, а тех, кто его чем-либо раздражал, допустим, своей принципиальностью, спокойно и не без злорадства предавал масштабным гонениям. Так было, например, с известным полковником Анатолием Федоровичем Базилевичем, который, невзирая на предостережения придворных доброжелателей, зашел в своем расследовании слишком далеко и нащупал четкие ниточки вертикальной коррупции, ведущие прямоком к тогдашнему первому секретарю ЦК КП Молдавии Бодюлу. Хотя отважного офицера министр знал лично и даже как-то благожелательно выслушал от него на приеме все подробности кулуарного давления на «зарвавшееся» след-

стве, он не считал тем не менее возможным вступить за своего, впоследствии растоптанного, подчиненного. Мизинцем не пошевелил, чтобы выручить полковника, когда того засадили за решетку.

Его, сиятельного чиновника, приближенного ко двору, больше занимал брежневский круговорот барабанных докладов и пышных празднований по всякому поводу.

С заместителем Генерального прокурора СССР В. В. Найденовым расправились тоже не без ведома высококоранжированного окружения тогдашнего министра внутренних дел. Виктора Васильевича для начала пытались обработать на одной из закрытых сочинских дач. «Партнеры по общему делу» — Медунов и Чурбанов. Последний проводил тогда в Сочи странное совещание работников МВД СССР, которое и создано-то было, видимо, лишь с целью придушить развернувшееся в ту пору «краснодарское дело»...

«Мы привели юридические нормы в соответствие с новым уровнем, достигнутым нашим обществом», — торжественно и с расстановкой объявил с трибуны XXV съезда партии многозвездный Генсек.

Новый уровень. Начало 1976 года. «Юридические нормы — в соответствие». Не успели высохнуть чернила под приговором Верховного суда СССР в отношении (бывшего) Председателя Совмина Узбекистана Курбанова, а подпись Брежнева украшает указ о его помиловании. По всей стране любые робкие попытки работников прокуратуры привлечь к ответственности провинившихся сановников наталкиваются на иезуитские сетования по поводу «возрождения традиций тридцать седьмого года». (Это был один из тезисов Медунова, кстати.) Так сталинские наследники пугали кровавым призраком НКВД лютаргически беспечную общественность, которой в те-то годы, честно говоря, немного было надо, чтобы окончательно зашорить сонные глаза. Затупить недовольное бурчание. И вытворять потихоньку все, что угодно. Расправляться со строптивцами. Воровать. И воровать так, чтобы внукам хватило и правнуки добрым словом попомнили.

«Квартира в доме по улице Герцена использовалась для временного проживания знакомых Щелокова Н. А. и хранения его личного имущества. Расходы по содержанию этой квартиры за счет дачной службы составили 34,6 тысячи рублей».

Еще одна такая же квартира в доме по улице Павла

Корчагина предназначалась для отселения бывшего мужа дочери Щелокова.

В качестве служебной в 1980 году (я намеренно подбирал факты «вокруг» этого года) была оформлена и квартира тещи сына министра.

Я уже упоминал, что в 1972-м по указанию Щелокова якобы для обслуживания оперативного состава был открыт потайной филиал универмага Мосгарнизона. Все как положено. Продавцы. Покупатели. И. тех, и других — немного. Фактически этим магазином пользовались только члены семьи и родственники Щелокова. Согласно сердечной (в духе времени!) договоренности Щелокова с руководством Министерства внешней торговли СССР (напомню, что заместителем министра ВТ служил сын генсека Юрий Брежнев) и внешнеторговых объединений «Разноэкспорт» и «Центросоюз» в магазине ритмично, не то, что в ГУМ, поступали импортные (!) товары повышенного спроса: западногерманские магнитофоны, японские телевизоры, другая радиоаппаратура, югославские дубленки, австрийская обувь, финские плащи и прочая одежда.

Заведующая магазином показала на допросе, что со времени открытия невиданного магазина она занималась обслуживанием *только* членов семьи бывшего министра и его родственников. Отбор товаров в «Разноэкспорте» производился, как правило, женой Щелокова, его невесткой, дочерью, после чего товар немедленно доставлялся в магазин.

Работники «Разноэкспорта» вспоминают, что жена садового министра, его бойкая невестка и дочь Ирина на закрытых складах объединения придирчиво производили отбор самых лучших образцов товаров. Причем лишь престижных иностранных фирм. И — «в значительных количествах».

Кроме членов семьи, родственников брежневского ви-
зиря и прибывших с ним лиц, всем другим вход в уютное помещение дачной службы, где располагался таинственный магазин, был строжайше запрещен. О существовании этой лавочки знал узкий круг доверенных лиц. «Калинин пояснил, что при выезде на отдых в Пицунду невестка Щелокова — Нонна брала в магазине, как он полагает — для продажи, большие партии промышленных товаров». В одной из едких своих миниатюр Михаил Жванецкий замечал, что мы из-за тотального дефицита просто вынуждены всего хапать по четыре, по шесть, по восемь.

Выходит, у Нонны те же проблемы? Или действительно прав бывший завхоз министерства — родственница министра-фаворита не брезговала элементарной спекуляцией? Бояться-то, кроме как гнева своего свекра, нечего было.

Есть такая поговорочка: лучше быть богатым и здоровым, чем бедным, но больным. Ох, уверен, не божжи ее придумали! Сытая, пахальная присказка. Плутократия. Власть богачей.

«Осмотром дач установлено, что они представляют собой многокомнатные капитальные строения, на приусадебных участках имеются благоустроенные гаражи, бани, другие надворные постройки.

Дача в Редкине состоит из кирпичного жилого дома, таких же гаража и бани, расположенных на земельном участке 0,12 гектара.

Дача в Болшеве, согласно данным бюро технической инвентаризации, расположена на земельном участке 1,2 тысячи квадратных метров, представляет собой двухэтажное строение из кирпича-монолита, состоит из пяти жилых комнат и подсобных помещений, кирпичной бани и гаража с пристройкой к нему другого жилого помещения из двух комнат, веранды, кухни и подсобных помещений. Стоимость ее на время приобретения у гр-на Горовца в 1973 году составляла 14 405 рублей; куплена дача, согласно договору купли-продажи от 22 января 1973 года, за 20 тысяч рублей. На май 1983 года дача с пристройками оценена в 62 660 рублей».

По показаниям Калипина, дача куплена у эмигрировавшего за границу артиста эстрады Горовца за 200 тысяч рублей; ее ремонт и реконструкция в последние годы произведены за счет средств МВД СССР.

Обстоятельства приобретения этих дач, а также находящегося в них дорогостоящего имущества полностью выяснить не представилось возможным в связи со смертью супругов Щелоковых Н. А. и С. В.

В поселке Николина Гора возведены фундамент и стены из кирпича, гараж, баня. На укладку фундамента использованы свыше 70 бетонных блоков, похищенных Воробьевым в МВД, общей стоимостью 3400 рублей. На строительство дачи осенью 1982 года завезено с Ярославского кирпичного завода 34,2 тысячи штук кирпича, стоимость которого в сумме 5,8 тысячи рублей оплачена, по указаниям из приемной министра, УВД Ярославского облисполкома.

(Чурбанов на своей даче тоже кое-что построил за счет министерства.)

1981-й. Накануне своего сорокапятилетия Чурбанов получает очередной подарок. Ему присвоено воинское звание «генерал-полковник».

1982-й. Закончены съемки фильма «Страницы жизни». Кончина «верного ленинца» и писателя-лауреата Л. И. Брежнева.

1983-й. По инициативе нового Генерального — Ю. В. Андропова в стране активизируется работа органов КГБ и Прокуратуры. Группа следователя Т. Гдляна начинает работу в Бухаре.

1984-й. Имя Чурбанова проскальзывает параллельно в трех уголовных делах: «трегубовском», «узбекском» и «деле Калинина». К своему дню рождения он получает пренеприятнейший «подарок» — его освобождают от должности первого зама. Незадолго до отстранения, в августе, он (с облегчением?) узнает о самоубийстве министра внутренних дел Узбекистана К. Эргашева. В конце года сведет счеты с жизнью и другой министр, Н. Щелоков.

Справка: Щелоков Н. А. 13 декабря 1984 года покончил жизнь самоубийством. В связи с этим постановлением от 25 ноября 1987 года уголовное дело в отношении его прекращено на основании ст. 5, п. 8 УПК РСФСР.

Тем зимним утром экс-министру позвонили из наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР и предложили сдать обратно правительственные награды. Щелоков пригласил звонивших домой к 15 часам того же дня. Затем побрился, оделся в парадную форму (Щелоков был лишен звания генерала армии и исключен из КПСС в ноябре 1984 года), выпил кофе. И за два часа до запланированной встречи выстрелил себе в голову из охотничьего карабина...

Кто знает, как бы он повел себя после пеминуемого ареста? Хотя... почему — неминуемого? У власти в ту пору был уже К. У. Черненко, с которым верный брежневцев Щелоков сработался еще в Молдавии. Куда бы ветер подул?

Весь 1985 год Юрий Михайлович бурно «заливает горе». Заместитель начальника Главного управления внутренних войск постоянно «является на службу в нетрезвом состоянии». Не стану пересказывать сценки, описанные мне его бывшими коллегами, слишком банально и некрасиво.

В августе 1986-го Чурбанова освободили от его очеред-

ной должности, а спустя пару недель отправили на пенсию, уволив из органов МВД СССР.

Суд над Чурбановым и К° начался 5 сентября, а завершился 30 декабря прошлого года.

Многим казалось, что этот долгий процесс непременно проскандалит запретными именами и неслыханными деталями. Напряженно ждали сенсаций. И без сенсаций не обошлось.

Меня не удивляли газетные выступления накануне «процесса года». Подсудимых взахлеб награждали яростными эпитетами. (Слишком долго не давали писать правду о «неприкасаемых»). Дружно пелась восторженная «осанна» следователям Гдлян и Иванову — так ведь они, на мой взгляд, заслужили похвалу.

Но вот что удивительно: те же самые газеты (не все, конечно) после приговора стеснительно оценивали ситуацию, руководствуясь, очевидно, принципом «ни нашим — ни вашим».

Впрочем, я не совсем прав. Были, были публикации с четко определенной, торжествующе-наступательной позицией.

«Как выяснилось, следствие располагало и другими фактами преступной деятельности Яхъяева, в их числе произвол и беззаконие в отношении ряда граждан. Трудно найти объяснение, почему эти факты обойдены вниманием следствия. Может быть, у следствия не хватило времени, чтобы надлежащим образом исследовать и, как этого требует закон, подтвердить все то, что было вменено обвиняемым? Времени было предостаточно... В чем же дело? Ответ однозначен. Недостаточный профессионализм следователей, отсутствие надлежащего контроля и действенного прокурорского надзора за их работой. Отсюда уверенность в безнаказанности и вседозволенности. В приговоре суд зафиксировал грубые нарушения закона, допущенные при расследовании данного дела. В связи с этим хочу бросить упрек прокурору, государственному обвинителю по данному делу», — негодует заслуженный юрист РСФСР О. Темушкин на страницах популярного еженедельника, назвавшего Гдльяна в апреле 1988 года «человеком года» (очерк «Мы столкнулись с мафией» был опубликован под рубрикой «Советские знаменитости. 12 имен года»).

Извечный вопрос: а судьи кто?

В том же номере «Московских новостей» помещено интервью с А. Сиявским и соболезнование по поводу

кончины Ю. Даниэля. Оба писателя — и еженедельник напоминает об этом — жертвы первого процесса над диссидентами, угробившего надежды «шестидесятников» на реанимацию Оттепели и заложившего «правовой» камень в основание брежневского правления. Прокурором на том печальном, этапном суде был... О. Темушкин.

Впрочем, кто прошлое помянет...

Насколько драматичной и неоднозначной была обстановка, видно из показаний одного из делегатов, привлеченных к уголовной ответственности, бывшего кандидата в члены ЦК КПСС И. Джаббарова:

«Конечно, находясь еще на свободе и на посту первого секретаря Бухарского обкома партии, я знал, что арестованы крупные руководители, и, конечно же, помнил, что я давал им взятки... Я был делегатом XIX партийной конференции в Москве. И когда на конференции был поднят вопрос о том, что в зале находятся взяточники, это было для меня большой неожиданностью. Я был готов к тому, что этот вопрос мог возникнуть где-либо на другом уровне, но на партконференции я этого не ожидал. Было очевидно, что статья в «Огоньке» — «Противостояние», написанная руководителями следственной группы Гдляном и Ивановым, касалась проблем Узбекистана, и, естественно, если речь шла в ней о взяточниках, то мы сразу поняли, что о ком-то из делегации. Поэтому я был сильно подавлен и расстроен, так как не исключал, что речь шла в том числе и обо мне как о взяточнике. Естественно, все эти дни я был сильно в подавленном состоянии, так как было принято решение поручить КПК при ЦК КПСС и Прокуратуре СССР разобраться с этим вопросом. Я ожидал вызова в КПК и начала разбора этой информации, но вызова не последовало...»

Эта «огоньковская» публикация стала уже притчей во языцех. На нее ссылался в своем выступлении адвокат Ю. Чурбанова. И не только на нее:

— Надо понять — процесс вышел за рамки обычного судебного дела. С моей точки зрения, этому способствовало то, что до рассмотрения дела судом, не закончив расследования, следственные органы пытались создать определенное общественное мнение, публикуя в печати материалы о своей работе. Судите сами: следствие еще не было закончено, подсудимые не предстали перед судом, суд не выносил своего решения, а обвиняемые, вопреки презумпции невиновности, объявляются преступниками. Естественно, с подачи материалов предварительного след-

ствия общественное мнение выносит вердикт о виновности.

Но... В зале суда председательствующий генерал-майор М. Маров веско и безапелляционно изрек:

— Я газет не читаю.

Стало быть, защитник полагает, что растревоженная, словно улей, общественность настроена против его подзащитных без меры тенденциозно...

Жаль, что я не смогу, при всей своей старательности, воспроизвести скромные интонации того из подсудимых, который весьма эмоционально отказался от своих предыдущих признаний. На вопрос, почему во время следствия давались обильные показания, бывший страж закона спокойно и обстоятельно пояснил: следователи хлопотали по поводу сложной операции, и он-де сомневался, будут ли юристы пробивать для него сложную медпомощь, коль скоро его поведение сочтут нелояльным.

Мне, право, жаль. Общественное мнение уже «недоориентировать», показав по ТВ видеозаписи допросов и очных ставок. Напомню: суд с этими записями знакомиться отчего-то не пожелал. Вернее, просмотр состоялся, но за три часа, само собой, нельзя ознакомиться с десятками многочасовых кассет. А сколько занимательного таят эти ленты-документы. Куда там старым добрым голливудским вестернам с их по-киношному суетливыми нападениями на почтовые поезда Трансамериканской магистралл!

Ахъяев, отвечая на вопрос гособвинителя, почему он, дескать, категорически отказывается от столь складно проговоренных в объектив видеокамеры показаний, сказал, я помню, нечто вроде:

— Меня готовили к съемкам...

В прошлом году мне доводилось присутствовать на видеозаписи следственных действий, и, на мой взгляд, проходят эти съемки в куда более уравновешенной атмосфере, нежели кинематографические баталии на площадках «Мосфильма». И иногда разыгрываются непредсказуемые сценки, которые, честное слово, не срежиссировать даже добросовестным создателям «Семнадцати мгновений весны».

Очная ставка: Кахраманов — Чурбанов. Юрий Михайлович несколько растерянно пытается припомнить, как получил от своего визави «подарок» — 50 тысяч рублей.

— В свертке, кажется.

— Как в свертке! — искренне вскидывается возмущенный оппонент.

И, раздосадованно покачивая головой, уверенно так

поясняет, что пачки банкнот кирпичиками забивались в новенький «кейс». А сверху он прикрыл подношение шикарным отрезом ткани (50 рублей).

— Чтобы деньги не шуршали.

...Кахраманов судом оправдан.

За Чурбановым суд оставил лишь три эпизода, включая и тот, по которому уже имелся приговор этого же суда. (В мае позапрошлого года Верховный суд СССР рассмотрел дело Каримова, где зам. Щелокова признался в получении 10 тысяч от «бухарского эмира».) Суд не оставил даже те эпизоды, в которых «Юр-Михалыч» безоговорочно признавался. Детали, мол, не сходятся. Как будто спустя столько лет можно дотошно припомнить, какого цвета запонки были у собеседника!

При всем этом Чурбанову дали 12 лет. Я знаю, что моя точка зрения непопулярна. Во время одного из выступлений мне кинули реплику из первого ряда:

— Так что же, 15 суток ему надо было дать?

Нет, конечно, однако умышленное убийство при отсутствии отягчающих обстоятельств (например, в пылу семейной ссоры) наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет (ст. 103 УК РСФСР). Можно поехидничать: «А тут что, взяточки какие-то тысяч по двадцать?» Можно. Но все-таки, по-моему, убийство и взятка несопоставимы.

Сыр-бор разгорелся и вокруг того, можно ли, мол, судить Чурбанова «за застой». Ну что ж... Такой спрос у нас водится лишь с тех, о ком и говорить-то положено «либо хорошо, либо ничего». А Чурбанов жив, стало быть, судить его за *это* не в наших горьких правилах. А если серьезно...

Конечно, Чурбанов во многом виноват. Но! Не более, чем тысячи таких же, быть может, менее удачливых беспринципных карьеристов, которые возвели в добродетель двойную мораль.

Энциклопедический словарь провозглашает: «*mafia*» — «тайная террористическая организация в Италии, возникшая в Сицилии, использующая методы шантажа и насилия».

Но я что-то не припомню, чтобы сицилийская мафия подлаживалась под местную фигуру такого масштаба, как первый зам правоохранительного министерства.

Может, я взял слишком круто? Палку перегнул? Ведь послушать чурбановского адвоката, так его подопечный

не ведал, что творил. Замминистра внутренних дел не знал Уголовный кодекс? Однако в трамваях, троллейбусах и автобусах безжалостно штрафуют за безбилетный проезд, невзирая на отсутствие талончиков или мелочи в кошельке. И нарушение законов не освобождает от ответственности, допустим, его соотечественниц-«несушек», тащащих с кондитерской фабрики сладости своим детям (потому что продукцию родного цеха не купишь за кровно заработанные денежки в ближайшей кондитерской, зазывно раскрашенной неестественно пышными тортами и кренделями).

Цитирую стенограмму выступления члена Московской коллегии адвокатов Макарова А. М. перед профессорско-преподавательским составом Высшей юридической заочной школы МВД СССР (аналогичные мысли защитник Чурбанова высказал и в сюжете ленинградской телепередачи «Пятое колесо»):

— Первое впечатление по делу Чурбанова и других такое, что оно от корки до корки было проникнуто духом застойного времени, когда органам внутренних дел и органам прокуратуры, а это относится и к последним годам, старались выдать желаемое за действительное. Особенно это относится к Гдляну и Иванову, которые в своем стремлении к вселенской славе с самого начала, используя периодическую печать, придали (внимание, следите за его рукавом, там бритва, клянусь! — Авт.) уголовному делу политическую окраску, то есть, давая неоднократные интервью корреспондентам различных газет и журналов, выступая со статьями сами, оперируя такими терминами, как «коррупция», «мафия», «преступники», пытались доказать, что это не обычное уголовное дело, а политическое. «Следственная группа Прокуратуры СССР копает глубоко», — это первые слова Гдляна. Далее он заявлял, что на него якобы готовилось покушение в Узбекистане, но он чудом остался жив. Когда же заговор с целью его убийства был раскрыт, то министр внутренних дел Узбекистана застрелился.

Словом, общий размах с тем же прицелом, что у одного из оппонентов «великого комбинатора»: «Сам дурак!»

Не стану ссылаться на оперативные данные, доказывающие, что на Гдляна неоднократно готовились покушения, в том числе и упомянутым экс-министром К. Эргашевым, которого «добрые люди» предупредили о готовящемся аресте буквально накануне задержания.

Сам адвокат педвуслмысленно дает понять, что ему тоже грозила (от работников Прокуратуры СССР?) не меньшая опасность, чем какому-то там Гдяну (см. ниже).

Недоволен Андрей Михайлович и гособвинением — генерал-майором А. В. Сбоевым. Цитирую стенограмму дальше:

— Еще до процесса государственный обвинитель в своем первом интервью в печати заявил, что по делу достаточно доказательств по всем эпизодам предъявленного моему подзащитному обвинения. Но затем он сам отказался от многих эпизодов. От 600 тысяч, инкриминируемых Чурбанову вначале, фактически «отлетело» более 500 тысяч, осталось лишь 90 тысяч, якобы полученных Чурбановым в виде взяток от различных должностных лиц Узбекистана. Вообще, следует отметить, что речь Сбоева на процессе по делу Чурбанова была выдержана в духе речи Вышинского на процессе по делу Бухарина. Речи Сбоева и Вышинского почти идентичны.

Приведу диалог Макарова с профессорско-преподавательским составом учебного заведения МВД.

Вопрос:

— Скажите, как отнесся Чурбанов к объявленному ему приговору?

Ответ Макарова:

— С огромным энтузиазмом. Он остался доволен.

Вопрос:

— Сколько вы заработали на защите Чурбанова?

Ответ Макарова:

— Буквально три дня назад я узнал, что мне за защиту Ю. М. Чурбанова заплатили 120 тысяч рублей. Я был польщен и доволен, что мои профессиональные знания, мой юридический опыт адвоката оценены столь высоко. Ну а если говорить правду, то за время почти годовой работы по делу Чурбанова я получил всего 70 процентов от двух тысяч шестисот пятидесяти рублей, поступивших в кассу юридической консультации.

Цитирую заявление, с которым А. В. Сбоев выступил через две недели после оглашения приговора:

— Считаю, что оправдание Кахраманова необоснованно, и, напротив, меры наказания, избранные судом для Бегельмана и Джамалова, явно завышены. Дело в том, что Бегельман полностью, а Джамалов частично признали свою вину, активно способствовали установлению истины в ходе всего следствия по делу. Думаю, что такую позицию нельзя рассматривать иначе, как смягчающие вину

обстоятельства. Суд пренебрег чистосердечным признанием, по существу, приравнял их к тем, кто юлил и выкручивался... Какой же вывод можно сделать из такого приговора? Не признаваясь, ври — все сойдет с рук? Моя неудовлетворенность некоторыми результатами суда определяется еще и тем, что этот процесс был первым серьезным судом над коррупцией. Он создал прецедент.

Из заключительной речи государственного обвинителя:
— Возглавляя вместе с Щелоковым МВД СССР, Чурбанов, используя свою близость к главе государства и власть первого заместителя министра (кстати, курируя кадры МВД), не гнушался, как это было бесспорно установлено в судебном заседании, пышных встреч, приемов и застолий, обильных угощений и дорогих подношений. Вокруг Чурбанова был известный начальственный ореол. Благодаря этому ореолу он воспринимался выше, чем какой-либо министр. Это была особа, как выражались в старину, приближенная... Все его поступки определялись не столько размером личности, сколько непомерной жадностью, властолюбием, которые были в полной мере использованы многочисленными приспособленцами, угодниками и подхалимами. Таких людей в период застоя в нашей стране было немало, и жилось им, как нам известно, неплохо.

И еще на один момент обратил внимание прокурор:
— В интервью журналистам и в процессе судебного разбирательства адвокат подсудимого Чурбанова постоянно проводит линию и пытается внушить, что его подзащитного хотят осудить лишь за родственные связи. Только за родственные связи, какими бы высокими они ни были, к уголовной ответственности не привлекают. Это, по-моему, всем известно. Но говоря о Чурбанове как о взяточнике, нельзя сбрасывать со счета его родственную связь, ибо именно благодаря ей, этой связи, а не его личным заслугам он так высоко вознесся, получил власть и так воспринимался во всех регионах страны, где ему отдавались чуть ли не королевские почести. Хотя по своим деловым качествам и профессиональной подготовке он, конечно же, далеко не дорос до того поста, который он получил из рук «добренького» тестя... В невероятно сжатые сроки он получил три генеральских звания и как на дрожжах вырос до генерал-полковника. Даже на фронте, во время войны, так быстро не получали звания. Войдя во вкус и проявляя необузданную корысть, будучи уверованным в своей неприкосновенности, Чурбанов стал

брать взятки систематически и крупными денежными суммами... Сидящие на скамье подсудимых люди имеют право на защиту и это право им реально обеспечено присутствием у каждого персонально квалифицированного адвоката, а также право каждого подсудимого давать пояснения, как он пожелает, или вообще отказаться от показаний, как это сделал Чурбанов. Особенно ему не давался вопрос, куда он девал полученные от взяточдателей деньги.

...Остались в тени и те, кто препятствовал скорому расследованию этого дела. Арест Чурбанова оттягивался более года. За это время он успел спрятать концы в воду. И в огонь. Среди немногочисленных «вещдоков» — роскошный национальный халат (чапан), который у него выпросил сосед, увидев, как «Юр-Михалыч» жжет во дворе своей подмосковной дачи улики. (А Чурбанов прекрасно был осведомлен, что именно инкриминирует ему следствие). Сейчас экс-генерал жалеет, наверное, что поддавшись на просьбу верного, как ему казалось, знакомого, не предал огню золотошвейное свидетельство одного из своих визитов.

А кто-то, я убежден в этом, жалеет, что сам Чурбанов не поддался жестокому прессингу и не покончил с собой. Кое-кого бы устроило, если бы вице-министр последовал драматическому финалу своего непосредственного шефа...

Уверен, что когда-нибудь откроются архивы, и мы, конечно же, узнаем интригующие подробности криминального аспекта нашей истории. Будем, например, не хуже ориентироваться в подробностях неудавшегося покушения на Брежнева в конце 60-х, чем в перипетиях удавшегося — на Кеннеди — несколькими годами раньше...

По мне, иные из этих недавних самоубийств неотделимы при внимательном анализе от миндального привкуса келейных игр.

Что все-таки выпуждает титулованных мафиози нажимать на курки казенных парабеллумов? Если игнорировать сомнительную версию профессионально срежиссированных «убираний со сцены».

Мне кажется, что трагические копцы ушедших из жизни чиновников предопределены были тогда, когда они не смогли свести слово с делом, поддались общему ликованию, не сладили с Системой. Это только у орденов не бывает обратной стороны, а у постов и должностей, оказывается, бывает. «Власть в виде пирамиды устойчива, но имеет маленькую голову». И еще один афоризм: «Цен-

ность коррупции в том, что она разъедает старое общество и создает новое». Сотни тысяч рублей получили высокопоставленные мафиози в виде «подарков». Напрашивается вопрос: почему не «дарили» простым труженикам?

В чем подоплека самоубийств? Светлана Владимировна Щелокова, например, не выдержала «унижений»: ее перестали приглашать на приемы, предъявлялись счета за стирку белья, не замечалось прежнего подобострастия шоферов. Ну а ее муж, Николай Анисимович, после допросов и очных ставок не мог не догадаться о хмурых перспективах.

Думаю, что, если бы дело дошло до суда над бывшим министром, он так же, как и Чурбанов, великодушно согласился бы: да, мол, брал у такого-то. Сколько? А сколько он говорит, что дал, столько я и взял, мол, имярек — честный, порядочный человек, «у меня нет оснований не доверять его показаниям». Честный. Просто другие законы, другие понятия о честности.

В конце концов они сами методично, от конверта к конверту увеличивая личное «благополучие», поднимаясь по служебной лестнице, опускались нравственно.

Одни погибли, другие получили свой срок. Неизбежный финал? Думаю, что нет. Не дай в свое время Ю. В. Андропов импульс всем этим делам, могло и «обойтись».

Но остались у них наследники, любители сладко покуражиться над Законом. Я имею в виду не наследников их припрятанных сокровищ, конечно. Хватит нам питаться «волнительными» слухами, пора открывать еще одну «закрытую тему».

ОБ АВТОРАХ

ЮРИЙ ЩЕКОЧИХИН. Закончил факультет журналистики МГУ. Работал в «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», в последнее время — обозреватель «Литературной газеты».

Автор книг «На качелях», «Алло, мы вас слышим», «Трудный подросток». Автор пьес «Ловушка № 46, рост 2», «Между небом и землей жаворонок вьется». Им написаны сценарии документального фильма «Лимита», трех художественных: «Меня зовут Арлекино», «Щенок», «Комментарии к прошению о помиловании».

Лауреат премии московской организации Союза журналистов СССР, премии Министерства культуры СССР за лучшую пьесу года для юношества.

Более 20 лет выступает в печати по проблемам молодежи и проблемам права.

АЛЕКСАНДР ГУРОВ закончил юридический факультет МГУ. Длительное время работал в МУРе и в Управлении уголовного розыска МВД СССР, а с 1978 г. — во ВНИИ МВД СССР. Доктор юридических наук. Докторская посвящена проблемам профессиональной и организованной преступности. Научная тема А. Гурова: корыстные преступления, кражи, мошенничество, рэкет. Он автор ряда монографий, популярных статей по проблемам права. В этом году в издательстве юридической литературы выходит его книга: «Профессиональная преступность: история и современность» (15 авторских листов).

Звание — подполковник.

ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ. Семь лет назад окончил международное отделение журфака МГУ. Работал в газете «Советская Россия». Ныне — корреспондент «Огонька». Автор многочисленных очерков и репортажей, вызвавших общественный резонанс не

только у нас в стране, но и за рубежом. Его материалы «Бронированные мундир», «Из жизни марионеток», «Колющее небо», опубликованные в «Огоньке», запомнились читателям. Кроме того, Д. Лиханов — автор заметных выступлений на страницах «Комсомольской правды», «Сельской молодежи», испанской газеты «Эль Паис», английской «Санди таймс» и пр. Представленный в настоящем сборнике документальный очерк «Анатомия касты» (удостоен премии «Огонька» за 1986 г.) повествует о процессе по делу Трегубова, которое расследовала бригада Прокуратуры РСФСР под руководством следователя В. Олейника. Само следствие, суд и огоньковская публикация во многом стали возможны благодаря содействию тогдашнего первого секретаря МК КПСС Б. Ельцина.

ТЕЛЬМАН ГДЛЯН в 21 год вступил в партию. После окончания Саратовского юридического института работал следователем прокуратуры Барышского района Ульяновской области. В 1973 году стал старшим следователем Ульяновской облпрокуратуры. С 1982 года Гдлян работает в Москве.

Свидетельством его популярности стало избрание народным депутатом СССР.

В настоящее время старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т. Х. Гдлян приказом Генерального прокурора СССР отстранен от руководства следственной группой и выведен из ее состава. Решением Съезда создана Комиссия народных депутатов для проверки материалов, связанных с деятельностью следственной группы Прокуратуры СССР, возглавлявшейся Т. Х. Гдляном.

ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ. Ведущий телепередачи «Пятое колесо» назвал Додолева скандальным журналистом. Пожалуй, это верно, если понимать под скандалом широкий и неоднозначный читательский отклик. Он стал первооткрывателем такой больной темы, как проституция: репортажи «Ночные охотницы» и «Белый танец», напечатанные в 1986 году «Московским комсомольцем», отмечены премией СЖ СССР. Смелый журналист с самобытным пером бьет по наиболее чувствительным точкам: похищения детей («Неделя»), вельможная коррупция («Труд»), киноэротика («Смепа»), мплицейско-журналистская недобросовестность («Журналист»). Его статью «Наследники» о живущих вне закона «новых миллионерах» перепечатали во многих странах. Работает Е. Додолев в московской штаб-квартире Международной ассоциации детективного и политического романа, которую возглавляет Юлиан Семенов.

ЛЕОНИД МИЛОШ. Окончил Ленинградский техникум авиационного приборостроения и журфак ЛГУ. Один из наиболее популярных ленинградских журналистов, пишущих на правовую тему (он работает в этом направлении более 10 лет). Автор нескольких брошюр из серии «На страже закона». Регулярно выступает на страницах ленинградских газет и журнала «Смена» с актуальными публикациями на тему морали и права. За ряд статей на «чекистскую» тему награжден в конце 1988 года почетной грамотой «К 70-летию ВЧК—КГБ» и премией.

ЛАРИСА КИСЛИНСКАЯ более 10 лет отдала работе в ТАСС. Спецкор агентства. С 1986 года активно занимается разработкой новых тем. По традиции между самыми заметными журналистами ТАСС и газетой «Советская Россия» сложились конструктивные, плодотворные взаимоотношения. Именно на страницах этой газеты Кислинская выступила с рядом очень интересных публикаций, среди которых — «Легкое поведение на весах правосудия» — о «вокзальной» проституции. Лауреат премии Гиляровского. В 1988 году получила ко Дню советской милиции премию ГУВД Мосгорисполкома. Лауреат премии правления Союза журналистов за 1989 год. Готовится к выходу сборник ее публикаций на правовую тематику (издательство «Московский рабочий»).

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВ. У него насыщенная трудовая биография: после школы работал лаборантом, техником, слесарем на заводе, диспетчером завода и цеха. А еще он учился на истфаке педагогического института... Семь лет назад пришел в «Московский комсомолец», работал корреспондентом, затем — заведовал сектором рабочей молодежи. Из «молодежки» перешел в «Социалистическую индустрию». Зарекомендовал себя как смелый и в то же время вдумчивый репортер. Не раз от его принципиальности, журналистской честности зависели судьбы людей. И Сергеев всегда оказывался на высоте. С начала прошлого года он работает в еженедельнике «Семья». Во многих отношениях именно благодаря обозревателю Сергееву «Семья» завоевывает своего читателя.

НИКОЛАЙ ЗАЙКИН — член Союза журналистов СССР. Пишет на правовые темы. Выбор такой тематики не случаен, так как он имеет юридическое образование (закончил юридический факультет Московского государственного университета) и стаж работы следователем. Сейчас — ответственный секретарь журнала Прокуратуры Союза ССР «Социалистическая законность».

Выступает в различных периодических изданиях с материалами по вопросам предупреждения преступлений несовершеннолетних, профессиональной этики и психологии, судебной экспертизы и др.

Постоянная тема его выступлений — защита прав и интересов граждан, социальная справедливость. Причем чаще всего герои этих публикаций — работники правоохранительных органов. Как ни парадоксально, их правовая незащищенность очень велика. Об этом же и помещенный в сборнике материал «Охота на прокурора».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Катусев. Слово к читателям</i>	3
Ю. Щекочихин, А. Гуров. ЛЕВ ПРЫГНУЛ! . .	6
Д. Лиханов. АНАТОМИЯ КАСТЫ	21
Т. Гдяня, Е. Додолев. СТУПЕНИ	51—83 *
Л. Милош. ИГРА В НАПЕРСТОК И «БОЕВИ- КИ» РЭКЕТА	84
Л. Кислинская. ФИАСКО	105
А. Сергеев. ТЕМНЫЙ ЛИК	122
Н. Заикин. ОХОТА НА ПРОКУРОРА	130
Е. Додолев. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ВРЕМЕН ЗАСТОЯ	150
<i>Об авторах</i>	187

* Текст снят.

Процессы: Гласность и мафия: противостояние. /
П 84 Сост. Е. Додолев. Предисл. А. Катусева. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 192 с. — 32 с.

ISBN 5-235-00980-0

В сборник «Процессы» вошли очерки о наиболее «громких» процессах, прошедших в последние годы в Москве, Узбекистане... Собранные в книгу материалы дают представление о том, как бесхозяйственность, безответственность, стремление к наживе приводят к процветанию коррупции, преступной халатности. Авторы сборника — юристы, журналисты, которые выступают по проблемам права. Издание рассчитано на массового читателя.

П 1203021300—243
078(02)—89—056—90

ББК 67.99(2)8

ИБ № 6573

ПРОЦЕССЫ

Заведующий редакцией **В. Володченко**

Редактор **М. Земнов**

Художник **А. Гусев**

Художественный редактор **К. Фадин**

Технический редактор **З. Ахметова**

Корректоры **Е. Дмитриева, Н. Самойлова, М. Пензякова**

Сдано в набор 20.03.89. Подписано в печать 26.06.89. А04870. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,40. Условн. кр.-отт. 8,82. Учетно-изд. л. 8,8. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 руб. Изд. № 1085. Заказ 9—366.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00980-0

ПРОЦЕССЫ

Самые нашумевшие уголовные дела последних лет — «трегубовское», «чурбановское» — анализируются авторами сборника. Но речь идет не о конкретных судебных процессах, а о процессах социальных. Становление нового и сопротивление старого. Ускорение и торможение. Противостояние, которое приобретает время от времени революционный накал.

Название книги не случайно. Это не просто репортажные зарисовки судебных процессов, но прежде всего анатомия процессов очищения и созидания правового государства. И, быть может, своего рода вклад в развитие гласности.

